

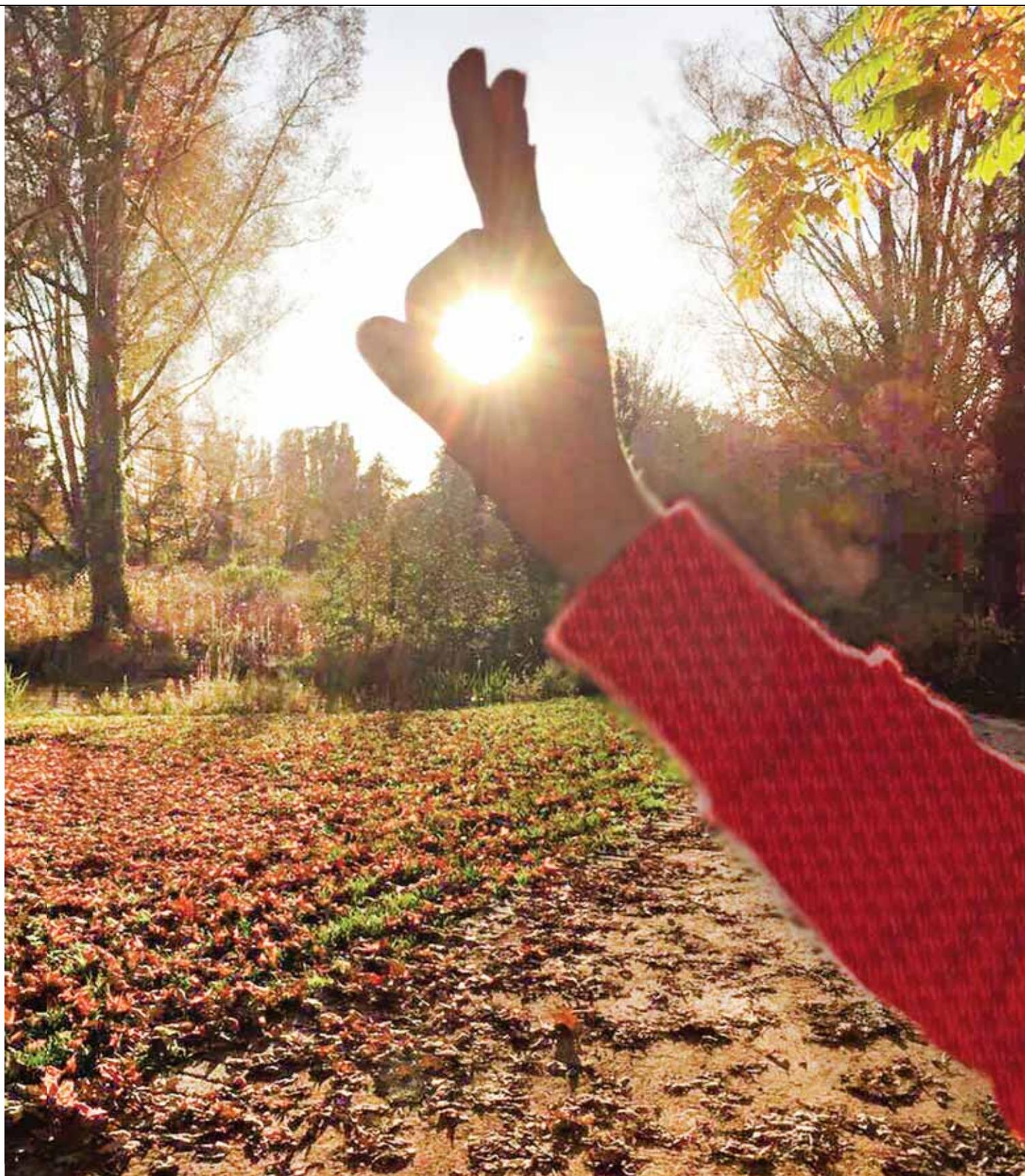

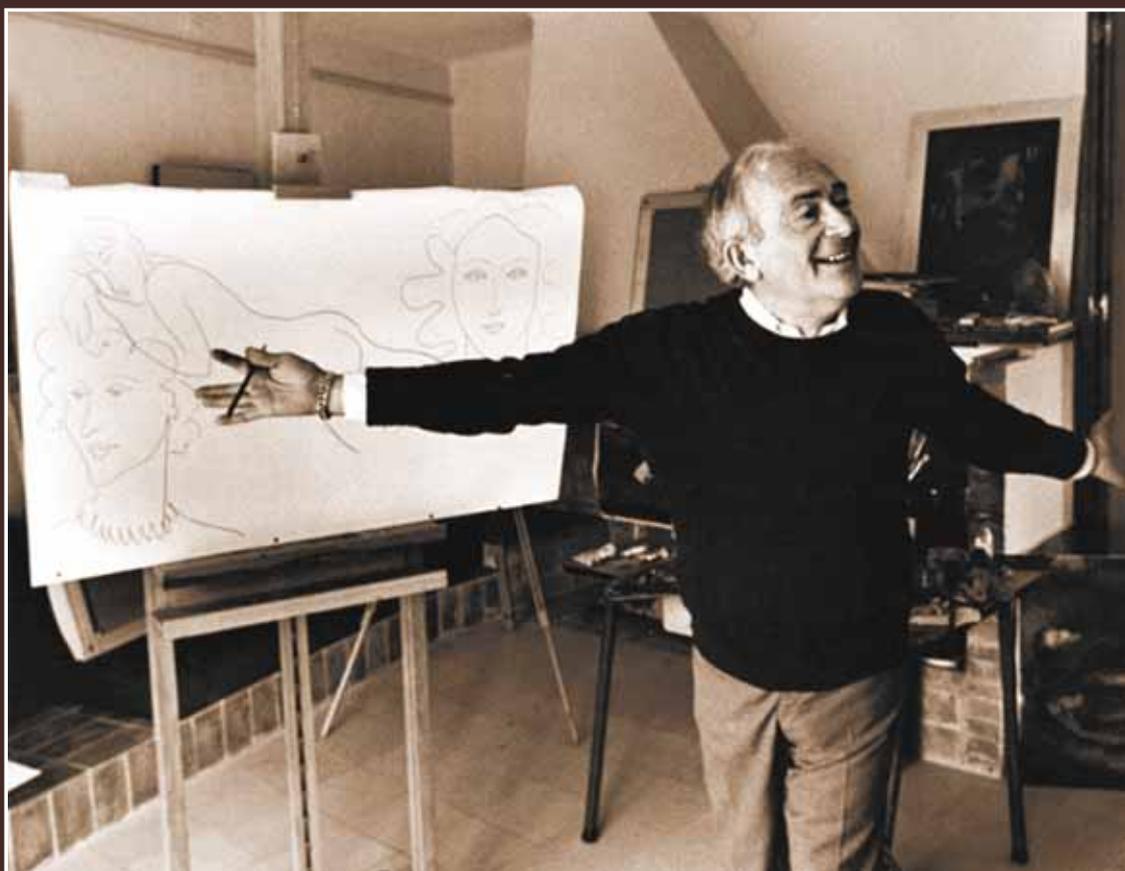
СМЕНА

№ 10 ОКТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2017

О жизни и творчестве художника Элмира де Хори
читайте на странице 67.

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Арзамасская атаманша** 4

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Парадоксы Федора Тютчева**..... 16

Это интересно

Владимир Братченко **Два удивительных мецената** 36

Дмитрий Зелов **Память о Чесме** 82

Рассказ

Владимир Куницын **«гороУХЦА»** 52

Замечательные современники

Елена Воробьева **Игорь Неведров:
«Любовь — ключ ко всему!»** 76

Георгий Кричевский **«Неправильная»
Алла Демидова** 114

Великие фальсификаторы

Ирина Опимах **Фальшивка как искусство** 67

Житейские истории

Ольга Онуфриева **Зита**..... 92

Минувшее

Алла Зубкова **Последняя любовь
императора** 98

Литературные страницы МСПС

Зураб Бермузов **Стихи** 132

Остросюжетный роман

Ольга Торощина **Все ради тебя — «ВИКА»!** 136

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтиюд Ульяны Кизиловой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

Можайский
полиграфический
комбинат

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8400

Зак. № 6558

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.09.2017

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« В августе 1553 года в Московию, с целью оценить потенциальные торговые выгоды, прибыл первый англичанин — мореплаватель Ричард Ченслер.

С этого времени и начинается история взаимоотношений двух великих держав. Эти отношения на протяжении нескольких веков развивались по-разному: были периоды искреннего сближения, были периоды жесткого противостояния. Еще во времена королевы Елизаветы интересы англичан распространялись намного дальше, чем монополизация торговли, англичане стремились подчинить себе всю внутреннюю и внешнюю политику Московского государства, и если не мирным путем, то силой заставить Россию принять английский протекторат. После распада СССР отношения эти немного улучшились, но ненадолго. Так что со времен Ивана Грозного стабильности между этими двумя странами, увы, не прибавилось. А жаль...

Светлана **Бестужева-Лада** «История российско-британских отношений»

« Его художественный талант принадлежит к числу самых исключительных в мировой литературе XX века. Оригинальной, ни на кого не похожей была и личность этого большого прозаика, написавшего в количественном измерении совсем немного. Юрий Олеся, автор непревзойденной детской книги «Три толстяка», уникального романа «Зависть» и посмертно изданного дневника литературных откровений «Ни дня без строчки», умер от разрыва сердца, не дожив до 62 лет. У него была душа мудреца и одновременно ребенка, переполненная любовью к миру и к одной-единственной женщине...

Юрий **Осипов** «На кончике солнечного луча»

« Талантливая балерина, прима Мариинского Императорского театра Матильда Кшесинская была первой любовью цесаревича-наследника Николая Александровича. Она и представить себе не могла, что ее обожаемый Ники будет зверски убит со всей семьей, что после его помолвки с немецкой принцессой они больше никогда не встретятся, хотя до конца своей жизни она его так и не забудет. Их разлука была неизбежной, но с его гибелью ушли и ревность, и обида, остались лишь боль и горечь....

Владимир **Братченко** «Матильда»

« Окончание остросюжетного романа Ольги **Торощиной** «Все ради тебя — "ВИКА"!»

Светлана
Бестужева-Лада

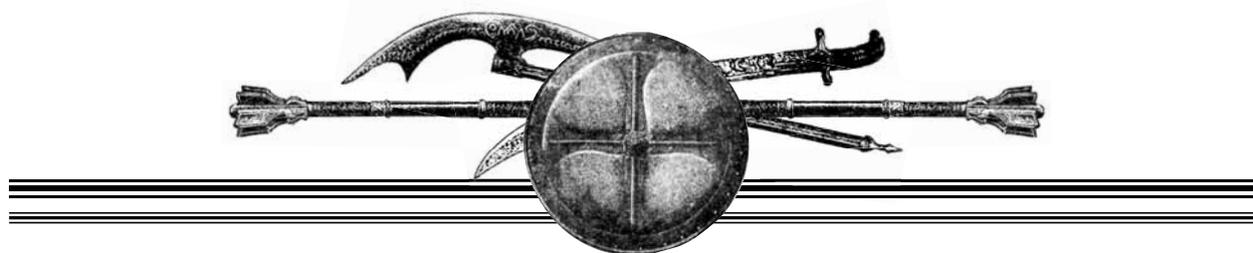
Арзамасская атаманша

Все знают «легенду» о том, как Разин утопил персидскую княжну в Волге, принеся ее в жертву великой реке. То ли красавица-персиянка ему наскучила, то ли, наоборот, взяла над сердцем казака слишком большую власть, чем вызвала недовольство соратников. Как бы то ни было, достоверный факт, что у Разина был целый гарем из пленных женщин. Подумаешь, одной больше, одной меньше...

Но практически ничего не известно о той, которая сражалась бок о бок со знаменитым атаманом, не уступая ему ни в отваге, ни в силе.

Вернее, известно, но как-то быстро забылось. В России. А вот на Западе, что не характерно, за «мятежом в Московии» следили очень пристально.

Внимание Европы к восстанию Разина было приковано не из любопытства: от исхода борьбы зависела судьба важнейших торговых путей по Волге, связывавших Европу с поставщиками русского хлеба и с Персией. Многие иностранцы стали свидетелями прибытия пленного Разина в Москву и его казни (в этом было заинтересовано правительство Алексея Михайловича, стремившееся уверить Европу в окончательной победе над восставшими). В России же постарались поскорее забыть об этом «бессмысленном и беспощадном» бунте...

А началось это восстание, как элементарные и привычные разбойничьи набеги вольных донских казаков на приграничные с ними земли.

Первые исторические свидетельства о Степане Разине относятся к 1652 году. Отец его не раз принимал участие в военных походах против турок-османов. Однажды он привез с собой «боевой трофей»: турецкую красавицу-полонянку, и женился на ней. (Кстати, у казаков это было делом обычным — женщин в приграничных военных поселениях катастрофически не хватало, и, чтобы жениться, казакам порой приходилось «брать невест на саблю» при штурме вражеских городов.) Турчанка родила казаку Разе троих сы-

новой: Ивана, Степана и Фрола. Из всех троих только средний сын Степан пошел в мать и черными жгучими глазами, и необузданным нравом. Тридцати с небольшим лет от роду он уже стал атаманом казачьего войска, направленного в Крым воевать с местными татарами, вернулся с большой добычей и с тех пор пользовался непререкаемым авторитетом среди казачества. Их было двое — полномочных представителей донского казачества: первый — сам Степан Разин, а второй — его старший брат Иван.

В 1665 году царский воевода князь Юрий Долгоруков во время одного из конфликтов с донскими казаками, желающими во время несения цар-

ской службы уйти на Дон, велел казнить Ивана. Это событие сильнейшим образом повлияло на Степана: стремление отомстить Долгорукову и царской администрации соединилось с желанием вольной и благополучной жизни для казаков, находившихся под его началом.

В 1667 году вблизи Волго-Донской переправы у городков Паншина и Качалина собралось 500–800 казаков, но к ним прибывали все новые люди, и число собравшихся возросло до 2000 человек.

Поход распространился на нижнюю Волгу, на Яик и в Персию, носил характер неповиновения Московскому правлению и блокировал торговый путь на Волгу. Все это неизбежно вело к столкновениям столь крупного казачьего отряда с царскими воеводами. Казаки расправлялись с начальными людьми и приказчиками, принимали к себе судовых ярыжных людей, а впоследствии их действия вышли за рамки обычного казачьего воровства и превратились, как бы сегодня сказали, в антиправительственное выступление. Это — разгром стрельцов во главе с воеводой Черного Яра С. Беклемишевым, а затем — взятие Яицкого городка.

Весной 1670 года Степан Разин организовал новый поход на Волгу, имевший характер уже открытого восстания. Он рассылал «прелестные» (прельстительные) письма, в которых призывал на свою сторону всех ищущих воли и желающих слу-

жить ему. Он вовсе не собирался свергать царя Алексея Михайловича, однако объявил себя врагом всей официальной администрации — воевод, дьяков, представителей церкви, обвинив их в «измене» царю, и отказывался даже обсуждать возможность прекращения восстания до выдачи ему головы князя Юрия Алексеевича Долгорукова, которого он винил в смерти своего брата Ивана.

Поход Разина на Волгу сопровождался массовыми восстаниями крепостных крестьян в недавно закрепощенных областях Поволжья. Здесь вожаками выступали, разумеется, не сам Разин и его казаки, а местные казачьи предводители, из которых наиболее известна беглая монахиня Алена Арзамасская, возглавившая крупный отряд беглых и крепостных людей Арзамасского уезда.

Родилась Алена в казачьем селе Выездная Слобода под Арзамасом. С детства любила слушать истории о воинских подвигах, о том, как арзамасские крестьяне вилами и рогатинами прогнали со своих угодий жадных монахов, пытавшихся захватить общинную землю.

Умела прясть, ткать, успевала и со скотиной управиться, и накосить, и стог сметать. Посвататься к такой работающей невесте охотников было много. Да и лицом, всей статью была Алена видной избранницей.

Замуж она вышла за крестьянина своей родной слободы. Но замужество было недолгим — ее муж от «надсадной» работы заболел и умер.

Незавидная участь выпала на долю молодой женщины.

От нужды она постриглась в монахини в женском Николаевском монастыре под Арзамасом. Здесь она обучилась грамоте, узнала народное врачевание. Лечила почками березы, тополя, сосны, корой кустарников и деревьев: калины, дуба, крушины, обвойника. При помощи «банной плесени» заживляла гнойные раны (в просвещенной Европе того времени такие раны при-

Когда началось восстание Степана Разина, Алена тайком покинула монастырь и присоединилась к восставшим. Ей удалось собрать отряд из 300–400 человек, и с ним она направилась к городу Темникову, где объединилась с отрядом Федора Сидорова, и они совместно разбили отряд воеводы Леонтия Шайсукова.

Ее хорошо знали в окрестных селах и деревнях: кому-то она вылечила ребенка, кого-то самого спасла от неминуемой смерти, у этого впра-

П

оход Разина на Волгу сопровождался массовыми восстаниями крепостных крестьян Поволжья. Здесь вожаками выступали местные казачьи предводители, из которых наиболее известна бывшая монахиня Алена Арзамасская, возглавившая крупный отряд беглых и крепостных людей Арзамасского уезда

жигались каленым железом), знала толк в болезнях животных.

Считалось, что все принявшие обряд пострижения, ушедшие от мира, составляют единую общину «сестер»-монахинь. Однако на самом деле в Николаевском монастыре, как и в прочих «божьих» обителях, господствовали отношения социального неравенства: всеми делами заправляли там выходцы из бояр и дворян, а «сестры» из простолюдинок работали по шестнадцать часов в день, «отдыхая» только во время молитв.

вила грыжу, у того свела из глаза ячмень... Крестьяне верили ей, почитали ее, уважительно называли Аленой-старицей. Она умела находить общий язык с людьми, умела заставить себя слушать. Ее бесхитростные речи волновали, ее глубокая убежденность в том, что они, крестьяне, должны помочь «батюшке» Степану Тимофеевичу, передавалась каждому бедняку и подневольному землепашцу.

Алену встречали как освободительницу: народ везде принимал старицу за посланницу Разина и охотно

следовал за ней. Командовавший карательным войском воевода Долгоруков сообщал о Москве, что Алена-старица «збирала с собою на воровство многих людей...»

Местом сбора повстанцев был город Темников. Сюда с боями продвигалась атаманша Алена. Там, где были сосредоточены крупные силы карателей, шли в ночное время, лесами. Как и Разин, она рассылала по округе «прелестные письма», призывая окрестных жителей в свои ряды.

О жизни, подвиге и трагической судьбе бесстрашной Алены из-

вестно из крайне отрывочных и скудных упоминаний в источниках. После кровопролитного боя у села Кременки попал в плен и был приведен в стан к князю Долгорукову есаул повстанцев беглый крестьянин Андрей Осипов. Во время допроса он рассказал, в частности, о том, что «в Шатцком-де уезде ходит баба ведунья, вдова, крестьянка Темниковского уезду Красной Слободы... И ныне та жонка и с воровскими людьми в Шатцком уезде, а из Шатцкого хотела итти в Касимов».

Поскольку среди повстанцев были раненые, Алена занималась и врачеванием. По-прежнему к старице-исцелительнице шли хворые и недужные, везли к ней на подводах и тяжелобольных.

Говорили, что она может не только лечить, снимать боль и заживлять раны, но и так зачаровать человека, что тот станет неуязвимым для врагов. Поэтому многие боялись ее и называли ведьмой. Не боялся белгой монахини только один человек — Стенька Разин.

Через руки Степана проходили такие ценности, которых ему было не прожить, не прогулять, не раздарить; он просто не знал, как их использовать. Таскать за собой возы с драгоценностями было обременительно, и Разин от случая к случаю зарывал награбленное добро в землю. Делал он это лично, в полном одиночестве — ни к чему плодить свидетелей, которые знают, где зарыты клады атамановы.

Степану нередко кричали в лицо обиженные и ограбленные им люди: «Креста на тебе нет!» — а он лишь усмехался.

Но однажды, закапывая очередной клад, он случайно обронил в яму нательный крест и не сразу схватился пропажи. А ведь жить без креста для настоящего казака — горькая доля... Он все думал, как бы вернуться на то место, откопать клад да отыскать свой крестик, но в условиях военного похода как-то не удавалось, недосуг было за боями...

— А ты не ищи этот клад, атаман, — сказала Разину Алена. — Пока крест в земле, он тебя хранит. И я тебя заговорю от пули, от сабли, от стрелы и копья, от ядра пушечного, от кинжала и от всякого лиха.

Разина считали заговоренным даже те, кто ничего не знал о ведунье Алене, прибившейся к его армии. Его в ту пору и вправду никто не мог не только убить, но и ранить. Он брал города, громил царские отряды, построил даже собственную крепость. Его войско контролировало практически всю Волгу, главную транспортную артерию, по которой шли торговые пути из России и всей Европы в страны Востока. Так что обещание свое ведунья исполнила и стала признанной соратницей атамана.

А он... он продолжал регулярно закапывать клады с ценностями, в каждом из которых прятал какую-нибудь свою вещь — шапку, саблю, чарку, ножны... Клады были защищены мистическими обрядами и заговорами. Алена многому научила Разина, и вскоре он сам стал втайне от своего войска понемногу «волховать»...

Когда до воеводы Долгорукова дошли слухи об атаманше Алене и об ее необычных способностях, он стал опасаться вдовы-ведуньи — видимо, она знала нечто такое, что давало ей власть над людьми, — и решил, что свести счеты с этой женщиной не менее важно, чем с верховным атаманом восставших Стенькой Разиным.

Осознав масштаб происходивших в его державе событий, царь, наконец, понял, что бунт слишком затянулся. С Разиным необходимо было совладать любой ценой. В Москве начали формировать ополчение, к королям Польши и Швеции были отправлены царские послы просить о помощи в борьбе с бунтовщиками. До московского патриарха докатились слухи, что донской

ство и ведовство она грехом не считала, а других прегрешений за собой ни числила. Даже покинув монастырь, Алена продолжала ощущать себя монахиней «в миру», носила монашеское одеяние, поверх которого облачалась в мужские военные доспехи, и старалась избегать поступков, которые церковь порицает. Поэтому бессудные казни невинных, на которые легко

Г

оворили, что она могла не только лечить, снимать боль и заживлять раны, но и так зачаровать человека, что он становился неуязвимым для врагов. Ее поэтому многие боялись и считали ведьмой. Не боялся беглой монахини только один человек — Стенька Разин

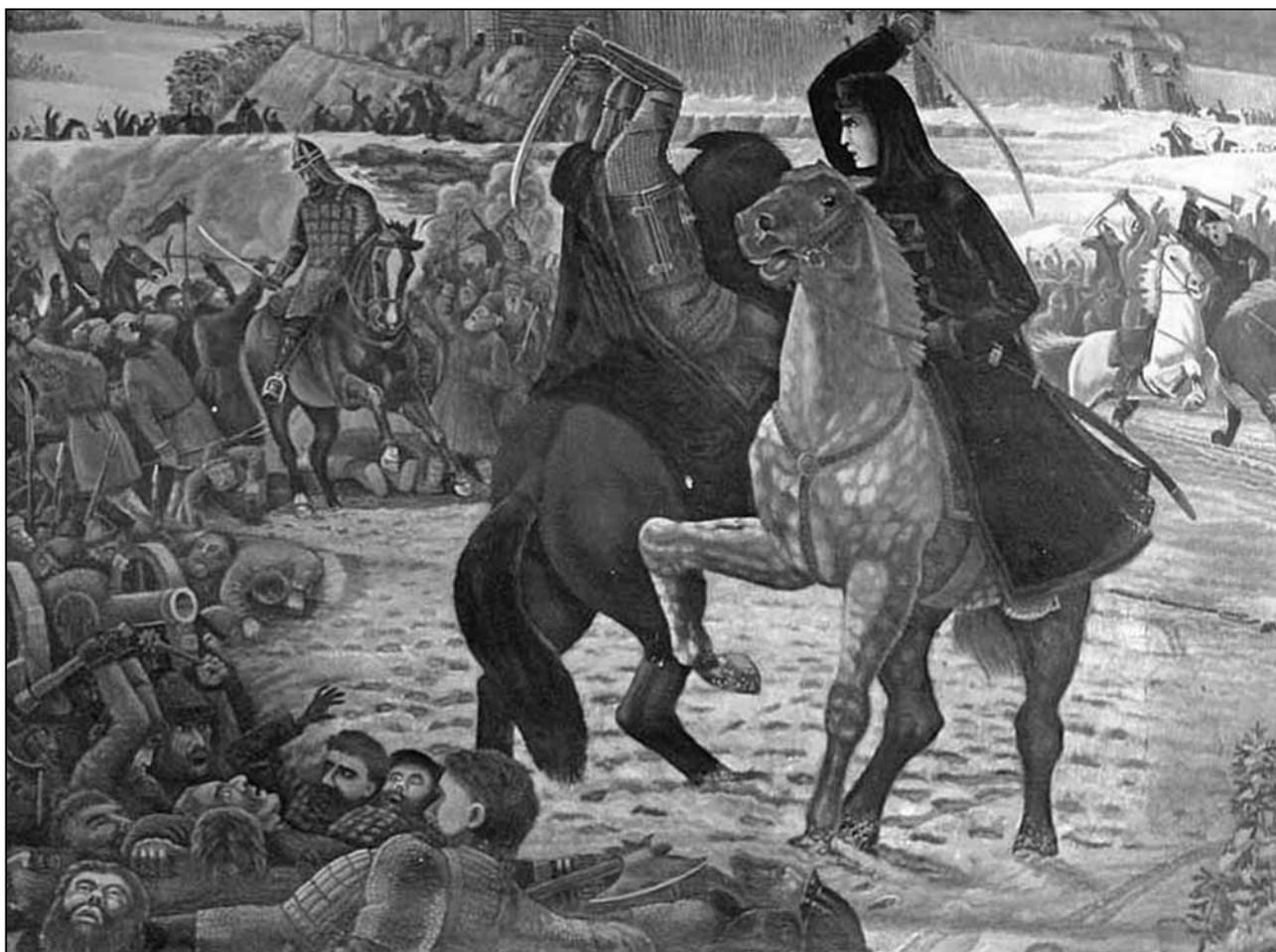
атаман, поднявший такую страшную смуту, отвернулся от православной церкви и не брезгует ведовством.

Таких людей считали еретиками, и церковь сказала свое слово. «Вора и еретика» Степана Разина отлучили от церкви, предав анафеме. В ответ Разин жестоко казнил астраханского митрополита Иосифа, которого поначалу обещал пощадить. Пусть церковники знают, что для атамана их проклятья ничего не значат...

На Алену весть об этой казни произвела тяжелое впечатление. Она хоть и не своей волей постриглась в монахини, но Богу была предана и веровала искренне. Знахар-

шел Степан Разин, бывшая инокиня считала смертным грехом.

Она оставила войско Разина и двинула свой отряд на Оку, по дороге объединившись с другим отрядом под командованием Федора Сидорова, преступника, выпущенного повстанцами из саранской тюрьмы. Федор признал главенствующее положение «старницы» в их сводном войске и стал ее правой рукой. Мечтой Алены было покорение Касимова, но там оказался слишком большой гарнизон царского войска. Не желая губить своих бойцов в жестоких боях, она повернула отряд к родному Арзамасу.

Отряд атаманши постоянно разрастался. Боярский сын Максим Веденяпин, бежавший из Темникова в ноябре 1670 года, доносил, что в городе стояло 4000 «воровских людей», да «в темниковском лесу на засеках на арзамасской дороге стоит воровских людей 8000 тысяч с огненным боем (с пушками)».

А у Степана Разина, оставшегося без магической защиты ведуньи, сразу начались беды. Вроде бы еще в сентябре 1670 года все было хорошо — он собирался брать штурмом Симбирск, подошел к городу и разбил на ближних подступах войско князя Барятинского. Казалось, что город обречен, но тут все по-

шло не так, как лихой атаман рассчитывал.

Боярин Милославский «затворился» в городской крепости и отбивал все попытки штурма. Целый месяц Разин пытался и так, и этак захватить Симбирск, но все безуспешно. Тем временем к городу подошло войско его заклятого врага князя Долгорукова, вернулся с остатками своих отрядов и жаждавший мести Барятинский, напав ночью на лагерь Разина. В этой схватке и случилось нечто неожиданное и невероятное — в бою Разин получил две раны!

Он такого не ожидал, даже не думал прятаться и уворачиваться во время боя — ведь Аленино заклятье

не раз его спасало! А тут вдруг получил сабельное ранение в голову и пулевое в ногу. Разин растерялся. Заклятие больше не действовало, и старицы Алены не было рядом, чтобы восстановить защитные чары... Верные казаки погрузили истекавшего кровью Степана на струг и увезли на Дон, залечивать раны.

Симбирск атаману так и не покорился, а еще хуже было то, что слава о его неуязвимости рухнула.

Оставшись без предводителя (оказавшегося к тому же обычным человеком, а вовсе не заговоренным героем), войско атамана стало рассыпаться. Люди, уставшие от вольницы, грабежей, походов и скитаний, потянулись по домам — к родному теплomu очагу, налаженному хозяйству, женам и детишкам...

Тем более что дело шло к зиме, а зимой без надежной крыши над головой человек чувствует себя бесприютным. Это было на руку царским воеводам — казачьи атаманы, собравшиеся вместе, да еще с таким главарем как Разин и большим войском, представляли страшную силу, а, расходясь по своим хуторам с жалкой кучкой соратников, превращались в легкую добычу.

Воеводы стали вылавливать уставших бунтовщиков в их родных хатах и брать их в плен. Каратели вели себя не менее жестоко, чем разинцы в дни побед. Особенно лютовал князь Долгоруков, мстивший за недавние унижения и проигрыши. Он без всякой жалости тысячами вешал, жег и топил бунтовщиков.

Теперь, когда удалось разметать армию Разина, у царских воевод были развязаны руки, чтобы свести счеты и со старицей Аленой, которую они тоже сумели захватить.

Через несколько дней воевода Долгоруков торжественно вступил в Темников, встреченный «иконами и крестами». К нему вышли «городские лучшие люди», которые с «низким челобитьем» просили прощения, что «у воровских людей были поневоле». Отряд воеводы прошел по городу торжественным маршем; позади процессии тащили связанных пленных во главе с арзмасской атаманшей.

Князь Долгоруков направил царю донесение, в котором сообщил, что велел всех пленных «пытать и огнем жечь», и, прежде всего, — старицу

*Степан
Разин*

Алену. Он подробно описал, как привели к нему «вора и еретика старицу, которая воровала и войско себе збирала и с ворами вместе воровала, да с нею ж принесли воровские заговорные книги и коренья».

Все чудодейственные травы, коренья и записи магических заговоров, которыми пользовалась Алена, оказались в чужих руках и позже были уничтожены. Больше она не могла никому помочь. Ее постоянно пытали, били, поднимали на дыбу. В своем донесении царю Алексею Михайловичу Долгоруков писал:

«А вор старица в роспросе и с пытки сказала, — Аленою зовут, роди-

ною де, государь, она города Арзамаса, Выездной Слободы крестьянская дочь, и была замужем тое же Слободы за крестьянином; и как де муж умер, и она постриглась. И была во многих местах на воровстве и людей портила. А в нынешнем де, государь, году пришед она из Арзамаса в Темников, и збирала с собой на воровство многих людей и с ними воровала, и стояла в Темникове на воевоцком дворе с атаманом Федькою Сидоровым и его учила ведовству».

В том, что учила ведовству самого Степана Разина, Алена не созналась даже под пытками.

Но князя Долгорукова больше интересовал другой вопрос — его клады, ведь всем было известно, что атаман припрятал где-то немыслимые богатства. Слава славой, но драгоценные клады были бы настоящей наградой воеводе за ратные труды. Князь говорил с каждым, кто мог хоть что-то знать, подвергал лютым пыткам всех пленных

и по крупицам собирал известия о сожжениях, жадно слушая каждое слово, сказанное под мукой мученической, случайно оброненное или проговоренное в бреду...

Алена была самой осведомленной свидетельницей, но она упорно молчала. К ней применяли самые страшные пытки, но она стойко переносила истязания палачей. Мужество этой женщины внушало ее мучителям суевенный ужас. Они объявили, что она «ведунья» и не чувствует боли, и осудили к сожжению на костре как разбойницу и еретичку, подозреваемую в колдовстве.

Об участии Алены писал некий иностранец, находившийся в ту пору в России, потрясенный ее самообладанием:

«Она не дрогнула и ничем не выказала страха, когда услышала приговор: быть сожженной заживо. Прежде чем

ей умереть, она пожелала, чтобы сыскалось поболее людей, которые поступали бы, как им пристало и бились так же храбро, как она, тогда, наверное, поворотил бы князь Юрий вспять. Перед смертью она перекрестилась... спокойно взшла на костер и была сожжена в пепел».

Степана Разина тоже ждала страшная участь. Старый донской

атаман Яковлев сторговался, наконец, с московскими властями... Его люди в апреле 1671 года ворвались во вновь отстроенный Разиным Кагарлицкий городок, взяв крепость приступом, и скрутили атамана, чтобы выдать царским властям.

Как ни странно, Степан Тимофеевич не пытался сопротивляться, даже ничего не сделал, чтобы не дать в руки врагов живым, хотя прекрасно понимал — ничего кроме страшных мучений и лютой смерти на плахе его не ждет. Пока шел бой, он пассивно сидел в своем доме,

сы дознавателей и унес все свои тайны в могилу...

...А драгоценные клады атамана ищут и поныне. В народе живет много легенд, связанных с сокровищами Разина — и что заговоры старицы Алены по-прежнему берегут тайники с золотом, и что сам Разин бесплотным духом бродит по земле, не подпуская никого ккладам, и что хранят их нечистые духи, воплотившиеся в черных кошках...

Но ведунья Алена не так уж интересовалась деньгами и сокровищами, чтобы сосредоточиться на охра-

К

огда удалось разметать армию Разина, у царских воевод развязались руки, чтобы свести счеты и со старицей Аленой. Ее тоже удалось захватить, и к ней были применены самые страшные пытки. Она стойко переносила все истязания палачей, и ее мужество и стойкость внушали мучителям почти суеверный ужас. Они объявили, что она «ведунья» и не чувствует боли, и приговорили к сожжению на костре как разбойницу и еретичку, подозреваемую в колдовстве

словно лишившись и сил, и воли, и тихо ждал, как повернется его судьба. Вскоре великого бунтаря в кандалах и шейных колодках повезли в Москву на расправу...

6 июня 1671 года Степана Разина казнили в Москве на Красной площади.

До последнего момента он держался смело, не отвечал на вопро-

нении кладов. Она обладала достаточной силой, могла лечить людей, знала, как вести их за собой, пыталась передать близким соратникам тайны ведовства.

А вот научить всех мужеству, бескорыстию, достойной жизни ей не удалось... Она не смогла повлиять на ход истории и отменить то, чему суждено было случиться... □

Юрий Осипов

Парадоксы Федора Тютчева

Поэтический дар и божественное вдохновение Тютчева существовали как бы независимо от него. Он вообще дистанцировался от литературного процесса и не желал, чтобы его считали литератором. Успешный дипломат, озабоченный профессиональной карьерой, камергер и дей-

ствительный тайный советник (то есть полный генерал), десятилетиями живший при европейских дворах, дважды женатый на знатных немках, впитавший западные языки и привычки, отдававший предпочтение западному образу жизни, Федор Иванович, тем не менее, был убежденным славянофилом, и мыслями всегда стремился лишь к одной России. При этом стихи являлись для него, прежде всего, средством выражения сокровенных мыслей. И он же, исповедуя всесилие логической мысли, признал в своем знаменитом стихотворении-афоризме, что «умом Россию не понять...» и что «в Россию можно только верить».

Консервативный публицист, член-корреспондент Петербургской академии наук, суховатый, ироничный человек с невзрачной внешностью, Тютчев меньше всего походил на вдохновенного поэта-лирика. Любовь он рассматривал как болезнь, стихийное бедствие, пожар души, однако даже в преклонные годы оставался одержимым поистине юношеским любовным томлением и пылкостью, о чем откровенно исповедовался в стихах: «О, как на склоне наших лет \ Нежней мы любим и суеверней... \ Сияй, сияй, прощальный свет \ Любви последней, зари вечерней!» И дальше: «Пускай скудеет в жилах кровь, \ Но в сердце не скудеет нежность... \ О, ты, последняя любовь! \ Ты и блаженство, и безнадежность».

Последнюю любовь, Елену Денисьеву, которой посвящен непревзойденный «денисьевский» цикл, Федор Иванович делил со второй законной супругой. Так они открыто и жили втроем, вплоть до кончины Тютчева. Совершенно скандальная ситуация для аристократического круга российских столиц 19-го века. Всего же через жизнь поэта прошло пять беззаветно любивших его женщин, которые неизменно вдохновляли тютчевское творчество.

Мало того, чопорный и педантичный Тютчев, быть может, первым в нашей поэзии после Пушкина давал в стихах волю совершенно откровенной чувственности. «Люблю глаза твои, мой друг, \ С игрой их пламенно-чудесной, \ Когда их приподынешь вдруг \ И, словно молнией небесной, окинешь бегло целый круг... Но есть сильнее очарованья: \ Глаза, потупленные ниц \ В минуты страстного лобзанья, \ И сквозь опущенных ресниц \ Угрюмый, тусклый огонь желанья».

С Пушкиным у Тютчева сложились достаточно интригующие отношения в поэзии. В свое время Юрий Тынянов выдвинул предположение, что, поскольку они принадлежали к диаметрально противоположным направлениям в отечественной литературе, то даже могли не признавать

друг друга. Позднее такая гипотеза была достаточно убедительно опровергнута, однако породившая ее двусмысленность их взаимоотношений осталась. Подборку ранних тютчевских стихов у себя в «Современнике» Пушкин поместил под холодноватым, хотя фактически точным заголовком: «Стихи, присланные из Германии» (мол, не вполне наши).

На трагическую гибель Пушкина Тютчев отозвался стихотворением «29 января 1837 года», которое резко отличается от посвященных этой скорбной дате произведений других русских поэтов. Тютчевское стихотворение написано архаизированным языком, нарочито противопоставленным поэтике Пушкина, и в нем полностью отсутствуют пушкинские реминисценции. Тяжелая элегическая строфика («Мир, мир тебе, о тень поэта, \ Мир светлый праху твоему!»). И только раз прорывается в конце искренняя, прекрасная строка: «Тебя ж, как первую любовь, \ России сердце не забудет!..»

Тютчев родился 23 ноября (5 декабря) 1803 года в родовом имении Овстюг Брянского уезда Орловской губернии. Предком поэта считается татарский вельможа Дуджи, прибывший некогда в Москву из крымского портового города Сугдеи, принадлежавшего тогда Венецианской республике. Дуджи сопровождал легендарного путешественника Марко Поло, но по какой-то причине не отправился с ним дальше на Восток, а пустил корни в столице богатевшего Московского княжества.

От него ведет свое происхождение родоначальник знатного дворянского рода Тютчевых — Захарий Тутчев, верный соратник Дмитрия Донского, вышедший с ним на Куликово поле. Среди потомков

Захария — служилых дворян Московской Руси — было немало воевод и стольников. Оставил след в истории и прапрадед поэта Даниил Васильевич, отличившийся в первом Крымском походе русской армии (1687) под командованием князя В. Голицына.

Дед поэта, Николай Андреевич Тютчев, был военным инженером и человеком небогатым. В 1762 году в чине капитана он женился на Пелагее Панютиной, которая в качестве приданого получила родительский дом в селе Овстюг и 20 душ крепостных в придачу. Счастье новобрачных в первый же год совместной жизни было нарушено преследованиями их соседки и бывшей любовницы Николая Андрее-

вича Дарьи Салтыковой, печально известной жестокой помещицы по прозвищу Салтычиха. Та по-прежнему пылала к нему «любовной страстью» и решила известить его молодую привлекательную супругу. С огромным трудом, прибегнув к защите властей, Тютчевым удалось спастись от происков Салтычихи, переехав из московского дома Панютиных в брянское имение Пелагеи Денисовны.

Николай Андреевич, бывший одно время уездным предводителем дворянства, являлся типичным баринoм-крепостником той эпохи и, подобно некоторым другим его родичам, отличался «разгулом и произволом, доходившим до неистовства». Иные нравы царили в семье деда поэта по материнской линии Льва Васильевича Толстого, через которого Федор Иванович состоял в дальнем родстве с самим Львом Толстым и историческим романистом Алексеем Константиновичем Толстым. Бабушкой же поэта со стороны матери была Екатерина Михайловна, родная сестра крупного полководца и политического деятеля А. Римского-Корсакова. После ее смерти муж отдал детей на воспитание в дома родственников.

Так мать поэта, Екатерина Львовна Толстая, попала в дом своей тетки по отцу, Анны Васильевны, супругом которой был граф Федор Иванович Остерман, сын крупного

дипломата, одного из ближайших сподвижников Петра. Последние представители именитого рода, эти Остерманы, с согласия Екатерины II, передали свою фамилию внучатому племяннику, графу А.Остерману-Толстому. Федор Андреевич и Анна Васильевна заботливо опекали также свою племянницу, и именно в московском доме Остерманов произошло ее знакомство с гвардии поручиком Иваном Николаевичем Тютчевым, сыном Николая Андреевича и Пелагеи Денисовны. В 1798 году родители Тютчева поженились и сразу после свадьбы уехали жить в Овстюг.

Вот какой крутой замес «голубых» кровей унаследовал великий русский поэт. Он был вторым ребенком в семье. Позже у Тютчевых родились еще трое сыновей, проживших недолго, и дочь Дарья. С ней и со старшим братом Николаем Федор Иванович всю жизнь поддерживал теплые отношения. Семейная атмосфера в тютчевской усадьбе была весьма своеобразной. Отец поэта, как писал его первый биограф И. Аксаков, «отличался необыкновенным благодушием, мягкостью, редкою чистотой нравов и пользовался всеобщим уважением». Радужный и щедрый хозяин, он был человек рассудительный, но «не обладал ни ярким умом, ни талантом». Мать же поэта, сухощавую и нервную Екатерину Львовну, биограф характеризует как «женщину

замечательного ума», наделенную разнообразными способностями, «с склонностью к ипохондрии, с фантазией, развитой до болезненности». Благодаря ей в семействе Тютчевых господствовал французский язык, причем не только в разговорах, но и в переписке родителей с детьми и между собой.

От матери Тютчеву передалась приверженность европейской культуре. И она же познакомила его с

же приехал к воспитаннику в «немецину» для «присмотру». Это тоже было типичным явлением русского усадебного быта, который, впрочем, Тютчева привлекал мало. Проведя молодые годы среди пышной природы южной Германии и Италии, вращаясь в космополитическом светском обществе и имея дело преимущественно со средой дипломатов, Федор Иванович не очень-то тяготел к деревенской

Консервативный публи-

цист, член-корреспондент Петербургской академии наук, суховатый, ироничный человек с невзрачной внешностью, Тютчев меньше всего походил на вдохновенного поэта-лирика. Любовь он рассматривал как болезнь, стихийное бедствие, однако даже в преклонные годы оставался одержим поистине юношеским любовным томлением и пылкостью, о чем откровенно исповедовался в своих стихах

русскими обычаями и православными канонами, с чтением на церковнославянском псалтырей, часословов, молитвенников. Феденька рос, окруженный нежными заботами матери и горячо привязанного к нему вольноотпущенного крепостного дядьки Хлопова. Тот ходил за ним с четырехлетнего возраста и впоследствии, когда Федор Иванович поступил на дипломатическую службу в Баварии, да-

жизни и, наезжая в Овстюг, не выдерживал там более двух недель. Зато в последние годы жизни, годы страшных потерь близких ему людей, Овстюг все чаще делался душевным пристанищем поэта...

Тютчев во многом обязан матери своим исконно русским патриотизмом, сохранением в себе частицы самобытной Руси, хоть по светской моде того времени он и не придавал серьезного значения

*Амалия
фон Крюднер*

православным обрядам. Значения не придавал, а идейным славянофилом стал.

Усадебное детство его прошло в мире фантазий, стиравших грань между мечтой и реальностью. И сколь непохожим на плоды детского воображения будущего поэта предстал перед ним Овстюг спустя половину прожитой жизни, в 1846 году. Он возвратился туда после смерти отца и написал тогда

с грустной иронией: «Старинный садик, четыре большие липы, хорошо известных в округе, довольно хилая аллея шагов во сто длиною и казавшаяся мне неизмеримой, весь прекрасный мир моего детства, столь населенный и столь многообразный, — все это помещается на участке в несколько квадратных сажен...» Так выглядел призрак его «забытого, загадочного счастья».

Дома, в Овстюге, Тютчев получил прекрасное образование, и заслуга в этом его учителя и наставника, известного тогда поэта и переводчика С.Раича. Он был всего на 11 лет старше своего ученика, и между ними быстро возникли взаимная симпатия и уважение, они стали товарищами. Благодаря Раи-

чу, славившемуся энциклопедическими познаниями в области античной литературы, древних языков и истории, Феденька уже в 14 лет переводил Горация, Шекспира, Гете, хорошо знал и любил стихи Державина.

В марте 1818 года Тютчев был избран сотрудником Общества лю-

бителей российской словесности, а в ноябре поступил на отделение словесности Московского университета, который окончил в ноябре же 1821-го со степенью кандидата словесных наук. В тот день ему исполнилось восемнадцать. Дальше путь талантливого юноши лежал в Петербург, где год спустя он был принят на службу в Государственную коллегию иностранных дел и вскоре усилиями своего богатого и, главное, влиятельного дяди графа А. Остермана-Толстого получил ме-

тики. А еще — поэтическим вдохновением и пылкостью души. Непревзойденный собеседник, он вскоре сделался заметной фигурой в придворных, светских и дипломатических кругах баварской столицы, что способствовало его быстрому продвижению по службе. При этом Тютчев, с присущим ему любовным темпераментом, дал в Мюнхене волю своим сердечным увлечениям.

Здесь он встретил свою первую большую любовь. На момент встречи с Тютчевым графине Амалии

Н*евзрачная внешность, малый рост и щедрость с лихвой восполнялись у Федора Ивановича блестящим остроумием, эрудицией и тонким пониманием политики. А еще — поэтическим вдохновением и пылкостью души. Непревзойденный собеседник, он вскоре сделался заметной фигурой в придворных, светских и дипломатических кругах, что способствовало его быстрому продвижению по службе*

сто чиновника русской дипмиссии в Баварии. 11 июня 1822 года молодой Тютчев отбыл в Мюнхен.

Невзрачная внешность, очки, малый рост и щедрость с лихвой восполнялись у Федора Ивановича блестящим остроумием, эрудицией и тонким пониманием поли-

фон Лерхенфельд едва исполнилось четырнадцать. Она отличалась редкостной красотой и очарованием. Ею восхищались такие разные личности, как Гейне, называвший ее «божественной Амалией», Пушкин, Бенкендорф, Николай I. Эксцентричный баварский король Людвиг заказал портрет

Амалии для своей портретной галереи европейских красавиц. И вдруг Тютчев... Что могло зародить к нему ответное чувство в сердце этой прелестной девочки, выросшей в роскоши, избалованной всеобщим вниманием, да еще родственницы супруги российского императора? Очевидно, то, что мы называем сегодня харизмой, которая и потом помогала неказистому поэту завоевывать сердца его прекрасных избранниц.

История их любви оказалась настолько романтической, что была достойна пера Александра Дюма-отца. До нас дошли неясные сведения, но точно известно, что Тютчев явно из-за любви к Амалии едва не стал участником дуэли с важным лицом и должен был срочно покинуть Мюнхен, взяв отпуск. Амалия же, тем временем, неожиданно вышла замуж за сослуживца и приятеля поэта, барона А.Крюднера. Тютчева потрясло известие об их браке, хоть он и понимал естественное стремление Амалии к богатству и высокому положению в обществе. Возможно, Теодор (так называли его за границей на немецкий лад) тоже сватался к ней, но был решительно отвергнут ее родней, невзирая на слезы девушки, выплакавшей в те дни, по утверждению некоторых источников, «все глаза».

Федор Иванович долго не мог забыть свою первую взрослую любовь. И более чем через десять лет, будучи

уже женатым и остепенившимся, написал обращенное к ней стихотворение, переложенное на музыку знаменитого романса «Я помню время золотое...» А почти сорок лет спустя, находясь на лечении в Карлсбаде и случайно встретившись с Амалией (она была уже во втором браке за графом Н. Адлербергом, сыном министра двора при Николае I), откликнулся на эту мимолетную встречу еще одним чудесным стихотворением, также известным широкой публике по бессмертному романсу «Я встретил вас — и все былое...»

Каково же было изумление тех, кто знал о любви поэта к Амалии, когда буквально через два месяца после разлуки с ней 22-летний Тютчев тайно обвенчался с графиней Элеонорой Ботмер (по первому мужу, русскому дипломату, — Петерсон). Элеонора была старше Тютчева на четыре года, недавно овдовела и воспитывала четырех маленьких сыновей. За 17 совместно прожитых лет родила Тютчеву еще трех дочерей и при этом в полной мере сохранила свою природную красоту и обаяние. Многие в Мюнхене долгое время оставались в неведении относительно их брака, юридически он был оформлен лишь зимой 1829 года.

Столь странный и поспешный шаг объясняли тем, что Тютчев действовал необдуманно, стараясь заглушить боль, причиненную замужеством Амалии. Если и так, то не под-

*Элеонора
Ботмер —
первая жена
Тютчева*

лежит сомнению очевидный факт: очень скоро Федор Иванович горячо и искренне полюбил Элеонору, оценил ее ум, такт и чувство собственного достоинства. Причем она стала для него не только верной, заботливой супругой, но настоящим другом и, как всегда, когда им овладевала большая любовь, — источником поэтического вдохновения.

«Русский выходец из Европы», восприимчивый к достижениям европейского интеллекта, Тютчев вместе с тем исключительно чутко относился к судьбе России. На дипломатических постах он всегда служил интересам родного Отечества и в своих депешах и записках царю призывал решительнее противостоять экспансии со стороны

Запада (в том числе и Римской католической церкви), разоблачал хищническую суть тогда еще молодого капиталистического государства США. Когда в августе 1843 года опальный дипломат прибыл в Петербург (до этого он после внезапного отстранения от службы в 1839 году продолжал жить за границей), все та же Амалия Крюднер устроила ему в своем поместье под Петербургом частную встречу с всемогущим начальником III тайного отделения и наперсником Николая графом Александром Бенкендорфом. Эта встреча вылилась

в многодневную беседу, перенесенную затем в поместье самого Бенкендорфа. В итоге император и его правая рука поддержали все инициативы Тютчева по созданию, как мы бы сегодня выразились, позитивного имиджа России на Западе. Более того, Тютчеву дали «добро» на выступления в западной печати по политическим проблемам взаимоотношений между Европой и Россией.

Тютчев писал свои глубокомысленные статьи и неоконченный трактат «Россия и Запад» как до, так и после всколыхнувших Европу рево-

люций, давая в своих работах оценку происходящим событиям. Большой интерес императора вызвала написанная Тютчевым уже позднее, на родине, и анонимно опубликованная брошюра «Россия и Германия». Она явилась ответом на популярную на Западе книгу французского путешественника маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», которая послужила впоследствии источником традиционноподвзятого отношения европейцев к нашей стране.

Провидческим даром Тютчев обладал не только в поэзии. В своих статьях он предсказал Крымскую войну задолго до ее реального начала 29 октября 1853 года и совершенно справедливо называл союз объединившихся против России государств заговором. Во многом благодаря Тютчеву министр иностранных дел Нессельроде был, наконец, смещен со своего поста, и на его место заступил выдающийся дипломат князь Александр Горчаков, для которого на целых 17 лет Тютчев стал ближайшим другом и сподвижником. Он внушил Горчакову идею необходимости обратить внимание не только на внешние дела, но и на внутренние. Эту идею влиятельный министр довел до сведения Александра II, который утвердил-таки курс, призванный «сосредоточить силы на внутреннем развитии страны, используя противоречия европейских держав».

Поэзия Тютчева, которой он предавался в часы досуга, либо же в минуты душевных смятений и нахлынувших чувств, подразделяется на философскую и любовную лирику. Причем как в первой, так и во второй мысль его, по словам Тургенева, «никогда не является читателю нагою, отвлеченною, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы, проникается им и сама его проникает нераздельно и неразрывно».

*Есть некий час, в ночи,
всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище
небес.*

(«Видение», 1829)

Или:

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.*

(«Silentium!», нач. 1830-х гг.)

В этом поразительном по экспрессии, исполненном мистического смысла, подчиненном убаюкивающему ритму стихотворении поэт неожиданно приходит к парадоксальной для творца формуле: «мысль изреченная есть ложь». И далее подкрепляет ее: «Взрывая, возмутишь ключи, — \ Питайся ими — и молчи». Одним из первых

в отечественной поэзии Тютчев поднял здесь трагическую проблему человеческой разобщенности, некоммуникабельности: «*Как сердцу высказать себя? \ Другому как понять тебя?..*»

Думается, лучше всего самого Тютчева понимали его любимые женщины. Быть может, только они, иначе бы так преданно и самоотверженно не любили бы его.

дома, который сумела обустроить при весьма скромном достатке. Карьерный рост Тютчеву давался с трудом, семья была большая, поэтому денег постоянно не хватало. Жили они, как говорится, от зарплаты до зарплаты, однако поддерживали светское общение. И вот в феврале 1833 года, отправившись на бал, Федор Иванович познакомился

Приехав в Мюнхен, Тютчев близко сдружился с Гейне и стал первым переводчиком его произведений на русский язык. Там он прожил пять лет, в течение которых настойчиво пытался восстановиться на службе в министерстве. В Россию Федор Иванович вернулся не приниженный, а с высоко поднятой головой, питая радужные надежды на будущее. И они действительно оправдались. Он был восстановлен в правах и званиях и вновь призван на дипломатическую службу в должности главного цензора Министерства иностранных дел

Первая жена Тютчева, Элеонора Петерсон, влюбилась в него, по собственному признанию, мгновенно и полностью растворилась в жизни супруга. Воздушная, хрупкая, как прекрасное виденье, она окружила Федора Ивановича трогательной заботой, стала ему надежной опорой, взяв на себя все хозяйство их уютного и гостеприимного

мился там с сестрой баварского публициста Пфеффеля, 22-летней Эрнестиной (в девичестве Дербург). Она была замужем за пожилым человеком, и, по иронии судьбы, он скончался через несколько дней после того бала. Поэт страстно влюбился в Эрнестину, и молодая женщина отвечала ему взаимностью.

Теперь он разрывался между женой и возлюбленной. Не выдержав сложившегося положения, Эрнестина покинула Мюнхен, а Элеонора, узнав о похождениях мужа, пыталась покончить с собой, но позднее простила ему измену. Спустя пять лет Элеонора умерла. Тютчев самовольно выехал к Эрнестине в Швейцарию, что было ему строгойше запрещено, и обвенчался с ней там. Подав в отставку, он вернулся со второй женой в Мюнхен, где прожил еще пять лет, в течение которых настойчиво пытался восстановиться на службе в министерстве. Эрнестина во всем была ему преданной помощницей, удочерила его дочерей и впоследствии родила ему еще двух сыновей. Житейские невзгоды только крепче сплотили супругов, которых продолжали охотно принимать в высших кругах баварской столицы.

Широко образованный, обходительный и необычайно остроумный, отставной русский дипломат и поэт пользовался популярностью также в среде мюнхенской интеллигенции, дружил с Шеллингом и Гейне, став первым переводчиком его произведений на русский язык. В Россию Тютчев возвращался в 1844 году отнюдь не приниженный, но с высоко поднятой головой, по-прежнему питая радужные надежды на будущее. И, восстановленный в правах и званиях, через четыре года вновь был призван на дипломатическую служ-

бу в должности главного цензора Министерства иностранных дел. А в 1858 году возглавил Комитет иностранной цензуры, с юношеским энтузиазмом отдаваясь государственным обязанностям.

При этом в его нестареющей душе продолжали кипеть страсти, над которыми он был не властен. Любовь, воспетая им в лирических стихах разных лет как высший божественный дар, как «и блаженство, и безнадежность», стала для поэта символом человеческой жизни вообще, наполненной муками и восторгом непрочного земного счастья. В 1850 году уже убеленный сединами сановник, женатый вторым счастливым браком, отец многочисленного семейства вновь, словно молодой повеса, без памяти влюбился в 24-летнюю Елену Денисьеву, почти ровесницу своих старших дочерей, у которых она была классной дамой в учебном заведении. И вновь молодая красавица, отринув все препятствия и условности, беззаветно откликнулась на это глубокое и искреннее чувство невзрачного, пожилого и, главное, несвободного человека.

Их открытая, наделавшая скандала связь продолжалась 14 лет. Елена Александровна родила Тютчеву троих детей (сыновья Федор, Николай и дочь Елена были записаны как Тютчевы, однако считались по тогдашним порядкам «незаконнорожденными»). Все это время

Федор Иванович, не оставляя семью, опять разрывался между двумя любимыми женщинами. Элеонора стоически переносила положение «жизни втроем», впоследствии даже признала детей, прижитых мужем «на стороне». Участь же героини замечательного «денисьевского» цикла стихотворений, воспевших «роковое слияние и поединок роковой» двух сердец, оказалась еще тяжелее. От нее отрекся отец, ее перестали принимать в свете. В результате Елена Александровна заболела сильным нервным расстройством и 4 августа 1864 года умерла от туберкулеза на руках у поэта.

На другой день после похорон, 8 августа, Тютчев писал А. Георгиевскому, мужу сводной сестры Денисьевой: «...Все кончено... Во мне все убито: мысль, чувство, память, все...» Беспредельная скорбь поэта отразилась в прощальном стихотворении:

*Любила ты, и так, как ты,
любить —*

Нет, никому еще не удавалось.

О, господи!.. и это пережить...

*И сердце на клочки не
разорвалось...*

Испытав острейшее потрясение, Тютчев продолжал изливать свое горе в проникновенных стихах: «*Я очи знал, о, эти очи! \ Как я любил их — знает бог!*», «*Есть и в моем страдальческом застое \ Часы и дни ужаснее других...*», «*Завтра день молитвы и пе-*

чали, \ Завтра память рокового дня... Ангел мой, где б души ни витали, \ Ангел мой, ты видишь ли меня?»

В смерти Денисьевой он винил себя, поэтому так и не смог оправиться от этой потери.

Георгиевский уговаривал Федора Ивановича уехать вместе с ним в Москву, надеясь вновь втянуть Тютчева в «умственные и политические интересы, которыми он жил до сих пор». Но поэт предпочел поездку за границу, где в то время находились его жена и дочери. Эрнестина Федоровна рассказывала, что видела мужа плачущим так, как ей никогда и никого не доводилось видеть. И прибавляла: «Его скорбь для меня священна, какова бы ни была ее причина». Пребывание за границей не излечило Тютчева от «душевного увечья», причиненного смертью Елены Александровны, и не вывело его из состояния «страшного одиночества».

Вскоре по возвращении в марте 1865 года Федора Ивановича в Россию умерла от скоротечной чахотки их с Денисьевой 14-летняя дочь Елена, и в тот же день скончался от той же болезни их третий ребенок, малолетний Николай. Год спустя Тютчев похоронил свою дожившую до 90 лет мать. Ссутулившимся, поседевшим и постаревшим появлялся он вечерами в петербургских гостиных, медленно раскланивался

*Эрнестина
Дернберг —
вторая жена
Тютчева*

со знакомыми, заводил приятные беседы с дамами, подсаживался к важным сановникам за ломберными столами, отпускал привычные остроты, которые по-прежнему пользовались успехом. Дома подолгу не выходил из кабинета. Тогда же было написано одно из самых печальных и прекрасных его стихотворений:

*Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять*

*И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место
дать, —*

*Спаси тогда нас, добрый гений,
От неуместных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;*

.....

*От желчи горького сознанья,
Что нас поток уж не несет*

*Елена
Денисьева*

*И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед...*

За пережитыми трагедиями, на протяжении 1870 года последовали смерть старшего сына, Дмитрия, дочери Маши и единственного брата. Постепенно уходили многие сверстники поэта, завсегда и тех великосветских салонов, в которых он привык бывать. Тютчев физически ощущал, как сжимает-

ся вокруг него круг жизни. Ужас подступающего конца выразился в стихотворении «Брат, столько лет сопутствовавший мне...», в котором поэт предрек свою «роковую очередь». Она не заставила себя долго ждать.

Но и в оставшийся срок Тютчев сохранял присущую ему остроту и ясность ума, не терял пытливого интереса к окружающей действительности, к «живой жизни». Этого

жадного интереса не могли поколебать в нем даже первые угрожающие симптомы надвигающейся болезни. В начале декабря 1872 года поэт утратил свободу движения левой рукой. У него резко ухудшилось зрение, начали одолевать мучительные головные боли. На прогулке 1 января 1873 года с ним случился первый удар, парализовавший всю левую половину тела. Однако и «прикованный к по-

торые он диктовал, а иногда и собственноручно писал во время болезни. Пытался Федор Иванович также сочинять стихи. Заслуживает из них внимания, увы, только одно — обращенное к жене:

*Все отнял у меня казнящий
бог:*

*Здоровье, силу воли, воздух,
сон,*

*Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.*

В *Царское Село на дачу*

перевезли 70-летнего Тютчева. Надежд не оставалось никаких, врачи и близкие с минуты на минуту ожидали его кончины. А он, очнувшись, первым делом спросил: «Какие последние политические известия?» — и прожил еще более месяца. А однажды сказал по-французски: «Сделайте так, чтобы я немного почувствовал жизнь вокруг себя...»

стели, с ноющей и сверлящей болью в мозгу, не имея возможности ни подняться, ни перевернуться без чужой помощи, он голосом едва внятным истинно дивил и врачей, и посетителей блеском своего остроумия и живостью участия к отвлеченным интересам. Он требовал, чтобы ему сообщали все политические и литературные новости...»

О прежней ясности тютчевского ума можно судить по письмам, ко-

«Мужественно покориться неизбежному» и примириться со своим тяжким недугом Тютчев не желал. По словам жены, он испытывал «отчаянное и яростное, лихорадочное, неудержимое желание жить».

1 апреля 1873 года, ровно через пятьдесят лет после воспеты им прогулки над Дунаем («Я помню время золотое...»), уже на пороге смерти поэт дрожащей рукой

писал дочери Дарье: «Вчера я испытал минуту жгучего волнения вследствие моего свидания с графиней Адлерберг, моей доброй Амалией Крюднер, которая пожелала в последний раз повидать меня на этом свете и приезжала проститься со мной. В ее лице прошлое лучших моих лет явилось дать мне прощальный поцелуй».

Амалия Максимилиановна пережила Тютчева на 15 лет. Даже приближаясь к восьмидесятилетию, она сохраняла живость ума, интерес к жизни, изящные манеры и легкую походку. Дом супруги генерал-губернатора Великого княжества Финляндского в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) всегда был полон гостей и открыт молодежи. Когда собиравшиеся у нее веселые молодые люди выбирали для программы домашнего концерта музыкальные произведения, она, обычно снисходительная к их шалостям и забавам, просила не исполнять романсов на стихи Федора Тютчева. Его имя графиня произносила с легкой запинкой, поправляя себя на слове Теодор. И глаза этой удивительной женщины начинали тогда влажно блестеть...

...19 мая 70-летнего Тютчева перевезли на дачу в Царское Село. Там он стал, было, передвигаться без посторонней помощи, но 11 июня последовал второй удар. Надежд больше не оставалось ника-

ких. Врачи и близкие с минуты на минуту ожидали его смерти. А он, очнувшись, первым делом спросил чуть слышным голосом: «Какие последние политические известия?» И — прожил еще более месяца. Правда, в последние недели перед смертью утратил потребность в общении и почти все время проводил в молчании. Лишь однажды вдруг сказал по-французски: «Сделайте так, чтобы я немного почувствовал жизнь вокруг себя».

Федор Иванович Тютчев скончался на рассвете 15 июля 1873 года. После траурных церемоний и отпевания гроб с телом был перевезен в Петербург и захоронен на кладбище Новодевичьего монастыря. В прощальных речах над могилой прозвучали загадочные тютчевские строки:

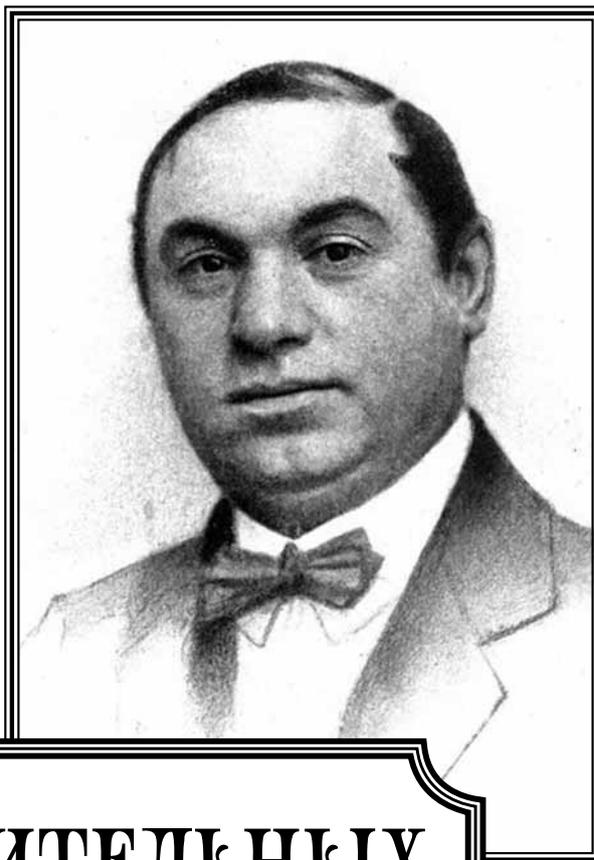
*Небесный свод, горящий славой
звездной,
Таинственно глядит
из глубины, —
И мы плывем, пылающею
бездной
Со всех сторон окружены.*

Тютчев ушел, унося тайну магического притяжения своей поэзии, которая продолжает и сегодня волновать нас. Он написал очень немного стихов, но занял достойное место на российском литературном Олимпе рядом с Пушкиным, Баратынским, Лермонтовым.

(И вот еще, дорогие читатели, последний, посмертный, парадокс Федора Тютчева. Единственный мемориальный музей поэта открыт

в подмосковной усадьбе Мураново, которой владели его потомки, но в которой сам он никогда не бывал.) □

ДВА УДИВИТЕЛЬНЫХ МЕЦЕНАТА

В июле 1905 года Константин Сергеевич Станиславский написал Максиму Горькому: «Со смертью милого и незабвенного Саввы Тимофеевича (Морозова) материальные условия театра резко изменились к худшему». Чтобы поправить положение, театр решил отправиться на гастроли за рубеж. Для финансирования поездки пришлось влезть в долги. Местом первых гастролей был избран Берлин. Спектакли в Берлинер-театре вызвали большой интерес у местных любителей, пресса давала хвалебные отзывы. Однако «немцы, — вспоминал Немирович-Данченко, — шли в театр очень туго». Спектакли проходили на русском языке, и публика не могла понять суть происходящего на сцене. Сборы не покрывали расходы, на дальнейшие гастроли денег не было, а долги росли. Станиславский был в панике: «Мы истощились материально и гото-

вы были возвращаться по шпалам из-за границы». Спасло их чудо, которое редко, но все же случается. А иногда, представьте себе, даже сразу два, одно за другим.

Двое молодых и горячих поклонников МХТ, узнав, что театр отправляется на гастроли за границу, решили: «Будем ездить за ним — куда театр, туда и мы». Один из них, Николай Лазаревич Тарасов, родом из известной богатой семьи, получивший после смерти отца крупное наследство, другой — его закадычный друг Никита Федорович Балиев. В Берлине друзья познакомились с артистами театра И. Москвиным и А. Вишневым. От них они и узнали, что любимый театр находится в плачевном финансовом положении. Молодые люди готовы были выручить театр, и попросили артистов организовать им встречу с руководством. Получив согласие от Немировича-Данченко, к мэтру в Берлинер-театр сначала пришел более бойкий Никита. Он рассказал о цели прихода, о своем богатом друге и так очаровал Владимира Ивановича, что тот доверился ему и откровенно обрисовал невеселую перспективу возвращения театра домой, да еще с долгом в 30 тысяч рублей. Балиев набрался смелости и от имени своего друга деликатно предложил эту сумму, причем «не в долг, и никаких процентов, как для вас будет удобнее, так и сделайте». «Это было так неожиданно, повеяло какой-то сказкой...», — вспоминал Немирович. На следующий день к нему пришел и Николай. «Когда я<...>начал благодарить его, — продолжал, все еще не веря в происходящее, Немирович, — он с деликатным беспокойством не дал мне договорить».

Неожиданно последовала еще одна удача: германский кайзер Вильгельм II выразил желание посмотреть спектакль «Царь Федор Иоаннович». На афишах, расклеенных по всему Берлину, было напечатано: «По желанию Его Величества». Император прибыл в театр с императрицей и наследным принцем. Зал был заполнен до отказа. Все дальнейшие спектакли прошли с аншлагом и дали полные сборы.

После триумфального возвращения в Москву театр расплатился с кредиторами и хотел вернуть долг Тарасову, но тот категорически отказался. Тогда Тарасова ввели в состав дирекции театра, хотя он туда и не стремился, а сумму включили в качестве его пая в уставной капитал. Балиев был также зачислен в штат МХТ.

Николай Лазаревич Тарасов родился в 1882 году в армяно-черкесской семье. У основателя династии Аслана Торосяна было пятеро сыновей — Ованес, Александр, Лазарь

(отец Николая), Гавриил и Михаил. В семье говорили на трех языках: армянском, черкесском и русском. В своей книге о купцах известный меценат П.И. Щукин пишет:

«Вначале братья Тарасовы жили весьма скромно, ездили по железной дороге с сухарями из черного хлеба, которыми питались дорогой, носили зимой потертые бараньи шубы, но потом они разбогатели, и мы увидели их в собольих шубах с бровными воротниками». Восхождение к богатству началось в городе Армавире, где Аслан имел торговую лавку. Повзрослевшие братья образовали товарищество «Торговый дом братьев Тарасовых». Доходы семейного клана росли, и в 1903 году тор-

«Трудно встретить более законченный тип изящного, привлекательного, в меру скромного и в меру дерзкого денди.<...>Вообще не поддается ни под какой тип, сам по себе: прост, искренен, мягок, нежен, но смел».

Тарасов жил отдельно от своих родственников в большой квартире на Большой Дмитровке, дом №9. Вместе с ним жил и его друг Никита. В гости к ним постоянно приходили артисты Художественного театра, в том числе Станиславский и Неми-

С именем Балиева и Тарасова связано создание при МХТ популярного в то время в Москве артистического театра-кабаре «Летучая мышь». Эта идея возникла у одного из друзей — Балиева, и оба они с энтузиазмом принялись за дело. Прежде всего, нашли в центре Москвы заброшенное подвальное помещение.

Говорили, что, когда молодые люди спустились туда, навстречу им выпорхнула летучая мышь. «Ну вот, — сказал, смеясь, Балиев, — и есть название у нашего подвальчика — «Летучая мышь»

говый дом был преобразован в «Товарищество мануфактур братьев Тарасовых» с капиталом в 3 миллиона рублей. Братья перебрались в Москву и записались в московское купечество. В семье поддерживался патриархальный порядок, строго соблюдались обычаи предков. Но Николай не был похож на своих братьев. Немирович-Данченко отмечал:

рович-Данченко. Балиев иногда устраивал в квартире веселые вечеринки, но Тарасов старался избегать их, предпочитая посидеть с томиком Пушкина, которого, как и Никиту, считал своим лучшим другом.

Николай Лазаревич был красивый, элегантный, необычайно эрудированный, наделенный многими талантами, изысканными манерами

*Николай
Лазаревич
Тарасов*

и вкусом молодой человек. Он писал стихи, пародии и шутки, пьесы. Одна из них — «Соседи», с успехом шла на сцене. У него был и художественный дар, он рисовал карикатуры, эскизы костюмов. Однажды он своеобразно доказал этот свой талант. Написанный им маслом этюд «под Коровина» с мастерски подделанной подписью художника он пода-

рил Василию Ивановичу Качалову. Артист повесил картину в своей гримерной. Друзья и коллеги любовались ею, и ни у кого не вызвала сомнений ее подлинность. Только Александр Бенуа сумел угадать коварную шутку. Среди людей искусства Николая Лазаревича считали «своим человеком». Его также хорошо знали и в спортивном мире:

*Ольга
Грибова*

он коллекционировал автомобили, которые принимали участие в соревнованиях. Один из них был самый большой и мощный в Москве.

Тарасов был очень богат: он владел нефтеносными приисками, являлся совладельцем «Товарищества мануфактур братьев Тарасовых» и большого торгового дома в Екатеринодаре, пайщиком многих других компаний. Но богатство вредило ему: он до конца не доверял ни дру-

зьям, ни женщинам, не верил в их искренность. *«Если бы Николай не был так богат, — говорил любивший Тарасова и друживший с ним Василий Качалов, — он был бы гораздо жизнеспособнее и счастливее».* Тем не менее, в отличие от Морозова, в нем никто не видел купца, не чувствовал замашек хозяина. Держался он предельно скромно. Театральный критик, историк театра Н.Е. Эфрос в своей книге «Театр «Летучая

мышь» Н.Ф. Балиева» отмечает: «Он любил те места, где звенел смех, где порхала шутка, но сам лишь едва улыбался и редко ронял слова. Любил ярко освещенные залы, но выбирал в них уголок потемнее... Любил шум споров, но сам всегда был очень скуп на слова». Его шутки и каламбуры веселили друзей, но сам он оставался замкнутым и грустным, предпочитая держаться в тени своего артистического, шумного, общительного, да к тому же и очень предприимчивого друга Никиты Балиева.

С именем Никиты Федоровича Балиева связано создание при МХТ популярного в Москве того времени артистического театра-кабаре «Летучая мышь». Балиев родился в 1876 году в армянской купеческой семье. Его настоящее имя было Балян Мкртыч Аствацатурович. С юношеских лет он увлекался театром, но отец заявил: «Если ты решил стать актером, тогда вон из нашего дома!» Покинув родительский кров, Никита поступил в Московскую консерваторию, но не смог ее окончить, так как был призван в армию и направлен на Дальний Восток, где разразилась русско-японская война. Но и в армии он оставался артистом: нарушал дисциплину, развлекал солдат и офицеров шутками и пением арий из опер и оперетт.

В Московском художественном театре, начиная с 1908 года, ему стали давать маленькие роли, а до этого он исполнял обязанности секретаря

Немировича-Данченко. Но, одна за другой, следовали неудачи. Заведующий труппой театра В. Лужский констатировал: Балиев обнаружил «полное отсутствие драматического таланта». Едва круглая, как Луна, хитроватая физиономия Балиева с лукавыми глазами и уморительной мимикой появлялась на сцене, зрители начинали сначала улыбаться, а потом и хохотать, независимо от происходящего на сцене. Никита обратился с отчаянным письмом к Немировичу: «Мое лицо — это моя трагедия. Идет комедия — Балиеву нельзя дать, он уложит весь театр, идет драма — тоже. И я начинаю трагически задумываться, за что меня так наказал Бог...» Он горько сетовал на свое «слишком комическое лицо»: «Что же мне делать? Стреляться? <...> Поверьте раз в жизни, дорогой Владимир Иванович, <...> ведь мое положение трагическое... Я верю, что в этом году вы дадите мне роль.<...> Я вас не осрамлю, дорогой, милый Владимир Иванович!»

Однако ролей Балиеву так и не дали. Наверное, именно тогда у него зародилась идея создать театр типа ночного клуба, для досуга и развлечений артистов МХТ, взяв за основу жанр капустников. С этим предложением Тарасов и Балиев пришли к Станиславскому, который, хотя и подозревал, что задуманный план родился в подражание берлинского кабачка «Ночной приют», идею поддержал.

*Афиша и эмблема
театра-кабаре «Летучая мышь»*

Друзья с энтузиазмом принялись за дело. Прежде всего, в одном из переулков в доме напротив храма Христа-Спасителя они нашли заброшенное подвальное помещение. Говорили, что, когда молодые люди спустились туда, навстречу им выпорхнула летучая мышь. «Ну вот, и есть название у нашего подвальчика, — сказал тогда Балиев, — «Летучая мышь». Тарасов оплатил аренду и ремонт помещения. Внутренняя отделка была выполнена оригинально и со вкусом, присущим ему. Стены от пола до потолка были разрисованы сказочными птицами. С потолка свисало чучело летучей мыши — символа кабаре. Неболь-

шой зрительный зал подходил вплотную к небольшой сцене с раздвижным занавесом. Нашлось место для буфета, где предполагалось продавать дорогое шампанское, сладости и бутерброды.

25 членов-учредителей торжественно приняли устав театра-кабаре «Летучая мышь». Главный параграф гласил: на шутки и пародии не обижаться, оставить ненужную светскую благопристойность, вести себя естественно и непринужденно. 29 февраля 1908 года, с пародией на легендарный спектакль МХТ «Синяя птица», состоялось открытие театра. Перед открытием был исполнен гимн кабаре, сочиненный Николаем Лазаревичем:

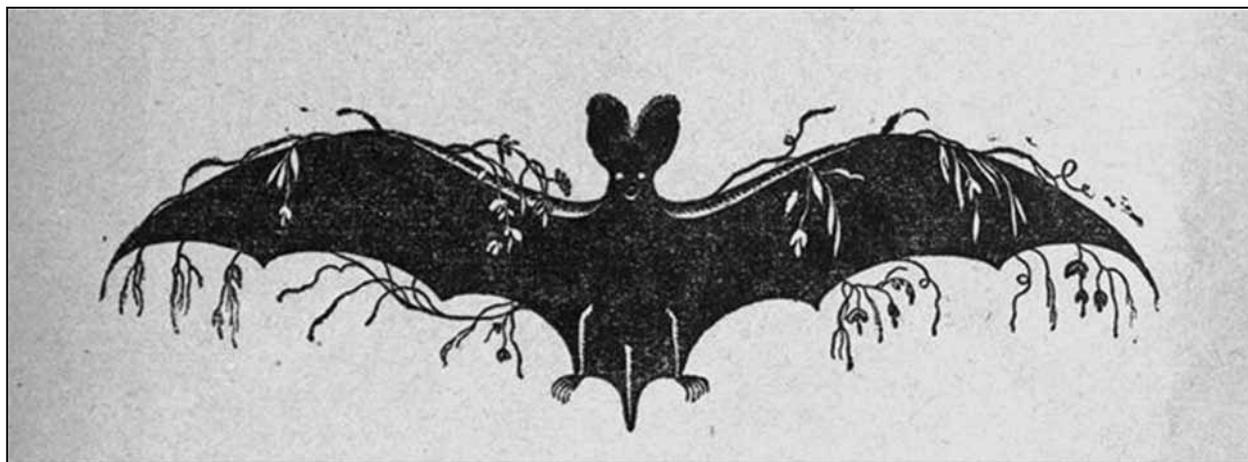
*Кружась летучей мышью
Среди ночных огней
Узор мы пестрый вышьем
На фоне тусклых дней.*

С первого же представления Балиев стал главной фигурой театра «Летучая мышь». Станиславский писал: «Его неистощимое веселье, находчивость, остроумие, <...> смелость, часто доходившая до дерзости, умение держать аудиторию в своих руках, <...> балансировать на границе дерзкого и веселого, оскорбительного и шутливого, умение вовремя остановиться и дать шутке совсем иное, добродушное направление, — все это делало из него интересную артистическую фигуру нового у нас жанра».

Он был артист-солист, на глазах у публики творящий неповторимый

спектакль-импровизацию. Подхватывая реплики из публики, Балиев с блеском отправлял их обратно в зал. Однажды кто-то из зала выкрикнул: «А много ли дураков приходят на ваши представления?» От-

го рождались счастливые выдумки, <...> но они ему начинали казаться скучными и пошлыми. <...> Однако окружавшие Тарасова друзья-единомышленники с жаром подхватывали его идеи, развивали и превра-

вет был моментальным: «Точно не могу сказать, но сегодня на одного больше!» И, конечно, это стало возможным благодаря дружбе и творческому содружеству с Николаем Тарасовым.

Многие считали, что Тарасов является для театра лишь «денежным мешком». Это справедливо, но верно и то, что он был неистощимым и талантливым сочинителем большинства шуток, пародий, интермедий и песенок как для Балиева, так и для других участников капустников. Эфрос отмечал: «Ему была близка стихия юмора, сарказма, элегической нежности и грусти. Он любил пародию и вздох, пряный намек, застенчивую недосказанность. Эстет, он особенно любил выдержанный стиль, любил игру красок.<...> У не-

щали в прекрасные перлы маленького искусства».

Тарасов не стремился к популярности. Многие сочиненные им песенки для «Летучей мыши» распевались москвичами, а эпиграммы и шутки передавались из уст в уста. Но кто их автор, знали немногие.

По особым приглашительным билетам в театр-кабаре приходили гости из московской артистической богемы, не более 45–50 человек, больше не позволял зал. Вход стоил 15 рублей, что по тем временам было не мало. На билете красовалось изображение летучей мыши, и была надпись: «Летучая мышь» разрешает вам посетить ее (число, время)». Приглашенные, как предписывал устав кабаре, должны были вести себя непринужденно и раскованно.

Очевидно, так, как описывает один из гостей: *«Люди, которых мы привыкли видеть важными и деловитыми, стонали от спазм неудержимого хохота. Всех охватило какое-то беззаветное безумие смеха: профессор живописи кричал петухом, художественный критик хрюкал свиной»*. Шутки, пародии, танцы и пантомимы с озорством и увлечением разыгрывали мэтры и корифеи МХТ. Станиславский в роли фокусника показывал чудеса белой и черной

смешно и нарочито не попадая в ноты, дирижировал Немирович. Репетицию незаметно подсмотрел Сергей Васильевич Рахманинов и вызвался подменить Владимира Ивановича на премьере. И вот что получилось: *«Зазвучал оркестр, я вышла на сцену как в бреду. Музыка показалась мне неузнаваемой. Она приобрела совсем новое, трагическое звучание, в оркестре звучали инструменты, которых раньше и слышно не было. Музыка подчиняла себе, и наши движе-*

С первого же представления Балиев стал главной фигурой театра-кабаре. Как писал Станиславский: «Он был артист-солист, на глазах публики творящий неповторимый спектакль-импровизацию. Подхватывая реплики из публики, с блеском отправлял их обратно в зал. Однажды кто-то из зрителей выкрикнул: «А много ли дураков приходят на ваши представления?» Ответ был моментальным: «Точно не могу сказать, но сегодня на одного больше!»

магии, Книппер с неподражаемым шармом продемонстрировала парижскую шансонетку, а Москвин выходил на сцену, загримированный под знаменитую в те годы женщину с бородой. Интересную историю о своем участии рассказывала Алиса Конон, в то время молодая звезда МХТ, а в будущем знаменитая трагическая актриса. Вместе с партнером она готовила модный танец к очередному «капустнику». Оркестром,

намеченные на репетиции почти пародийно, невольно наполнялись новым, даже трагическим содержанием. Невозможно описать триумф этого номера на премьере и наше чувство восторга и благодарности великому музыканту, который одним взмахом своей дирижерской палочки превратил эстрадную безделушку в произведение искусства».

30 октября 1908 года МХТ праздновал свой десятилетний юбилей.

После торжественной части состоялся искрометный «капустник». Тарасов буквально дневал и ночевал в театре при его подготовке, выполняя любую работу. Станиславский писал Айседоре Дункан: *«Наш театр готовил грандиозный вечер с множеством всяких актерских шуток, примерно 50 номеров. Показывали пародию на "Прекрасную Елену", где главную роль играла Книппер, другие пародии: на кафешантан, на глупый балет, на цирк...»*

Балиев своими шутками и репризами ухохатывал публику до исступления. Особым успехом пользовался номер с установленным на сцене громадным бутафорским телефоном. Когда он звонил, Балиев поднимал трубку и с невидимыми собеседниками разыгрывал уморительные сцены. Автор большей части шуток и пародийных номеров наблюдал за ходом представления из-за кулис. Этот вечер, в отличие от других, был открытым и платным. Вырученная сумма — около 20 тысяч рублей — пошла в пользу нуждающихся актеров.

Слава кабаре росла, вся театральная Москва стремилась побывать в нем. Его также посещали гости из Петербурга, артисты Александринки, звезды Мариинского балета Карсавина и Нижинский, знаменитости из-за границы. Часто приходили Леонид Собинов и Федор Шаляпин. Они исполняли шуточные и задумчивые русские и украинские песни.

Во время представлений Тарасов обычно сидел за одним и тем же столом в углу зала, всегда грустный и как-бы отрешенно наблюдавший за всем происходящим. После окончания представления друзья шли домой по ночным московским бульварам. Балиев оживленно вспоминал удачу и промахи прошедшего вечера, Тарасов молча слушал, изредка делая замечания.

Так пролетели два счастливых года. А потом случилось непоправимое.

Тарасов пользовался у женщин колоссальным успехом. Много пересудов ходило по Москве о его дружбе с Алисой Коонен. Это действительно была добрая дружба. Он был очень откровенен с нею: *«Вы счастливы, Алиса. Вы увлечены искусством, своим творчеством, любите жизнь. Как бы я хотел смотреть на мир Вашими глазами. А я вот все время чувствую абсурдность жизни и каждую минуту помню, что все имеет свой неизбежный конец».*

Алиса старалась поддержать его: *«В Тарасове меня поражала какая-то трагическая опустошенность. <...> Я чувствовала в нем какую-то горькую обреченность, и не могла не относиться к нему с большим сочувствием, радуясь, когда мне удавалось вызвать у него хоть какое-то светлое душевное волнение».*

Но существовала женщина, которую он, видимо, любил, с которой был близок. Это была дочь одного из богатейших московских купцов,

жена совладельца торгового дома «Н.Ф. Грибов и К^о», московская красавица Ольга Грибова. И вдруг Тарасов случайно узнал, что она встречается с неким Н. Журавлевым, молодым человеком, который лишь за два года до знакомства с нею окончил гимназию, однако уже был одним из директоров Барановской мануфактуры. Крупно проиграв в карты, он умолял влюбленную в него Грибову достать деньги, угрожая покончить с собой, если ему не удастся расплатиться с долгами. Ничего не скрывая, Ольга обратилась к Тарасову, умоляя его выручить молодого соперника. Тарасов ей отказал. Неудачник исполнил свою угрозу и застрелился. На следующий день вечером выстрелила в себя Ольга Грибова. Истекающую кровью Ольгу привезли в больницу, но врачи спасти ее не смогли. Потрясенный Николай Лазаревич позвонил Балиеву и дрожащим голосом рассказал о случившемся. Никита Федорович, наспех завершив представление, помчался на квартиру друга, но застал его мертвым. Выстрелом в висок Тарасов покончил с собой. Он лежал на кровати, тщательно одетый, с пистолетом в руке. Ему было 28 лет. Утром на площадке перед квартирой Тарасова его слуга увидел гроб и траурный венок. А. Коонен пишет в своих мемуарах: *«Если верить легенде, гроб и венок прислала Тарасову близкая подруга Грибовой, считавшая Николая Лазаревича виновником ее гибели»*. Вся театраль-

ная Москва 1 ноября 1910 года была в трауре. Художественный театр в этот день отменил спектакль. Похоронили Тарасова на армянском кладбище в Москве. Надгробие, выполненное скульптором Н. Андреевым, охраняется государством как памятник истории и искусства.

(Рассказывая об этом странном и удивительном человеке, невозможно не упомянуть еще об одном Тарасове — внуке брата Николая Александра, Льве Тарасове. Вместе с семилетним Левой семья эмигрировала во Францию. Повзрослев, он стал известным французским писателем под псевдонимом Анри Труайя.)

На некоторое время жизнь в кабаре «Летучая мышь» замерла. Потеряв своего друга и покровителя, Никита Балиев задумался о своем будущем. В это трудное время у него «пробудился» еще один талант. Оказалось, что он был умелым организатором и мог неплохо считать деньги. Пережив горе, Балиев начал действовать. Кабаре «Летучая мышь» при МХТ он преобразовал в общественный театр, и в 1912 году официально зарегистрировал его в качестве самостоятельного коммерческого театра. В состав труппы вошли О. Книппер-Чехова, В. Качалов, И. Москвин, А. Коонен, В. Пашенная, З. Карабанова и ряд других талантливых артистов. С театром сотрудничали К. Бальмонт, С. Рахманинов, Ф. Шаляпин, А. Надеждина, Н. Бенуа, М. Сарьян, Я. Хейфиц, М. Петипа. Первые шаги в театре де-

*Никита
Федорович
Балиев*

лали Е. Вахтангов, Р. Зеленая, А. Таиров, В. Барсова.

Дело шло весьма успешно, интерес к театру возрастал, почитателей театра становилось все больше, и Балиев арендовал новое помещение для 260 зрителей. Популярность продолжала расти, коммерческий успех был также вполне достаточным, и в 1914 году театр переехал в третий раз в Большой Гнездиновский переулок, где зал мог принять уже 500 зрителей. Репертуар театра был многообразен. Здесь ставились театральные пьесы по произведениям

Пушкина, Гоголя, Чехова, Тургенева, Белого, Сологуба. Были и музыкальные спектакли: «Серенада Фавна» на музыку Моцарта, «Лев Гурыч Синичкин». Большой резонанс вызвала юмористическая пьеса «Что случилось с героями «Ревизора» на другой день после отъезда Хлестакова». Московская пресса была полна статьями и фельетонами о «Театре Балиева» и о нем самом.

Увлеченный революционной романтикой, Балиев приветствовал февральскую революцию 1917 года, но когда свершилась Октябрьская

*Елена
Балиева
(Комиссар-
жевская)
с сыном*

революция, он был в растерянности, не мог разобраться в происходящих вокруг него событиях. Новые власти призвали театр «скорректировать» свой репертуар, желая использовать его в своей пропаганде. «Летучая мышь» попала в сложное положение. Зимой в театре было холодно, зрители сидели в шубах, старые шутки не веселили, в буфете предлагали пирожки с картофельной начинкой. Тем не менее, театр продолжал работать, выезжал на гастроли в Ленинград, Прибалтику, в Киев.

Весной 1920 года Балиев принял странное решение отправиться в гастрольную поездку по Кавказу. Шла гражданская война. В пути поезд часто делал остановки, и тогда труппа давала спектакли в депо или в мастерских. Балиев, в потертом смо-

кинге, пытался развеселить усталых машинистов, сцепщиков, путеобходчиков. Шутки им были не совсем понятны, но они вежливо аплодировали. Иногда поезд преследовали конные банды. Балиев с тревогой посматривал в окно и пытался спрятать свой маленький чемодан, в котором хранились репертуар театра, пьесы, интермедии, ноты. *«Это — валюта, которая может иметь хождение в любой стране»*, — не то в шутку, не то всерьез объяснял Балиев.

Он уже принял решение покинуть Советскую Россию. Прибыв в Баку, он с большими трудностями добрался до Константинополя и, в конце концов, появился в Париже. Там уже находилась часть труппы, в том числе актриса Зоя Владимировна Карбанова, которая была первой женой

Балиева. (В 1924 году она отправилась в США, где стала знаменитой американской киноактрисой, снялась во многих фильмах под именем Мара Крэг. Умерла в Калифорнии в возрасте 61 год).

французского искусства, сколько Балиев. Правительство Франции удостоило его орденом Почетного легиона.

В конце 1921 года он получил письмо от влиятельного американ-

Слава кабаре росла, вся театральная Москва стремилась побывать в нем. Его также посещали гости из Петербурга, звезды Мариинского балета Карсавина и Нижинский, знаменитости из-за границы. Бывали здесь и Леонид Собинов, и Федор Шаляпин, часто они исполняли перед зрителями шуточные и душевные русские и украинские песни

Заложив бриллиантовый перстень и получив помощь от русских эмигрантов в Париже, Балиев собрался возродить «Летучую мышь» под названием «Theatre de la Chauve-Souris» и с огромным успехом открыл сезон в театре «Фемина». За восемь месяцев труппа дала 500 представлений. Далее театр с триумфом три месяца выступал в Лондоне, а потом с таким же успехом продолжил гастроли в Германии, Испании, Бельгии, Голландии, делая большие денежные сборы. Благодаря этому Никита Федорович мог даже приобрести дом на Елисейских полях. Французская пресса отмечала, что «Театр Балиева» оказал большое влияние на французскую эстраду, что никто из иностранцев не сделал столько для

сского импресарио Мориса Геста: *«У тебя здесь (в Америке) будет большое будущее. Я посылаю тебе мою любовь и сто поцелуев»*. Балиев ответил: *«Сто поцелуев? Я предпочитаю сто франков!»*

В январе 1922 года «Chauve-Souris» прибыла в США, а уже 3 февраля на Бродвее дала первое представление. В Нью-Йорке к труппе присоединилась Зоя Карабанова. Когда и как он успел расстаться с ней, доподлинно не известно. Свою вторую жену, Елену Аркадьевну, бесцеремонно брошенную с новорожденным ребенком и без средств первым супругом Ф.Ф. Комиссаржевским, Балиев повстречал у лондонского моста Вотерлоо и принял в труппу. А на пароходе по пути в Америку они обвенчались.

В течение 65 недель театр дал на Бродвее 520 представлений, а затем отправился на Западное побережье и в Канаду. Американская пресса не скупилась на похвалы, сравнивала Балиева с величайшими комиками мира. Он был званым гостем Чарли Чаплина, Мэри Пикфорд, Дугласа Фербенкса, его принимал президент США Калвин Кулидж. На студии «Парамаунт» он снялся в трех фильмах.

песню, а затем, покинув трон, принялся танцевать лезгинку.

Известно, что простодушных американцев гораздо легче рассмешить, чем избалованных европейцев. Живейшую реакцию у них вызывает метание друг в друга тортами. А когда на сцене артист садится мимо стула, зрители от хохота чуть сами не падают с кресел. Возможно, поэтому Балиев в 1934 году ре-

Балиев уехал в Штаты и попытался открыть «Летучую мышь» на Бродвее, но уже с американскими актерами. Однако американцам тогда было не до смеха, на страну обрушилась Великая депрессия, театры и кинотеатры закрывались или пустовали, актеры оставались без работы. Пришлось Балиеву зарабатывать на жизнь выступлениями в ресторане второразрядной гостиницы «Сент-Мориц». Но его неумная энергия требовала выхода, и он стал азартным игроком на фондовой бирже. Но однажды биржа «рухнула», и Балиев в одночасье потерял все — текущий счет в банке, парижский особняк, былую славу и здоровье. Смириться с этим было невозможно, и он скоропостижно скончался в 1936 году

Далее были гастроли по Южной Америке и Южной Африке, после которых театр в 1931 году вернулся в Европу. В Лондоне в 1933 году труппа праздновала 25-летие «Летучей мыши». Сидя в размещенном на сцене троне, Балиев выслушал похвальный панегирик, специально сочиненную в его честь хвалебную оду в исполнении хора и оркестра, заставил англичан исполнить русскую

шил вернуться в США и вновь открыть театр «Летучая мышь», но с американскими актерами. Однако американцам тогда было не до смеха: на страну обрушилась Великая депрессия, кинотеатры и театры закрывались или пустовали, актеры оставались без работы. Та же участь постигла и «Летучую мышь». Балиев зарабатывал себе на жизнь, выступая в ресторане второразрядной

гостиницы «Сент-Мориц». Однако его неумная энергия требовала выхода, и он стал азартным игроком на нью-йоркской фондовой бирже. Но однажды, в «черную пятницу», биржа «рухнула». Это был полный крах: Балиев потерял все — текущий счет в банке, особняк на Елисейских полях, былую славу и здоровье. Шестого сентября 1936 года он скоропостижно скончался. Оставшихся после смерти 500 долларов не хватило даже на похороны. Расходы оплатила дочь известного американского актера Дэвида Беласко, «потому что он так часто смешил отца на своем неподражаемом английском языке с армянским и русским акцентом». Похоронили Никиту Федоровича в их семейном склепе в Нью-Йорке на кладбище Маунт Оливет, Лонг-Айленд.

Панихида прощания с артистом прошла в русской православной церкви Христа Спасителя на Медисон-авеню. Отдать память великому комику пришли тысячи людей: американцы, русские и армяне, потомки знатных дворянских семей.

Елена Аркадьевна Балиева прожила долгую жизнь. После смерти Никиты Федоровича она оставила театр, руководила балетной школой в нью-йоркском «Метрополитен-опера».

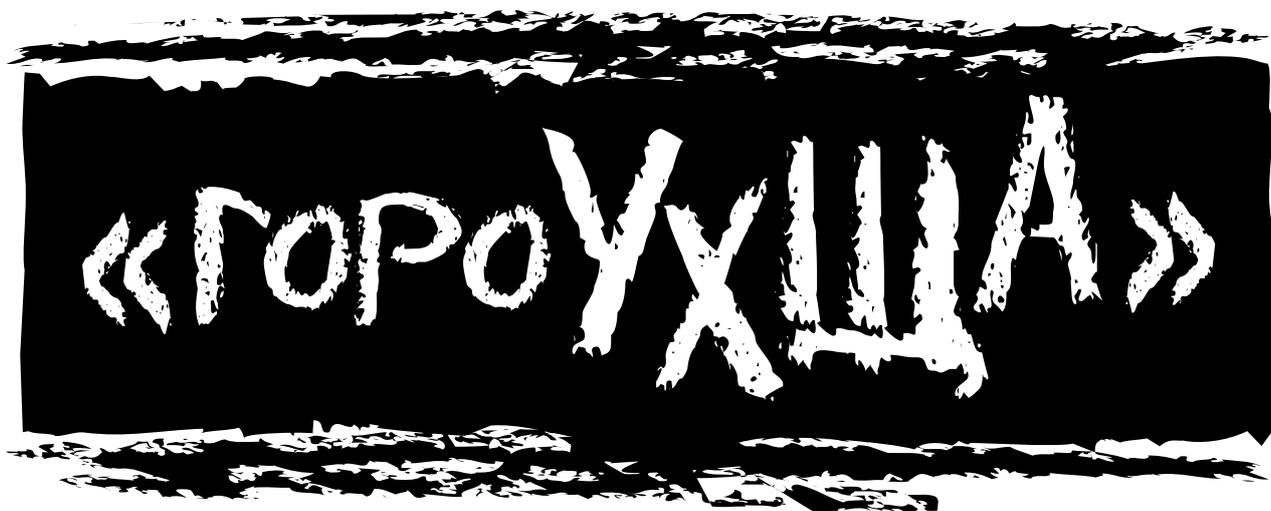
Последние годы жила в женском православном монастыре Ново-Дивеево в Нью-Йорке, где скончалась в 1981 году на 87 году жизни и там же похоронена.

Вспомним, какие великолепные конференсье и ведущие смешили и учили нас многие годы, обличали недостатки и пороки людей и общества, иногда очень усложняя свою, не всегда веселую, жизнь: М. Гаркави, А. Райкин, Б. Брунов, парные юмористы М. Миронова и А. Менакер, А. Шуров и Н. Рыкунин, Л. Мирон и Н. Новицкий, Р. Карцев и В. Ильчен-

ко, Штепсель и Тарапунька, З. Высоковский и В. Танков, и многие другие. В наши дни эстрада, или, как ее сейчас называют, шоу-бизнес, к сожалению, часто имеет пошловатый привкус. Но, как и в прежние времена, успех концерта во многом завит от того, кто его ведет, то есть от конференсье. Пионером этого жанра в России был и остается Никита Федорович Балиев. □

Медленно и степенно, как и все равнинные реки, Днепр нес свои воды на юг. Вытекая из Оковского бора, где брали начало многие великие реки земли кривичей, он сразу оказывался на территории смолян. Уже потом, протекая через грады и веси дреговичей и полян, полноводный и мощный впадал он в Понтийское море. В верховьях реки с незапамятных времен стоял Смоленск. Ну, не совсем уж с незапамятных, дед Андоима помнил, как он начинал строиться, и часто рассказывал об этом внуку. Здесь вот то было, а здесь это. А тут совсем ничего не было, только холм, поросший лесом. Андоим все старательно запоминал, а когда вырос, то начал записывать дедовы рассказы.

Многие, конечно, считали занятие это никчемным, пользы никакой не приносящим. Но Бойдан велел не обижать Андоима, даже еду ему готовить приказал. А также выделил двух братьев-ремесленников, чтобы дощечки для него готовили.

Ворчали братья — много времени на это уходило. Андоим-то требовал, чтобы прочное дерево брали и маслом из льняного семени на совесть пропитывали. А кому хочется такой напраслиной заниматься? Только с Бойданом не поспоришь.

Сам же Андоим вот какую штуку придумал. Раньше-то на чем писали? На бересте. Или на восковых дощечках. А он отлил все буквы. Ну, как украшения отливают. И как начинал записывать очередной рассказ деда,

то первым делом на жаровню их выкладывал. Разогревал так, чтобы дерево жечь могли — и пошла работа. Наденет фартук, клещами ухватит буковку и к деревяшке прикладывает. Со стороны посмотреть — вылитый кузнец. А уже потом каждую дощечку клеем из смолы заливал, для надежды большей.

Бойдан пришел, поглядел на работу.

— Споро делаешь, Андоим! Продолжай!

Только недолго продолжались дела. Поехал Бойдан смотреть, как валят деревья для нового частокола, что вокруг града стоит, да и придавило его вместе с конем дубом могучим. Обидно так. Воин — каких еще поискать, а тут...

Братья, те, конечно, сразу помогать Андоиму перестали, да и самому ему не до дощечек стало. Надо на еду зарабатывать — кормить-то перестали, не давал такого приказа новый князь. Бойдан-то мирятичем был, а этот — вержавлянин. А зима пришла — простудился Андоим, да и помер. Схоронили его в гнездовском кургане, маленьком таком, неприметном. А куда дощечки его подевались, никто и не помнил. И буковок не нашли. Может, в кургане зарыли, может, в граде, где спрятал свои записи Андоим. Искать никто не стал, никчемна его забава. Одно дело, донесение послать или надпись на оружие сделать. А писать, как лес на холме рубили — то же самое, что вчерашний день искать. А кому он нужен? Назад не вернуть, новые заботы с утра ждут.

Недолго, правда, вержавляне прокняжили. Пять лет прошло, и снова власть на скопище смоляне передали мирятичу. Народовластие, оно и есть народовластие. Кривичи по-другому жить не умеют, да и не хотят.

Витослав, как начал править, так и вспомнил про Андоима, велел дело его возобновить. Только легко сказать. Весь град обыскали — нигде ничего не нашли: ни дощечек, ни буковок. Хотели даже курган вскрыть, да только виданное ли это дело — могилы разрывать?

— Помнишь, о чем поспорили? — спросил Сергей, когда они с Виктором зашли в его квартиру.

— Конечно. Ты пытаешься оспорить факт, известный любому первокурснику. И ты обещал мне привести бесспорное доказательство. Как? В Интернет полезем?

— Ну что ты! Всем известно, что Интернет — это помойка. Опирайтесь на факты из Интернета это то же самое, что строить дом на песке.

— Ну, пожалуй, с этим я соглашусь. Так как же тогда ты собираешься доказывать?

— А мы просто посмотрим. Ты садись, — махнул рукой Сергей в сторону большого стола, около которого стояли два кресла. Огромный монитор и непонятный черный куб занимали значительную часть столешницы. Куб и компьютер соединялись несколькими проводами.

— Кино, что ли? — спросил Виктор, усаживаясь.

— Нет, воочию. Я потом тебе объясню, как это происходит. А сейчас давай смотреть.

Сергей несколько раз щелкнул клавишами, и экран засветился...

Ратибор тихо просачивался через хорошо знакомый лес. Свежие сломанные ветки торчали из небольших кармашков одежды, делая его почти незаметным на фоне молодых берез. При этом не мешали достать из-за спины лук или выдернуть с пояса нож. Меч — вещь громоздкая, когда хочешь подкрасться без лишнего шума, лучше его не брать. Да и зачем смоленскому кривичу меч? Когда ты один, то лучше надежного лука да быстрых ног ничего не придумаешь.

Норманны стояли лагерем немного в стороне от волока. А может, и не норманны. По крайней мере, не купцы, это точно. Купцы, понятно, тоже при оружии — мало ли всякого сброда по лесам шатается. Но эти... от них так и пахло дракой. Высокие, крепкие, как на подбор. Торговаться не будут, сами все заберут, что нужно. Не зря Витослав послал его разобраться, что за гости мимо града плыть собираются. Ох, и не к добру они здесь.

Ратибор неспешно, стараясь не шуметь, начал обходить лагерь, внимательно присматриваясь к его обитателям. Солнце еще высоко, а норманны уже лагерем стоят. Ясно, что прелэгатаи вперед пошли, не наткнуться бы на них по-глупости. Видно, что воины хорошо вооружены и обучены неплохо, посты вокруг толково расставили.

Внимание Ратибора привлек высокий, богато одетый норманн. Какой-то словен подошел к нему и с явным почтением проговорил:

— Аскольд! Коль до заката прелэгатаи не вернутся, будем здесь ночевать?

Ответа Ратибор не расслышал, Аскольд стоял к нему спиной. Тогда он достал «ухо» и ловко приладил его к голове с помощью веревочек. Широкий раструб смотрел прямо на пришельцев. Слышно стало намного лучше.

— Как прикажешь, князь, — поклонился словен.

В это время на дальней поляне послышался шум. «Идут!» — раздался чей-то громкий голос. Князь Аскольд, однако, даже не шевельнулся. Верно, не княжеское это дело к соглядатаям бегать, сами придут.

И действительно, вскоре появились трое взмыленных воинов. Один, видно, старший, сразу начал:

— Здесь, здесь, княже, град Смоленск стоит. С утра, ежели ладьи потянем, то к вечеру их на воду опустим.

— А град как? Смоленск-то?

— Велик. Велик, княже, град. Велик и мног людьми.

— Ладно, ступайте.

Воины поклонились и быстро скрылись за кустами. Словен вновь обернулся к Аскольду:

— Ты скажи, князь, к чему мне воинов готовить. Будем Смоленск брать? Или поплывем вниз подобру-поздорову?

— Думать буду, Здравень! С Диром стану совет держать.

«Думать, значит, будешь, — проговорил про себя Ратибор. — Тогда тебе помочь надо!» — и бесшумно достал из-за спины лук и стрелу.

Аскольд сделал очередной шаг, когда услышал щелчок тетивы, и перед глазами, не дальше локтя вытянутой вперед руки, мелькнула стрела и вошла в ствол березы. Князь отпрыгнул за дерево, прижался щекой к коре, замер. Здравень оставался невозмутимым, спокойно смотрел в то место, откуда прилетела стрела. Но ни малейшего шороха не доносилось до его ушей.

— Выходи, князь, — после паузы произнес словен. — Нет уже никого.

— Надо же! Чуть не убили, — проговорил Аскольд, вылезая из-за дерева.

— Хотели бы убить — убили бы. Это земля кривичей, а они понапрасну промахиваться не станут. Так что думай, князь, думай!

— Хорошо, Ратибор! Ступай, отдохни. С утра приходи. Я сейчас наказ дам дружину собрать. — Витослав был сосредоточен и задумчив. — А то, что норманна напугал, это хорошо. Пуганый норманн, он в лесу и куста боится.

Во дворе дома Ратибора ждал Тихомир.

— Здорово, скудельник! — поприветствовал ремесленника хозяин. — В гости пожаловал али случилось чего?

— Случилось. Жалиться я к тебе пришел.

— Ко мне? Так жалиться к Витославу ходить надо. На то он и князь, чтоб за порядок отвечать.

Не любил Ратибор Тихомира. Не любил. Жаден ремесленник. И, вообще, не нашего он рода, неродной, не кривич.

— Я думаю, мы с тобой сами можем жалобу мою разрешить. Ты же у нас благородный воин.

— Все кривичи благородны.

Не сдержался. Зря ты это, Ратибор! Вроде ничего плохого сказать не хотел, а намекнул, что Тихомир — из балтов. Правда, давно в Смоленске живет, но все ж не родной. Но ремесленник и бровью не повел.

— Тут вот какое дело. Слепил я новую корчагу, поставил на лавочке, чтобы обсохла глина. Отлучился ненадолго, а когда вернулся, гляжу, слово на ней накарябано.

— Какое слово?

— Да в том-то и дело, что плохое слово, стыдное.

— Вот как? Ну и чего ты от меня хочешь?

— Думаю я, что накарябал это твой Вторак, — проговорил гончар.

— Мой? Ох, а не напраслину ли ты возводишь, Тихомир? — Ратибор почувствовал, что начинает закипать.

А ремесленник, на удивление, оставался спокойным.

— А ты сам у него спроси, — чуть изогнув губы, сказал он. — Парнишка ведь тоже кривич — отцу врать не станет.

Ратибор вдруг успокоился. Правильные слова, тут не поспоришь.

— Ладно, пойдем, посмотрим, — и направился к дому ремесленника.

Корчага так и стояла на лавке. На боку было резом нацарапано: «горо-УХЩА». По мягкому еще чертили. Первые четыре буквы четко написаны, ровненько. А вот остальные... И большие, и кривые — будто разными руками писались.

Ратибор осторожно взял кувшин, повертел, поставил на место.

— Вот, значит, как, — наконец произнес он. — Давай вот что сделаем. Ты отжигай эту корчагу. Если мой сын накарябал, то я у тебя ее куплю, две цены заплачу. Но если не он, то будешь сам продавать. Посмотрим, кто у тебя с такой надписью купит, — и усмехнулся.

— Лады, — ответил Тихомир. — Только я верно знаю — он это. Распоясались сыны твои. Да и не только твои. Вся пацанва нынче такая. Не хватает родителям строгости. Того гляди, начнут стены домов разрисовывать словами пасакскими да картинками стыдобными.

— Ну, ты скажешь! Вряд ли до этого дойдет. Это ж кем надо быть, чтобы на стенах гадить.

Но Тихомир уже поднялся на крыльцо, открыл дверь, а потому ничего и не ответил.

— Коль ты пишешь слова такие, так хоть делай это правильно! — Досада Ратибора лилась через край.

Сын стоял, опустив голову. Отец спросил — он ответил. Честно. Ну, почти честно. Не себя же он выгораживал. Млад совсем еще несмышлениш, хоть и умен не по годам. Грамоту хорошо знает, а ошибку именно он сделал. Но не кричать же — это не я неправильно написал, это Млад. Не может настоящий кривич брата выдать. Даже отцу.

А Ратибор все не мог успокоиться. Стыдно за сына перед Тихомиром.

— У тебя скоро срок подходит, второе имя будут тебе давать, а ты даже гадость всякую толком написать не можешь. В хороших словах ошибки делать станешь!

— Не стану, — буркнул мальчишка.

— Ты хочешь, чтобы тебя Бояном назвали?

— Да.

— А что это значит?

— Мужественный воин холодной крови.

— А если одну ошибочку сделать, то получится, что имя твое Буян. Хочешь?

— Буян — яростный безрассудный воин. Не хочу. Я как ты буду.

— Как я?! — взревел Ратибор. — Думаешь, я, когда малым был, такое же писал!

Вторак опустил голову еще ниже.

«Что же это со мной творится? — вдруг подумал Ратибор. — Меня самого впору скоро Буяном называть».

Вдруг вспомнилось, как ему второе имя давали. Его ведь хотели Лебедяном назвать. Ладный, стройный. Но он заупрямился, и тогда князь решил проучить его. Отправил в лес и сказал, что если он две ночи там продержится, то получит желанное имя. К утру, правда, одумался. Зачем мальчишку на погибель послал? И отправил три десятка дружинников искать его. Целый день искали, дотемна, но не нашли. А на следующую ночь, уже под утро, прокрался мальчишка в лагерь дружинников, залил костер и сбежал в город.

Сильно осерчал тогда Бойдан. Хотел всю дружину разогнать да новую набрать. А мальчишке сказал:

— Убедил ты и меня, и старейшин рода. Носи с гордостью свое имя — Ратибор. Ты настоящий лесной воин.

Воспоминание помогло, злость отступила.

— Поутру возьмешь ногату, — уже совсем спокойно произнес отец, — пойдешь к Тихомиру, отдашь ему монету и заберешь корчагу. Попросишь прощения и скажешь, что не будешь так делать никогда. Корчагу сюда принесешь. И не вздумай разбить по дороге.

— Как скажешь, отец.

Корчагу Ратибор поставил на полку, так, чтобы надпись можно было увидеть, едва гость входил в избу.

— До зимы будет здесь стоять.

— Может не стоит, Ратиборушка... — Леля смотрела на мужа с надеждой — глядишь, сменит гнев на милость.

— Будет стоять, — упрямо повторил Ратибор. — И нам с тобой память будет — вот каких сынов вырастили.

Взгляд Лели, однако, не выражал ничего похожего на недовольство сыновьями. Да и как на них сердиться? Млад почти каждый день посуду моет за всей семьей. А Вторак, так совсем уже мужчина. Какую лавку в доме сделал, любо-дорого посмотреть. По весне сам князь брал его частокол править, что вокруг града стоит. Хотя, конечно, негоже слова такие писать. Только с кого спросить? Не сами же они слова эти выдумали. То дружинники, то ремесленники где брякнут, а то сам князь выбернется. Вот кому в каждый дом такие кувшины ставить надо.

Лодка, направляемая справными гребцами, уверенно пересекла Днепр и причалила к левому берегу. Шестеро высоких, как на подбор, воинов выскочили из суденышка, седьмой степенно сошел на берег, оперевшись на плечо ближайшего из спутников.

Вся семерка неспешно пошла по дорожке, ведущей к воротам. Витослав наклонил голову к стоявшему рядом Ратибору и спросил, кивая в сторону идущего впереди богатыря:

— Этот, что ли, князь Аскольд?

— Нет, это Здравень, — ответил Ратибор, разглядывая уже знакомого ему словена. — Но тоже не последним будет. Это он спрашивал у Аскольда, готовить ли воинов на град идти.

— Понятно. Соглядатаем пришел. В град пускать не будем.

Словен остановился в нескольких шагах от ворот. Дружинники внимательно разглядывали его сверху из-за частокола.

— Мы пришли с миром, — громко прокричал Здравень. — Князья наши, Аскольд и Дир, шлют низкий поклон стольному граду земли кривичей — Смоленску. — И он низко поклонился, как положено, даже землю поцеловал.

— И князьям вашим наш поклон, раз вы с миром прибыли, — ответил Витослав. Голову, однако, наклонил лишь слегка. — Куда путь держите? Откуда сами будете?

— Идем мы из Новеграда, что Рюрик поставил на Волхове велел. Да и сам он уже там живет...

— Я все знаю, гость, на другом берегу Волхова поставил. Выше по течению. Из Ладоги много народу туда ушло, да не все задержались. Многие, как и твои люди, здесь проходили.

— В знаниях твоих, князь смоленский, никто не сомневается. Ты все ведаешь, — ответил с почтением словен и после паузы сменил тему разговора: — Еще одно дело мне Аскольд поручил.

В руках у него неожиданно появилась стрела. Ратибор сразу понял, что это та самая, которой он Аскольда пугал.

— Нашел он вчера в лесу стрелу. Славная вещь, я таких не видел. Мастер делал, видать, из ваших. Купить бы хотели. Продадите?

Витослав покосился на Ратибора, едва заметная усмешка скользнула по его губам.

— Отчего же не продать, коли серебро имеете. Сколь вам нужно?

Новоградцы расположились на поляне на другом берегу Днепра. Выкатили ладьи, быстро и споро просмолили их. Благо, что в Смоленске добра этого на всех хватало. Купили хлеба свежего, медовухи, да стрел на сотню тулов. Смолянам не жалко — научиться такими стрелять, дня не хватит. Расплатились серебром, щедро. Поутру спустили судна на воду, попрощались с хозяевами да отплыли вниз по реке.

Отряд дружинников вышел проводить гостей по берегу — ну так, на всякий случай. Но те быстро вышли на стремнину, да и скрылись за поворотом.

— Ну, слава Перуну, унесла их нелегкая, — проговорил, подъезжая к Ратибору, Браниполк. — Больно уж воинство новоградское грозно выглядит. Боюсь, не поздоровится Киеву, когда Аскольд туда доплывет. Городишко-то совсем малый.

— Это да! — ответил Ратибор. — Они даже на нас напасть хотели.

— Знаю. Витослав рассказывал, как ты его уму-разуму учил. Он все правильно понял. Сразу видно — князь.

— Да не князь он. Не княжьего роду. Боярин, что с Рюриком пришел на наряд.

— А ты откуда знаешь? Я сам слышал, как его люди князем звали, — удивился Браниполк.

— Витослав сказал. А что князем звали, так и я слышал, еще в лесу. Но у русов теперь варяжские порядки. Князем может стать только воин из княжьего роду. По наследству.

— Да, не уважают норманны власть народа, нет в них духа кривичей.

— Ох, не знаю, не знаю. По ту сторону Оковского бора кривичей живет видимо-невидимо. А порядки у них теперь, как у всех русов.

— Да, это да. Если дальше так пойдет, то мы тоже русами станем. Вон сколько у нас балтов живет, и норманны тоже есть.

Едва Ратибор зашел в дом, как сразу же увидел корчагу. Она стояла на том же месте, но повернута так, что надпись нельзя было увидеть.

— Кто трогал? — спросил он, кивая в сторону полки.

— Я, — отозвался Млад. — Ты же не говорил, что нельзя трогать. Я посмотрел и на место поставил.

«А что надпись теперь не видно, мне и невдомек, — продолжил мысленно за сына воин. И вдруг в голову пришла совсем другая мысль: — Так вот кто вторую половину слова накарябал, как лягушка лапой. Рука не тверда, да и не на бересте буквы выводил — вот и получилось криво».

— А где у нас Вторак? — спросил Ратибор. Спокойно так, хотя внутри все клокотало.

— Древко для стрел точит, — ответила Леля. — Садись за стол, у меня все готово.

— Позови его, — попросил отец младшенького.

Млад вышел. Ратибор сел за стол. «А что случилось-то? — размышлял он. — Не стал старший младшего выдавать. Пусть даже отцу. И что плохого? Глупости в голове, конечно, хватает, но это по малолетству. Вырастет еще. И славный кривич из него получится».

Когда мальчишки вернулись вдвоем, он попросил:

— Ну-ка, покажи мне свою работу, Вторак!

Сын протянул оструганное древко. Неплохо, в общем. Даже лучник — мастер изготовления луков — может взять как заготовку.

— Славно! — похвалил отец. — Осьмушку дела осилил. Дней через пять стрела получится, коль стараться будешь.

— Так долго! — разочарованно протянул Млад. — Здесь же только наконечник осталось надеть.

— Это на твой, детский лук «только наконечник надеть». А брат хочет настоящую стрелу сделать...

С шумом открылась дверь, в избу заглянул дружинник.

— Витослав вернулся, — сказал он, — к себе зовет.

— Иду, — вставая из-за стола, отозвался Ратибор.

У Витослава в хоромах собрались четыре человека: хозяин, Браниполк, Ратибор и Стоум, советчик князя по тайным делам. А может, и не только советчик.

— Хочу я вам, люди мои верные, сказ сказать, про гостей наших сегодняшних. Занятный сказ. Долго слушать придется, но потерпите.

Князь глотнул медовухи из кружки и поставил ее в середину стола. На то она и кружка, чтоб по кругу ходить. Браниполк тоже приложился и подвинул емкость к Ратибору.

— Захватил Рюрик Городище, что в устье Волхова на берегу Ильмени, — начал Витослав.

Вот он всегда так. Если станет чего рассказывать, то хорошо, что не от Сварога начинается. Ратибор протянул руку к кружке — надо же куда-то время потратить, пока князь известные вещи перескажет.

— Объявил себя князем. Народ не сильно роптал. Новый князь уособицу прекратил — все племена, что на севере за Оковским бором, объединил и велел их русами называть. Тем более, все племена там давно перемешались. Но прошло время, и стали русы, особенно те, что из словен вышли, не сильно любить власть варяжскую.

Пока ничего интересного князь не сказал, и Ратибор вновь потянулся к кружке. Но тут-то чуть и не поперхнулся.

— И восстали словене против варягов иноземных. А заводилой у них стал Вадим Храбрый.

— Когда? — Ратибор не мог придти в себя от изумления. Уж очень скоро к делу перешел Витослав. Обычно он переливать из пустого в порожнее может до вечера.

— Намедни. Но Рюрик оказался сильнее. Войско его разбил, а самого Вадима казнил.

— Вот оно как, — проговорил Браниполк. — А эти-то что! Гости нынешние?

— Эти? — переспросил Витослав. — Тут такая история. Как узнал Аскольд, что Вадим поднял народ против варягов, то сразу со всем войском поспешил к Новеграду. Да не успел помочь Вадиму.

— И что? — удивленно спросил Браниполк. — С такими воинами не напал на Рюрика?

— Он и на нас напасть не решился, — ответил Ратибор. — А у Рюрика дружина не хуже нашей будет. Вот и подался с земли русов.

— Земля у него загорелась под ногами, — разлепил губы молчавший до этого Стоум. — Ищет его Рюрик.

— Не пойму я этих норманнов. Аскольд из ихних будет, а за словен воевать собрался.

— Он думал, князем станет новеградским, а не вышло, — опять ответил Стоум. — Сейчас у него дружина есть, серебра пока много. А земли нет, на которой люди работают. Дружину-то кормить надо. Серебро кончится, что тогда?

— Сожрут друг друга!

— Вот потому и торопится Аскольд град хоть какой-нибудь захватить. Да и покняжить хочется. У Рюрика он из последних был, хотя и воин отважный. Но к роду его не принадлежит, а значит, наравне с остальными русами будет, хоть и варяг.

— Да откуда тебе все известно? — опять удивился Браниполк, а Витослав незаметно усмехнулся.

— Медовуха рекой, много мяса жареного, да немного серебра, — ответил Стоум. — А вот кто в гостях был — не скажу. Ни к чему тебе это.

— Это да, ни к чему.

— Тут еще одна весть пришла, из земель далеких.

Витослав, он всегда такой. Любит повернуть рассказ совсем в другую сторону, чтобы за мыслью его побегали сотоварищи.

— Братья из Солуни — Мефодий и Константин — прибыли в Моравию и сотворили там ... так и скажу, как прислали мне... — Князь достал берестяную грамоту. — ...славянскую азбуку! Чтобы тексты свои христианские для славян перетолмачить.

— Чего?! — даже всегда невозмутимый Стоум не сдержался.

— Зачем? — спросил Ратибор, чувствуя, как глаза у него потихоньку вылезают на лоб.

Возникла тишина, Витослав наслаждался, глядя на сотоварищев. Да не тут-то было.

— А коня? — абсолютно спокойным голосом спросил Браниполк.

— Какого коня? — не понял князь.

— Коня они не сотворили? Чтобы славяне ездить могли.

Стоум и Ратибор захохотали во всю мощь своих богатырских глоток, Витослав и Браниполк присоединились к ним. Хохотали до упаду. Когда отсмеялись, Стоум хватил из кружки добрую порцию медовухи и произнес:

— Как же это? Мало того, что славянскую грамоту еще предки наши придумали, так ведь и перетолмачили давно этот византийский глум.

— Верно, еще при Бойдане книга была. На заморском папирусе писана.

— Помню, — произнес Стоум. — Зело вредная книга. Я говорил, что много горя на землю кривичей принесет, много крови прольет вера та, христианская. Сжечь ее надо. Но Бойдан уперся. «Ты капище свое построй, но жги, что стоят уже», — сказал мне. И не дал сжечь.

— Да, зря он это. Если христианская религия к нам придет, то не только наши книги, но и капища сожжет, — покачал головой Ратибор. — Да и нас не пожалеет в огонь бросить.

— А что дальше с той книгой-то стало?

— Бойдан отправить подальше велел — в Корсунь с купцами. С глаз долой.

— Так вот в чем дело... — задумчиво произнес Витослав.

— О чем ты, князь? — спросил Ратибор.

— Пишут мне, что азбука та — точь-в-точь, как наша. Две букочки не такие...

— Так и в той книге были не такие. Старый язык, — перебил князя Стоум. После медовухи с ним такое случилось.

— ...так вот. Ездили братья несколько лет назад к хазарам, а по дороге в Корсуне останавливались. Долго там жили. Верно, там эту книгу и нашли.

— Тогда понятно. А то как-то глупо выглядит эта затея. Придумывать грамоту для самого грамотного народа.

— Это да! У нас даже детишки малые писалом владеют, — развеселился вдруг Браниполк. — Вот у Ратибора сынишки такие слова знают. И даже написать могут...

Ратибор приподнялся, гневно сжимая кулаки.

— Сядь! — рявкнул Витослав, понимая, к чему может привести неудачная шутка. — А ты, Браниполк, молчи! Не в детях дело! Отныне за каждое слово...

Экран неожиданно погас. Правда, всего на полсекунды. Затем вспыхнул снова.

Ратибор тихо просачивался через лес. Свежие сломанные ветки торчали из небольших кармашков одежды, делая его почти незаметным на фоне молодых берез.

Норманны стояли лагерем немного в стороне от волока. А может, и не норманны. По крайней мере, не купцы, это точно. Купцы, понятно, тоже при оружии — мало ли всякого сброда по лесам шатается. Но эти... от них так и пахло дракой. Высокие, крепкие как на подбор. Торговаться не будут, сами все заберут, что нужно...

— Думаю, вполне достаточно, — произнес Сергей, отключая монитор.

— Достаточно для чего? Это, вообще, что было? Кино?

— Отражение живой истории.

— Не понял! — Лицо Виктора изображало недоумение.

— А чего тут непонятного? Просто сейчас ты увидел то, что происходило на самом деле. Девятый век.

— Серега, ты в своем уме?! Что ты врешь?!

— Вить! Ты можешь вспомнить, чтобы я тебе когда-нибудь врал?

Виктор задумался.

— Нет. Если всерьез, то нет!

— Так вот сейчас я абсолютно серьезен. — Сергей внимательно посмотрел на друга, потом продолжил: — Давай так. Ты можешь посмотреть на Солнце, допустим, в телескоп. Откроется чудесная картина. Но все, что ты увидишь, — этого уже нет. Это было восемь с половиной минут назад. Но изображение только дошло, и ты его только увидел. Здесь точно так же.

— Кончай глумиться! Можно сосчитать, на каком расстоянии от Земли сейчас находится это изображение. Ты хочешь сказать, что поставил туда видеокамеру, а потом мгновенно все передал к себе в квартиру?

— Нет. Просто часть изображений закольцовывается.

— Что?!

— Просто никуда не уходит. Ты же сам видел, изображение по кругу идет.

Виктор молчал, ошеломленный этой информацией. Да, он не раз видел, как Серега возился в своем черном ящике, но его это не очень интересовало. Он — программист, а «железо»... Но главное, он хорошо знал друга. В таком вопросе тот врать не станет.

— И... оно... где-то здесь... существует? Изображение это... — наконец смог выговорить он.

— Именно. Где-то здесь. Точно сказать не могу.

— Ты хоть осознаешь, какое ты открытие сделал?

— Тебе трудно представить, до какой степени, — горько усмехнувшись, проговорил Сергей. — Постоянно думаю, как бы осуществить закрытие этого открытия.

— Зачем?

— А кому, конкретно, оно нужно?

— Ну, историкам, например.

— Историкам? Да ты что! История — серьезная наука. Люди ищут, изучают, сопоставляют, спорят до инфарктов, диссертации защищают, на хлеб зарабатывают. Корчагу вот с надписью «гороУХЩА» нашли в гнездовском кургане. Семьдесят лет теперь спорят, что это значит. Одни говорят, что горчица, другие — сосуд для хранения углей, третьи — имя владельца. Диссертаций наляпано — немерено. А тут вдруг мы им скажем — баста! Не будет больше симпозиумов, конференций, форумов. И диссертаций тоже не будет — вся история изучена, и любая домохозяйка сможет сама посмотреть, как там на самом деле было. Историкам это надо?

— М-м-м-да... — промычал Виктор.

— Кстати, об истории. Ты знаешь, как называли сами себя поклонники языческой веры, те же кривичи?

— Нет.

— Погань.

— Что-о?! Да это же почти ругательное слово.

— Почему же «почти», — пожал плечами Сергей. — В современном языке ругательное. Только, прости за легкое ерничанье, на самом деле отличное слово испоганили.

— Кто же это?

— Да те, кому язычество, как кость в горле. Те самые, которые пытаются нас убедить, что письменность славянам подарили Мефодий и Константин, в монашестве Кирилл. Кстати... — Сергей энергично щелкнул друга по лбу. — Спор есть спор. Все честно?

— Да, — отозвался Виктор, потирая лоб. — Послушай, неужели никому это открытие не нужно?

— А ты сам подумай. Только как следует, не спеша. Кому? Политикам? Бизнесменам? «Особо верным мужьям»? Ведь не только ты будешь знать правду о других. Все станут знать правду о тебе. Мне не нужно отвечать. Ты себе ответь — кому оно нужно?

В комнате стало так тихо, что было слышно, как муха сражается со стеклом в дальней части комнаты. Прошла почти минута. Наконец Сергей шумно вздохнул и проговорил:

— Вот и я также, Витя, ничего придумать не могу.

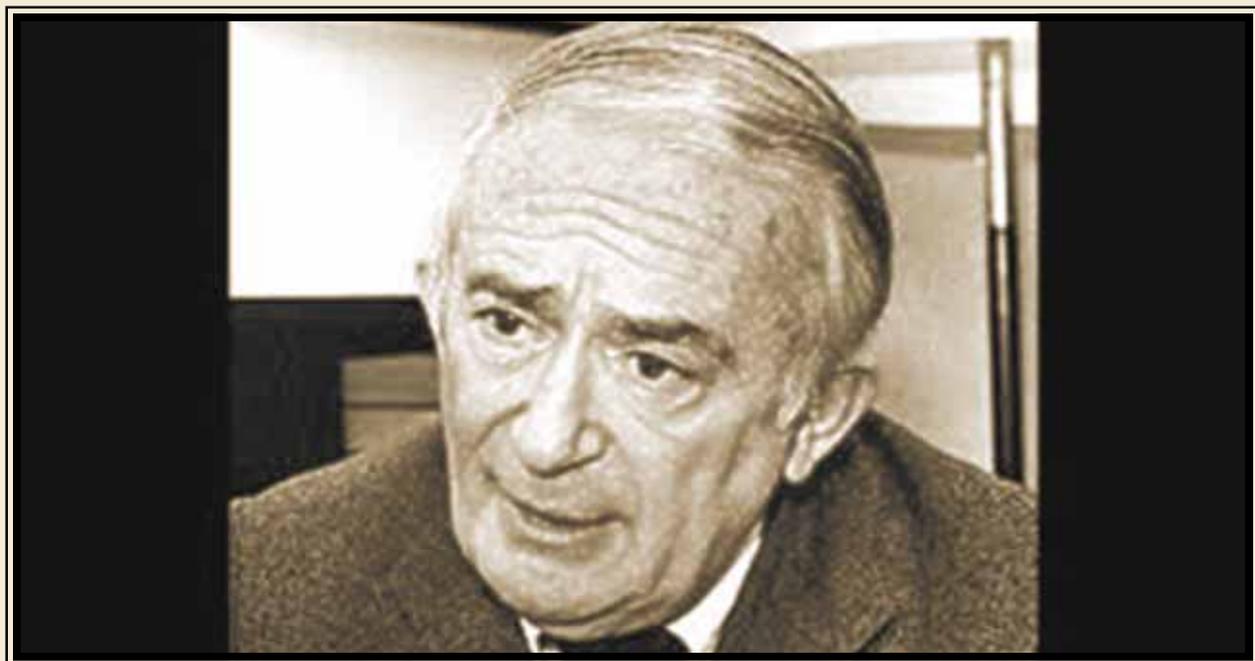
— Да-а... Это каким же честным должно стать общество, чтобы принять твое открытие?

— И не говори. Ладно! Ты как думаешь, кто придумал Олимпийские игры?

— Греки, конечно.

— Может, поспорим? — улыбнулся Сергей, протягивая руку. □

Ирина Опимах

ФАЛЬШИВКА

как искусство

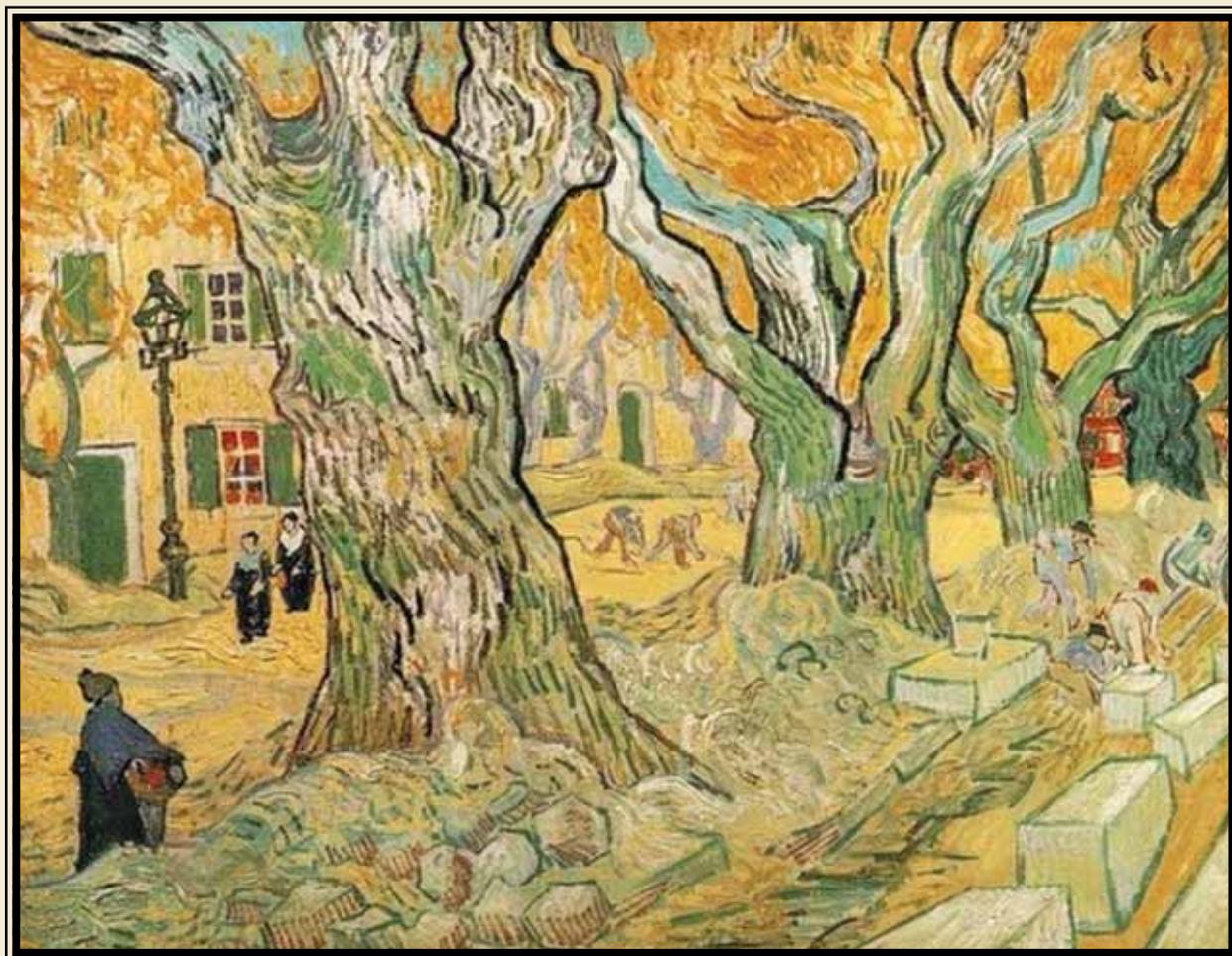
В 1975 году на экраны мира вышел фильм американского режиссера Орсона Уэллса, который назывался так — «Ф» как фальшивка». Уэллс размышлял о том, что в искусстве истинно, а что — фальшивка, и где грань между двумя этими понятиями. Толчком к созданию фильма послужила судьба известного фальсификатора Элмира де Хори. Фальсификаторы, говорит режиссер, порой могут быть не менее гениальны, чем авторы оригиналов...

Элмир де Хори (или Элмир фон Хори, барон Элмир Хоффманн, Жозеф Дори, Жозеф Дори-Бутен) родился 14 апреля 1906 года в Будапеште. Он любил называться разными именами — в зависимости от обстоятельств — и сочинять о себе легенды. Так, он утверждал, что его родителями были высокопоставленный австро-венгерский дипломат и дочь богатого банкира, и детство его прошло в окружении многочисленных няnek и гувернанток. Однако, скорее всего, это абсолютная ложь, он происходил из еврейской семьи весьма среднего достатка и при рождении получил имя Элмир Альберт Хоффманн. По-видимому, его способности к рисованию проявились очень рано. В 16 лет он поступил в художественную школу в Нагибанье (теперь это территория Румынии), в 18 лет продолжил обучение в Академии Хайнманна в Мюнхене, а в 1926 году переехал в Париж, где поступил в Академию де ла Гранд Шомье, в класс Фернана Леже. Элмиру очень хотелось стать большим художником, но... Пару раз ему удалось показать свои работы публике (в 1926 году один его пейзаж приняли на Осенний салон, а потом маленькая лондонская галерея выставила несколько его портретов). Элмир был уверен, что он — гений, однако никто почему-то не стремился покупать его творения. Зарабатывать искусством у юного Хоффманна не получалось, а тут еще Великая депрессия и общий упадок экономики. Но приходилось как-то выжи-

вать, и последние исследования его невероятной биографии обнаружили, что у Элмира в те непростые времена возникали неприятности с полицией — он был несколько раз арестован и оштрафован за мелкие преступления типа краж в магазинах.

Следующие подробности его истории известны из его собственных рассказов, а потому, что тут правда, а что опять сочиненные им легенды, — никто не знает...

Итак, перед самым началом Второй мировой войны Хоффманн, амбициозный, внешне весьма привлекательный и обходительный молодой человек, решил вернуться на родину. Вскоре после приезда в Будапешт он познакомился и близко подружился с неким англичанином, журналистом и, по всей видимости, британским шпионом. Эта дружба привела к тому, что Элмира посадили в тюрьму за политическую деятельность в Карпатах. В тюрьме он не забывал об искусстве и благодаря своему мастерству даже подружился с тюремным офицером — тому очень понравился портрет, который написал художник. Вскоре его выпустили на свободу, но не прошло и года, как он снова оказался в застенках, теперь это был немецкий концлагерь, куда Хоффманн попал за свое еврейское происхождение (несмотря на то, что, по некоторым сведениям, в свое время принял христианство и был кальвинистом) и за склонность к гомосексуализму. В лагере его несколько раз жестоко избивали, и после

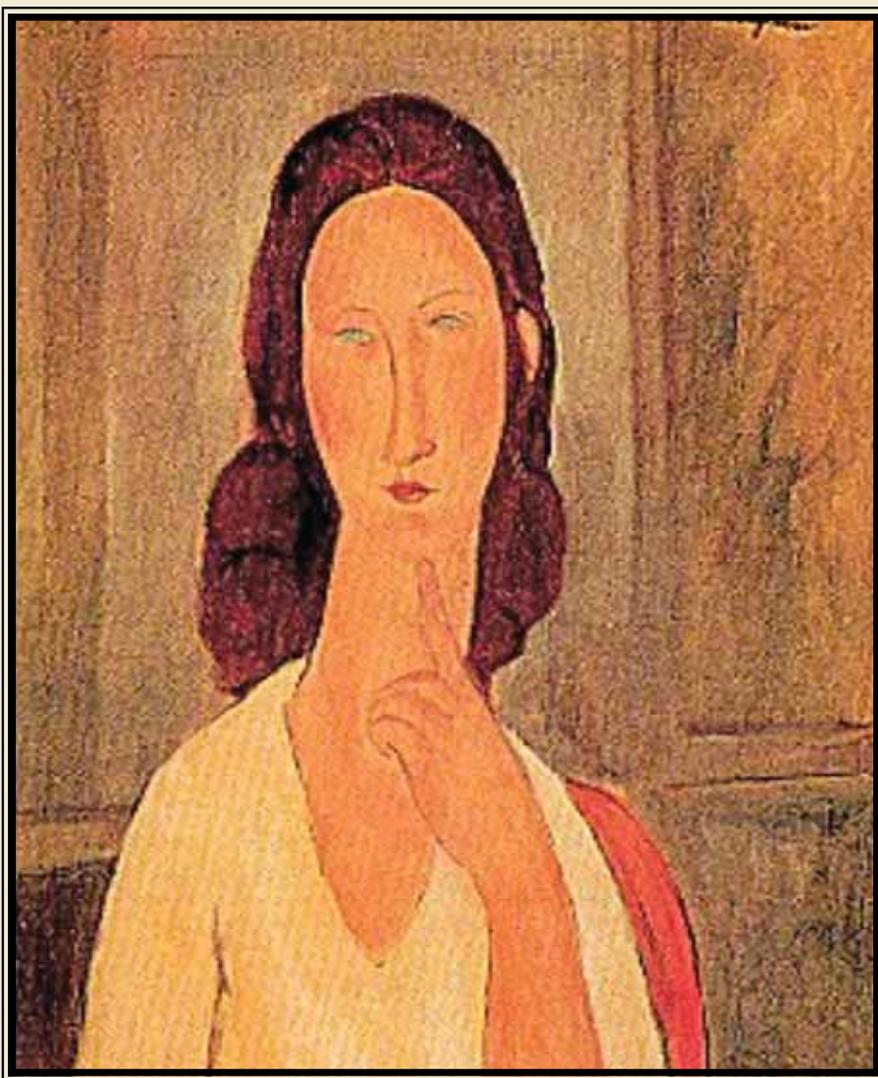
Работа Элмира де Хори в стиле Ван Гога

одного такого случая Элмира перевели в берлинский госпиталь, откуда ему удалось бежать. Вернувшись в Венгрию, он узнал, что его родители убиты, а все их имущество разграблено. (По другим сведениям, его родители и брат чудом пережили Холокост).

После войны Хоффманн снова приехал в Париж. Он снял маленькую квартирку, устроил себе мастерскую и стал работать. Он мечтал о славе, о хороших гонорарах, но у него ничего не получалось. Его работы были по-прежнему никому не нужны и не интересны.

Но наступил день, который перевернул всю его жизнь. Однажды — это случилось в 1946 году — в его мастерскую забрела некая пожилая англичанка. Увидев один из его рисунков, очень похожий по манере на Пикассо, она воскликнула: «Да это же Пикассо!» Почтенная дама тут же купила рисунок за 40 полновесных английских фунтов стерлингов. А вскоре, как узнал художник, она перепродала своего «пикассо» в три раза дороже.

И вот тогда Хоффманн понял, что у него есть будущее! Во-первых, теперь он стал называть себя Элми-

*В стиле
Амадео
Модильяни*

ром де Хори, сыном венгерских аристократов, и картины, которые он показывал дилерам и другой публике, были, мол, из семейной коллекции Хори. «О, они чудом сохранились!» Ну а, кроме того, были и картины, которые он получил в дар от своих друзей художников еще в довоенном Париже, где ему довелось прожить несколько чудесных лет. Через какое-то время его «пикассо» появились почти во всех галереях французской столицы.

В том же году Хори познакомился с Жаком Шамберленом, который

стал его арт-дилером. Шамберлен был под стать своему партнеру. Вскоре они уже путешествовали по Европе, продавая фальшивки, изготовленные Хори. Дела у парочки шли отлично, пока Хори не обнаружил, что львиная доля заработка оседает в карманах Шамберлена. Порвав с ним все отношения, Хори решил вести свои дела сам. После успешных сделок в Швеции он теперь отправился покорять Новый свет.

Первым пунктом в его планах был Рио-де-Жанейро. Шел 1947 год. Хори все-таки очень хотелось, чтобы

люди узнали и оценили его собственный талант, чтобы покупали картины, подписанные его собственным именем. Он продал в Рио несколько своих пейзажей, натюрмортов и портретов, но вырученные суммы не шли ни в какое сравнение с теми, что он получал за фальшивки, а Элмир уже привык к большим деньгам, к роскоши и комфорту, которые они ему давали, и он решил перебраться в США. Поначалу его виза была выдана всего на три месяца, но Хори задержался в Америке на 12 лет. Здесь он начал производить подделки под самых разных художников. Картины расходились как пирожки. В середине 1950-х годов одного его «матисса» купил музей Гарвардского университета. А чуть позже Хори предложил публике рисунки «модильяни» и «ренуара». И вот тут искусствоведы увидели некоторое родство стилей этих картин. Кое-кто отказался покупать у него картины, но он не унывал — выступал под новыми псевдонимами, стараясь общаться с клиентами по почте.

Однако он уже попал под подозрение полиции, у него начались неприятности. И тогда Элмир решил уехать от греха подальше — в Мехико. Но и там у полиции к нему были вопросы (его обвиняли в причастности к убийству некоего англичанина, которого, как клялся Хори, он никогда в глаза не видел). Его арестовали, но вскоре все же выпустили. Хори рассказывал, что подкупил охранника, подарив ему одну из своих подделок.

Подавленный, в глубочайшей депрессии, Элмир вернулся в США. Он снова попытался зарабатывать на жизнь собственными творениями, и опять у него ничего не получалось. Он устроился в Лос-Анджелесе, снял дешевую квартирку, работал, занимаясь дизайном квартир, но потом переехал в Вашингтон — обесщеченный, подавленный. Порой ему даже не хотелось жить, и однажды, в такую минуту отчаяния, он попытался отравиться — принял большую дозу снотворного. Но и тут вмешался случай — к нему зашел его друг и сразу вызвал «Скорую помощь». Хори был спасен.

А потом в его жизни появился Фернан Легро. Он познакомился с этим 27-летним арт-дилером в 1958 году. Легро родился в Египте, мечтал стать танцовщиком. В Париже женился на американке — чтобы получить американское гражданство. Вообще-то женщинами он не интересовался — ему всегда больше нравились молодые мужчины. На первый взгляд он был почтенным отцом семейства, но это не мешало ему развлекаться в обществе юных красавцев. У Легро была борода, как у хиппи, он любил украшения, черные очки, меха и сапоги из крокодиловой кожи. Он был очень экстравагантен, этот завсегдатай вечеринок, которые устраивались самыми богатыми и знаменитыми светскими звездами, и был полон жизни и честолюбивых замыслов. А еще он очень любил

Справа:
*Работа в стиле
Моне*

*Элмир
де Хори
за работой*

деньги и смог уговорить Хори снова начать производить фальшивки.

Парочка авантюристов, которых сплотило общее дело, отправилась в путешествие. Хори должен был творить, а Легро — находить богатых клиентов и сбывать фальшивки. Легро нашел остроумный способ получать экспертные заключения о подлинности «шедевров» — при таможенном осмотре он показывал картины и искренне говорил, что это копии полотен тех или иных известных художников. Однако уровень работ был столь высок, что таможенники не верили, что перед их глазами — копии, отдавали картины на экспертизу, и почтенные экспер-

ты, искусствоведы из крупнейших музеев, часто давали заключение: «Подлинники», что и было нужно мошенникам. Они изображали удивление, платили таможенный налог, а потом продавали фальшивки, официально признанные подлинниками, за огромные деньги.

Все шло неплохо, только вот порой Легро вызывал у Хори отвращение. Уж очень он был алчен — поначалу требовал за свои труды 40 процентов, а потом и вовсе 50! Кроме того, он изменил Хори — в одну из поездок встретил канадца французского происхождения Реала Лессара, который стал его любовником и тоже иногда рисо-

вал фальшивки. Хори надоело быть третьим лишним и кормить этих негодяев. Он переехал на Ибицу, где Легро купил ему дом, и зажил как настоящий аристократ — ведь он же барон де Хори! И хотя он расстался с Легро и Лессаром, однако мастер фальшивок все-таки позволял бывшим партнерам время от времени продавать своих «матиссов», «пикассо» и другие «шедевры». Легро в это время даже удалось найти идеального клиента — им стал техасский магнат Элгер Хертл Медоуз, который купил 56 картин.

В 1964 году Хори исполнилось 58 лет. К этому времени он уже устал от своей двойной, фальшивой жизни. Ему это перестало быть интересным — копировать манеру великих, с которыми он так и не смог встать рядом. Неудивительно, что качество его фальшивок заметно упало. Нашлись галереи, специалисты которых заявили о своих подозрениях в подлинности проданных

им картин. Они обратились в Интерпол, и вскоре следователи начали свое расследование. На всякий случай Легро отправил Хори в Австралию, но это его не спасло.

В мире поднялась настоящая паника — оказалось, что галереи наводнены подделками! Правда, мало кому хотелось признаваться в том, что их обвели вокруг пальца, потому далеко не все картины были признаны фальшивками, но многие «творения» Хори все-таки были объявлены таковыми. Несомненно, дело испортила жадность мошенников: они понимали, что живопись стоит больше, чем графика, а потому решили, что Хори хорошо бы начать подделывать большие живописные полотна. Рассказывают, что на одном из вернисажей Марк Шагал увидел картину, которую якобы написал он, но не узнал в ней свою работу... Художник, по понятным причинам, был взбешен. А потом громкий скандал поднял и Ме-

доуз, обнаруживший, что все купленные им «шедевры» — фальшивки! Взбешенный техасец требовал арестовать Легро. Тот бежал на Ибицу, в дом Хори, но полиция настигла его и арестовала — вместе с Лессаром его посадили в тюрьму.

В августе 1968 года состоялся суд в Испании, правда, он смог обвинить Хори лишь в мужеложестве — никаких явных доказательств его участия в преступной деятельности Легро и Лессара не нашли. (Кстати сказать, художник сам никогда не объявлял свои подделки подлинниками, никогда не подписывал их именами художников, которым якобы принадлежали эти работы. «Я не имитирую и не копирую, я интерпретирую», — говорил он. А многие специалисты до сих пор считают, что творения Хори не хуже тех, кого он «интерпретировал».) Его приговорили лишь к двум месяцам тюрьмы.

В октябре 1968 года Хори вышел на свободу. Он жил в Торремалиносе, маленьком городке на берегу моря, а спустя год вернулся к себе на Ибицу. Теперь он стал настоящей знаменитостью — о нем писали газеты, журналы, даже вышла книга Клиффорда Ирвинга, автора первой биографии Хори. Книга так и называлась: «Фальшивка! История Элмира де Хори, величайшего фальшивщика современности». Хори также часто выступал с интервью на разных телевизионных каналах, а в 1973 году американский актер и режиссер Орсон Уэллс снял фильм

о нем. В фильме «мастер фейка» на глазах у зрителей рисовал «рисунок Модильяни» и спрашивал: «Вы видели когда-нибудь такого хорошего Модильяни? Если бы я вам не сказал, чья это работа, вы бы сами догадались?» «У Матисса никогда не было такой чистой линии, как у меня, — любил говорить Элмир. — Я вынужден сдерживать себя, чтобы больше походить на него!» — рассказывал охранник и компаньон Хори Марк Форги.

В начале 1970-х годов Элмир снова попытался получить признание в мире искусства как Хори, а не как, к примеру, Пикассо — уже на волне новой славы, обрушившейся на него. Но в это время он узнал, что Франция добивается его экстрадиции, чтобы судить за подделки и фальшивки. Неужели остаток жизни он должен провести в тюрьме? Эта перспектива его просто ужасала. 11 декабря 1976 года Марк Форги сообщил Хори, что власти Франции все-таки добились своего — Испания собиралась его выдать. Вскоре после этого Хори принял большую дозу снотворного и попросил Форги не мешать ему уйти из жизни. Тот все же обратился в местный госпиталь за помощью, но Хори уже ничто не могло помочь — он умер на руках своего преданного друга.

Ходили слухи, что Хори, этот любитель спектаклей и обманов, инсценировал свою смерть, а сам прячется где-то на островах Средиземного моря — в частотности, в такой версии был уверен Клиф-

*Работа
Элмира
де Хори
в стиле
Пикассо*

форд Ирвинг, но Форги утверждал, что это — полное вранье, и Хори покоится в земле Ибицы.

(А «злой демон» Хори Легро был приговорен к двум годам тюрьмы. Отсидев свой срок, он вышел на свободу, однако наслаждаться ею пришлось недолго — в апреле 1983 года он умер от рака горла. Его друг и партнер по преступному бизнесу Реал Лессар уехал в Марокко, по-дальше от репортеров, и там, в ти-

шине и покое, начал писать мемуары — ему было что вспомнить...)

Марк Джонс, искусствовед из Британского музея, говоря о Хори, однажды сказал: «Несчастье фальшивок в том, что их рассматривают как нечто, чем они не являются, вместо того чтобы ценить их за то, что они есть на самом деле». Хори, этот гений подделки, наверняка бы с ним согласился. Так или иначе, его имя осталось в истории культуры XX века... □

Игорь Неведров:

«Любовь –
ключ ко всему!»

Игорь Неведров — молодой и очень одаренный артист и режиссер, ведущий актер Театра Романа Виктюка. Он обладает настолько редким актерским даром, что Вера Глаголева, увидев его игру в театре, назвала Игоря «гениальным».

— Игорь, что нового происходит сегодня в вашей творческой жизни?

— В Театре Романа Виктюка мы репетируем спектакль «Мандельштам» по пьесе американского драматурга Дона Нигро.

Осип Эмильевич Мандельштам — поэт эпохи Серебряного века, переводчик, эссеист, литературный критик, гражданин. По мнению Анны Ахматовой, у Мандельштама нет

нежностью. Эта постановка меня захватила всецело, и очень хотелось бы, чтобы спектакль понравился зрителям...

— В пьесе пять персонажей: Мандельштам, Сталин, Пастернак, жена Мандельштама и жена Пастернака. Вы играете Осипа Мандельштама?

— Да, и это большая для меня ответственность. Мандельштам — тре-

Несмотря на молодой возраст, им уже сыграно более пятидесяти ролей в театре и в кино. Зрители знают его по фильмам «Обреченная стать звездой», «Охламон», «Грехи отцов», «Я тебя никому не отдам», «Ловушка» и другим. В любимом же театре он занят в спектаклях «Сергей и Айседора», «Крылья из пепла», «Ромео и Джульетта», «Экзюпери. Навстречу звездам», «Несравненная», «В начале и в конце времен». А как режиссер поставил спектакли «Венецианка» и «Маленькие трагедии».

учителей, он поэт от Бога: «Кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама?» Он не принял советскую власть, его творчество было под запретом, а жизнь его трагически оборвалась в сталинском лагере под Владивостоком.

Впервые я на каждой репетиции лью слезы, и не потому, что заставляю персонажа плакать, нет, мне очень жаль этих людей — героев пьесы. Я проникся к ним теплотой,

тий поэт, которого я играю в Театре Романа Виктюка: Иван Бездомный — «Мастер и Маргарита», Сергей Есенин — «Сергей и Айседора». Все поэты, и все совершенно разные! Сыграть Мандельштама для меня — новый творческий шаг. На репетициях с Романом Григорьевичем мы, артисты,

открываем неизвестные грани этой темы.

— В 2016 году, в Калининграде, на международном конкурсе драматургов, эта пьеса, в переводе Виктора Вебера, названа лучшей в одной из номинаций конкурса «Историческая драма». Можно сказать, что «открыл» Дона Нигро для российского театра переводчик Виктор Вебер, год назад Олег Меньшиков поставил «Дона Джованни», а в Петрозаводске состоялась премьера спектакля — «Горгоны». Нигро — мастер современности, чьи пьесы более сорока лет идут на лучших театральных площадках мира ...

— Удивительно, что сам автор никогда не был в России, но хорошо знает историю, чувствует боль того

времени и точно описывает события. Мне очень нравится пьеса.

— Игорь, вы актер театра и кино, и режиссер! С большим успехом идет в вашей постановке спектакль «Венецианка»... Вы когда-нибудь мечтали стать режиссером?

— Никогда не думал, что смогу быть режиссером. Актерская и режиссерская профессии совершенно разные, но для меня при этом они дополняют друг друга. Когда ты артист, ты не можешь воспарить над ситуацией, оценить всю красоту происходящего процесса. Режиссер — это взгляд со стороны. Это создание пространства, рождение мира и воздуха внутри этого мира, создание пластических форм. Актер и режиссер — это как создание и творец.

Мне нравится утверждение, что режиссура — всегда дополнение к чему-то, возьмите любого состоявшегося режиссера, и узнаете, что он уже в чем-то преуспел до занятия режиссурой. Кто-то был математиком, кто-то физиком, кто-то артистом, как, например, Юрий Петрович Любимов.

Владение профессией актера — это большое подспорье. Я всегда могу понять артистов, помочь им.

Один знакомый, очень близкий к театру, как-то мне сказал, что «актер — это человек, который говорит не свои слова, не своим голосом»! Как вы можете уже понять, он никогда не был, что называется, в актерской шкуре. Для меня Актер — это не перевоплощение, а прежде всего — развоплощение, это умение услышать свою глубинную внутреннюю вибрацию.

— **У вас есть любимая роль?**

— В каждом спектакле мой персонаж должен ожить, у меня нет ни одной роли, к которой я подходил бы чисто технически, мол, ну, надо на сцену сегодня выйти, и все — для меня это невозможно, каждый герой, которого я играю, тревожит меня внутренне.

— **Я помню, как три года назад вы играли спектакли с лангетой на руке, видела вас в «Короле-Арлекине»... А это спектакль сложнейший физически — с ходулями, с цирковой лентой, вам нужно было делать кульбиты! У меня, глядя на вас, замирало сердце!**

— Весь июльский марафон в театре я сыграл тогда со сломанной правой рукой, всецело отдаваясь

*«Мастер
и Маргарита»*

роли, не задумываясь ни на секунду о том, что могло бы вдруг произойти... Когда ты понимаешь и знаешь, «про что» ты играешь, то это пресловутое «как» отпадает. Ну, прошло же все хорошо?

— Прекрасно! Удивлялась, как легко и волшебно!

— И я удивлялся. Видите, как велика сила Творчества! А если бы фальшивил на сцене, то не справился бы. У актера должно быть два главных качества: смирение и жертвенность, то есть самоотверженность. Актер — это жрец, и чтобы стать актером, нужно идти по пути самоограничения.

— Впервые я увидела вас в спектакле «Доктор Живаго», это было, наверное, лет один-

надцать назад, в Театре на Таганке ...

— Больше! Это была одна из моих первых ролей, я учился на первом курсе ГИТИСа, мастерская Юрия Петровича Любимова. Играл студента с окровавленной головой... Главную роль исполнял Валерий Сергеевич Золотухин. С ним связаны особые воспоминания! Самый мой первый спектакль, в который я ввелся на первом курсе института, это был «Добрый человек из Сезуана», в главной роли тогда выступал Золотухин... Я выходил с ним на одну сцену! Это было очень волнующе. Видел, как он работает, это дорогого стоит...

Затем репетировали в Театре на Таганке спектакль в постановке Юрия Петровича Любимова «До и после», посвященный поэтам Серебряного века, Золотухин играл Брод-

ского, Соллогуба, а у меня были маленькие эпизоды и массовка...

В перерыве репетиции Валерий Сергеевич вдруг окликнул меня: «Игорь! Иди сюда!» Я был очень удивлен — неужели сам Золотухин знает мое имя?!

Валерий Сергеевич тогда сказал очень важные слова, окрылившие меня: «Я хочу тебе сказать, потому что это важно говорить молодым актерам, у тебя есть все, чтобы стать прекрасным артистом. Смотри, не растеряй свой дар!»

Мнение и совет артиста такой величины — бесценны. Золотухин благословил меня в профессии.

— Вы сейчас снимаетесь в сериалах, в кино?

— Много снимался, с 2005 года скакал с площадки на площадку, сыграл несколько главных ролей... Потом понял, что это не то, чем я должен заниматься, кино и сериалы — это не то, на чем можно расти. Я остро начал ощущать потребность внутреннего духовного роста, а это возможно только в театре, и я счастлив, что пришел в театр Романа Виктюка. Да, есть много хороших режиссеров, но сравнивать с Виктюком — неуместно. Виктюк — это Космос.

— Недавно в Ярославле, в старинном волковском театре, и в Москве с успехом прошла премьера спектакля «Маленькие трагедии» в вашей постановке. Почему вы обратились к творчеству Пушкина?

— Это как прикосновение к морю, тебе кажется, что ты заплыл далеко, но по сравнению с морскими широтами и глубинами ты еще и в воду не вошел! Такие же ощущения, когда соприкасаешься с творчеством Пушкина.

— Игорь, а как вы проводите свободное время, и есть ли оно у вас вообще?

— В свободное от актерства время занимаюсь режиссурой и наоборот. Мое хобби и работа совпадают! Я питаюсь тем, чем занимаюсь, и поэтому счастлив. Сейчас снимаю короткометражный фильм о подростках. Проблемы современных детей, подростков — тема очень серьезная и важная, в раннем возрасте люди особенно ранимы, чувствительны, ищут поддержки и понимания, защиты со стороны взрослых.

— Вы много гастролируете с театром?

— В разных странах побывал, во многих городах с Театром Виктюка, и у меня никогда не было мысли куда-нибудь уехать. Я абсолютно гармонично чувствую себя в Москве.

— Что пожелаете читателям «Смены»?

— Непостижимого, необъяснимого... Если открыться для этого, то все, чем занимаешься, что имеешь, обретает смысл. Любовь — это ключ ко всему! Желаю всем Любви! □

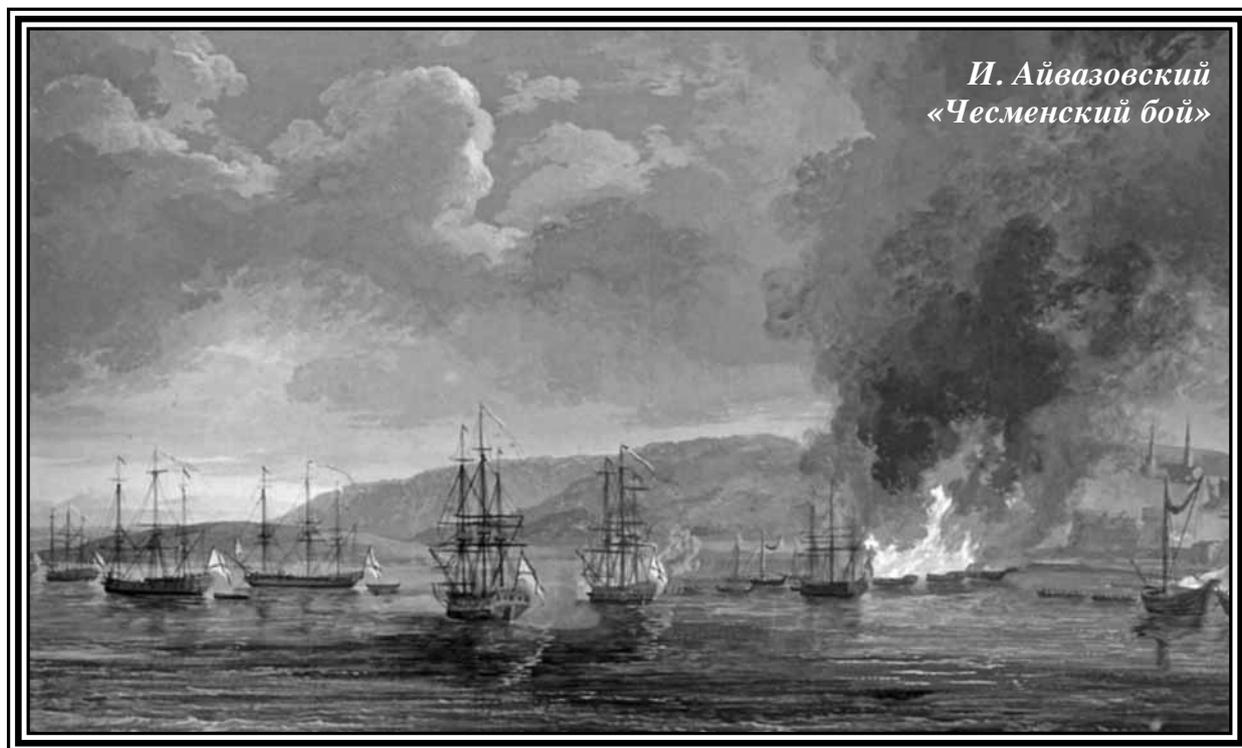
Беседовала **Елена Воробьева**

Дмитрий Зелов

Память о Чесме

*Гордиться славою предков не только
можно, но и должно...*

А.С. Пушкин

*И. Айвазовский
«Чесменский бой»*

**«Гром победы,
раздавайся!»**

Вторая половина восемнадцатого столетия прошла в России под знаком правления императрицы Екатерины Великой. В ходе двух войн

(1768–1774 и 1787–1791) с Блистательной Портой, тогдашней Османской империей, Россия значительно расширила свои территориальные пределы на южных рубежах, включив в свои владения Северное Причерноморье и Крым. Когда славные боевые подвиги российской ар-

мии и флота остались позади, победные залпы корабельных и полевых орудий были увековечены в названиях дворянских усадеб, хозяева которых имели самое непосредственное отношение к одержанным Россией победам.

На карте появились причудливые и непривычные для русского слуха названия подмосковных усадеб: Кагул и Троицкое-Кайнарджи, названные в честь побед русской армии при реке Кагул 1770 года и в честь

тельнице была увековечена память знаменитого Чесменского морского сражения, в ходе которого османский флот был фактически уничтожен российскими моряками. День Чесменской виктории уже в наши дни стал одним из дней воинской славы России.

Эта блестящая победа не только дала России возможность господства в Эгейском море с блокадой Дарданелл, но во многом предрешила исход войны в пользу северной

Медаль «В память сожжения при Чесме турецкого флота»

заклучения четыре года спустя мира в местечке Кучук-Кайнарджи по окончании первой из екатерининских войн с турками.

А в окрестностях стольного града Санкт-Петербурга появилось аналогичное, необычное турецкое название — Чесма. Так в державе-победи-

империи. Главный же герой сражения, по тогдашней традиции, получил к своей фамилии почетный титул Чесменский, став отныне именоваться Орловым-Чесменским. Память об эпохальном сражении, выигранном екатерининским фаворитом, была увековечена в загородной резиден-

ции императрицы — Царском Селе. В центре Большого пруда, являвшегося в свою очередь композиционным центром Екатерининского парка, по указанию императрицы в 1778 году была воздвигнута 25-метровая Чесменская рostrальная колонна, автором которой стал модный тогда итальянский архитектор Антонио Ринальди. В Петербурге и его окрестностях сохранилось немало великолепных сооружений, созданных талантливым зодчим: Мраморный дворец в невской столице, комплекс дворцово-парковых сооружений в Ораниенбауме, Гатчине, Царском Селе и другие.

Стоит отметить, что неровная, изрезанная береговая линия Большого пруда в Царском Селе была сооружена неспроста: таким образом, для посетителей усадьбы давалась под-

сказка, отсылавшая их к такому же неровному контуру Эгейского моря, в котором и произошло победное сражение. Для придания большего сходства с оригиналом поблизости от Чесменской колонны соорудили два искусственных острова, словно напоминавшие о многочисленных островах Эгейского моря.

Другой Чесменский обелиск был воздвигнут чуть раньше, в 1775 году, в парке Гатчинского дворца, владельцем которого с 1765 по 1783 годы был фаворит императрицы Григорий Григорьевич Орлов. Автором монумента, который считается старейшим парковым сооружением Гатчины, выступил все тот же Антонио Ринальди. Как и в Царском Селе, место для установки памятного монумента в Гатчине выбрали неспроста: обелиск был воздвигнут

на оконечности мыса, глубоко вдающегося в Белое озеро. Мыс образует бухту, которая должна была ассоциироваться у посетителей гатчинской резиденции с Чесменской бухтой Эгейского моря, где русскими моряками была одержана триумфальная победа.

Через год после морской баталии популярному в то время немецкому художнику Якобу Филиппу Гаккерту государыней-императрицей было заказано двенадцать картин на тему Чесменской победы. Эта серия полотен стала неотъемлемой частью архитектурно-декоративного оформления бывшего аванзала, завершавшего северную анфиладу Петергофского дворца. В честь победы русского оружия зал получил название Чесменского. Вслед за Екатериной

Великой ее фаворит Григорий Орлов заказал тому же Гаккерту для своего Гатчинского дворца три картины на тему Чесменского боя. По легенде, дабы живописец мог столь возможно полно изучить обстоятельства сражения и изобразить жаркую баталию боя с максимальной достоверностью, по приказанию всесильного сподвижника русской царицы перед глазами изумленного иностранца даже взорвали настоящий корабль.

Реконструкция Чесменского зала Петергофа была поручена архитектору Юрию Матвеевичу Фельтену, стоявшему у истоков русского классицизма. Именно благодаря ему тогдашняя российская столица приобрела

*Чесменская
ростральная колонна
в Екатерининском парке
Царского Села*

*Граф Алексей Григорьевич
Орлов-Чесменский*

целый ряд ставших знаковыми для Петербурга сооружений: Старый Эрмитаж, решетка Летнего сада, Воспитательный дом, благоустройство Сенатской площади с воздвижением на ней знаменитого Громкамня (на котором скульптор Этьен Морис Фальконе поместил Медного всадника), а также целый ряд других построек.

Чесменский (Кекерекексиненский) дворец и церковь

В 1774–1777 годах на седьмой версте по дороге, идущей из столярного

Санкт-Петербурга к Царскому Селу, в болотистой местности, носившей финское название Кекерекексинен, что означало на языке суоми «лягушачье болото», зодчий Фельтен выстроил для матушки-Екатерины увеселительный дворец в псевдоготическом стиле. Его внешний вид был данью тогдашней моде: в Европе всюду увлекались ставшим популярным Средневековьем. В центральном зале дворца была установлена портретная галерея из 58 скульптур работы Федора Шубина — от Рюрика «до наших дней», то бишь, до «дщери Петровой» Елизаветы, благодаря которой Ангальт-Цербстская принцесса София Августа Фредерика и попала когда-то в пределы России, чтобы стать здесь со временем императрицей. В том же зале и в десяти прилегающих к нему комнатах разместилась и живописная коллекция портретов, запечатлевших царствующих на тот период европейских монархов и членов их семей, включая, конечно же, и саму государыню Екатерину II.

В 1777 году правительница России лично присутствовала на закладке рядом с дворцом церкви в честь Рождества св. Иоанна Предтечи, которая была завершена тем же Фельтеном через три года. Выбор церковному имени для храма также не был случаен: Чесменская виктория пришлась на день рождения проповедника, предсказавшего пришествие Мессии. Здание храма, выполненное в том же стиле, что и дво-

рец, получилось очень необычным: изящная, бело-красная церковь словно парит в воздухе, чем-то напоминая собой российский корабль. Стоит отметить, что если на торжестве закладки храма вместе с Екатериной Великой присутствовал король Швеции Густав III, то на церемонии освящения — император Священной Римской империи Иосиф II. Российская императрица таким образом напоминала европейским монархам о силе и мощи русского оружия.

Первые годы после постройки дворец называли трудно выговариваемым финским словом «Кекерексинен» по названию местности, в которой он располагался. Но в 1780-м году, в 10-ю годовщину Чесменского сражения, местность была переименована, и дворец, составив-

ший вместе с церковью единый архитектурный комплекс, стал называться так, как мы его называем и ныне — Чесменским. До конца своего правления Екатерина II неоднократно посещала полюбившиеся ей как дворец, так и церковь, где для нее было устроено даже царское место.

После смерти в 1796 году Екатерины II судьба дворца стала клониться к упадку. Ее внук, император Николай I, решил сделать из него богадельню для героев Отечественной войны 1812 года: в 1831–1836 годах к зданию были пристроены флигели, сильно искажившие первоначальный замысел архитектора Фельтена. Шубинские мраморные бюсты еще до начала перестройки дворца были отданы на хранение в московскую Оружейную палату.

*Чесменская
церковь*

В XX столетии местность вокруг бывшего Чесменского дворца вошла в состав города, и он стал частью Ленинграда. Богадельню для увечных воинов большевистская власть закрыла вместе с храмом уже в 1919 году, разместив в бывших дворцовых покоях первый в советской России концлагерь. Затем, за десятилетие до начала Великой Отечественной войны, в бывшем Чесменском дворце был устроен автодорожный институт, преобразованный затем в Ленинградский институт авиаприборостроения. В дни блокады здание дворца и церкви очень сильно пострадали. Начавшаяся сразу же после победы реставрация, конечно, исправила положение в лучшую сторону: в итоге бывший Чесменский дворец стал местом пребыва-

ния Государственного университета аэрокосмического приборостроения, который располагается в нем и поныне.

Впрочем, надо признать, что Чесменской церкви, несмотря на перипетии драматичного XX века, повезло по сравнению с дворцом несравненно больше. Хотя серьезных утрат, конечно же, в свое время не удалось избежать и ей: в 1930 году в здании храма, бывшего на тот момент столярной мастерской расположенного по соседству автодорожного института, произошел сильный пожар, полностью уничтоживший все ее внутреннее убранство. Итогом многолетней кропотливой послевоенной реставрации храма Рождества св. Иоанна Предтечи стало открытие в нем в 1977 году

Военно-морского музея, посвященного Чесменской битве. В последнее десятилетие прошлого столетия храм был передан верующим, а незадолго до миллениума по сохранившимся в архивах чертежам было восстановлено и его внутренне убранство.

Чесма на карте России

В XIX веке топоним «Чесма» еще дважды появился на карте Российской империи. Каждый раз это было связано с волнообразными всплесками интереса россиян к собственной истории. В 1842–1843 годах так было названо одно из сел Новолинейного района Оренбургской губернии. Любопытно, что соседями села Чесма стали села с менее экзотичными для российской глубинки названиями: Париж, Берлин, Лейпциг, Варна, Фершапненуаз и ряд других (практически все они сохранили свои исконные имена до наших дней). Дело в том, что в те годы по повелению российского императора Николая I эта окраинная на тот момент территория только заселялась оседлыми русскими жителями, а серия звучных названий была дана в честь славных побед русского оружия XVIII–XIX веков.

В 1876 году на северо-восточной оконечности Российской империи, в Анадырском заливе Берингова моря, появился мыс Чесма, названный

открывшей его экспедицией с клипера «Всадник» под командованием Андрея Павловича Новосильского.

На этой, в общем-то, оптимистичной ноте можно было бы и завершить наш рассказ, но остался еще один интересный факт, связанный с Чесменским дворцом, который нельзя обойти вниманием. Именно для него Екатериной Великой в свое время был заказан в Англии уникальный, не имеющий аналогов в мире фарфоровый «сервиз с зеленой лягушкой».

История сервиза с зеленой лягушкой

Такое название сервиз получил из-за зеленой лягушки, которая изображалась в гербовом щитке на каждом из предметов чесменского сервиза. Так элегантно было обыграно финское название местности Кекерексинен, на которой для Екатерины II был построен загородный дворцовый комплекс. Императрица заказала сервиз в 1773 году в Великобритании через русского консула Александра Бакстера у Джозайи Веджвуда, основателя одноименной фирмы. Для знаменитого художника-керамиста это был самый необычный и сложный заказ из всех, с которыми ему приходилось иметь дело. Но, к чести мастера, надо признать, что он блестяще справился с царственным заказом.

В итоге на Британских островах в коричнево-оливковой гамме для хозяйки России был исполнен сервиз на 50 персон: обеденная часть включала в себя 680 предметов и украшалась бордюром из дубовых веток, а десертная состояла из 264 предметов с бордюром из ветвей плюща. Следует отметить, что модели некоторых изделий — компотьеров, мисочек для крема, морожениц — были созданы Веджвудом специально для «сервиза с зеленой лягушкой».

На каждом из предметов сервиза было помещено одно-два изображения какого-либо старинного британского замка или аббатства, парка, особняка или просто красивого пейзажного ландшафта. Значительная часть из пейзажных или архитектурных видов представляла собой готические сооружения или руины, мода на которые тогда была повсеместно в Старом Свете. Так что для первого в России неоготического Чесменского дворца выполненный в Англии под готику сервиз пришелся как нельзя более кстати.

Всего получилось 1222 изображения «старой, доброй Англии», Шотландии и Уэльса, причем ни одно из них на других предметах более не повторялось. Стоит отметить, что целого ряда из изображенных на «сервизе с зеленой лягушкой» британских зданий уже давно не существует, ландшафты вокруг многих других давным-давно кардинально преобразились, так что сервиз помимо огромной художественной, представляет собой и весьма значительную историко-архитектурную ценность.

Сервиз был настолько великолепен, что перед отправкой в Россию Веджвуд выставил его в британской столице, дабы публика смогла полюбоваться на сие чудо. И действительно, от желающих лицезреть коллекцию царского фарфора для Семирамиды Севера (как называли в то время Екатерину II), не было отбоя.

После превращения в первой трети XIX столетия Чесменского дворца в богадельню, сервиз перевезли в Английский дворец Петер-

*Предметы
сервиза*

гофа, а из него в начале прошлого столетия — в Зимний дворец. До наших дней в полном объеме сервиз не дошел, однако его большая часть все-таки сохранилась: так, из первоначальных 944 составлявших его предметов, ныне осталось в наличии 770.

В завершение стоит сказать, что вот уже более века (с 1910 года) «сервиз с зеленой лягушкой» хранится в Эрмитаже, а в 2012 году небольшая часть предметов из его состава экспонировалась на организованной главным питерским музеем специализированной выстав-

ке «Сентиментальное путешествие. Веджвуд в России». В начале же нынешнего года в целях популяризации знаний о прошлом нашего Отечества для всех ценителей прекрасного в стенах бывшего императорского Зимнего дворца состоялся цикл лекций, специально посвященных истории подлинной жемчужины эрмитажного собрания — екатерининского «сервиза с зеленой лягушкой». И если вы побываете в Санкт-Петербурге и посетите Эрмитаж, то сможете любоваться этим поистине шедевром керамического искусства. □

— Ур-р-а! Мне тетя Оля обезьянку везет! — закричала я, положив телефонную трубку, и запрыгала от радости, размахивая руками и ногами.

— Здоровая деваха, студентка, а ведешь себя, как маленькая! — засмеялась мама.

— Я с детства мечтала иметь обезьянку! Помнишь, когда еще тетя Оля Кузю из Вьетнама привезла? Она его быстро куда-то дела, а мне так хотелось с ним поиграть!

— Тебе тогда восемь лет было, а сейчас семнадцать!

— Все равно хочу! И тетушка моя любимая не забыла о мечте племянницы! Как я ее за это люблю!

В аэропорту, пока мы ждали багаж из Бомбея, я искала глазами клетку с обезьянкой. Но ее не было. После поцелуев и объятий с тетушкой и дядюшкой я спросила у них, где же обезьянка, на что они оба, загадочно улыбаясь, ответили, что отдадут мне ее в такси.

Когда машина с шашечками вывернула на Ленинградское шоссе, тетя Оля вытащила из сумки небольшое полотенце и протянула мне:

— Ну, девушка, бери! Но учти, что грязнее и хитрее этого животного, по-моему, на свете нет. Это хуже, чем с маленьким ребенком. Ребенок хоть лежит, а эта бегаёт. И от страха у нее медвежья болезнь и недержание постоянно. Убирать за ней — тебе! — С этими словами она расстегну-

ла пуговики на блузке, и я увидела ее мощный бюст, обтянутый плотным бюстгалтером, а в его складке торчала серенькая мордочка с круглыми карими моргающими глазами и сморщенными щечками, покрытыми редкими темными волосами. По сторонам торчали розовые прозрачные уши. — У нас перерыв между рейсами самолетов в Бомбее был около шести часов. Так мы пошли на базар посмотреть. И там к нам один пацаненок так пристал! «Манки, мадам, манки! Уан рупий!» А у меня заваялся рупий, девать мне его все равно было некуда, я и решила тебе подарок сделать. Она совсем маленькая. Ее только от мамки отняли.

Как только мартышка была извлечена из тепла, она отчаянно запищала. Причем, писк ее больше был похож на воробьиное чириканье. При этом из-под хвоста на полотенце обильно закапало что-то желто-коричневое. Увидев мою открытую шею, мартышка бросилась мне на грудь и вцепилась в горло малюсенькими розовыми ладошками с аккуратными коричневыми ноготками, довольно чувствительно царапая кожу. При этом она ртом пыталась то ли поцеловать меня, то ли укусить, но моя упругая кожа не поддавалась, и мартышка жалобно скулила. Я прижала этот серенький комочек к себе и накрыла полотенцем.

Дома нас с мамой встретила бабушка. Старенькая, она уже давно не выходила из дому, и только кое-что делала по квартире: то картошку почистит, то кашу сварит, то с пылесосом пройдет. А в остальное время тихо лежала в своей комнате на кушетке или смотрела телевизор. К нашему удивлению, она не испугалась, когда мартышка бросилась к ней на шею, а прикрыла ее ладонями и начала успокаивать.

Пока я снимала с себя мокрое и грязное платье, удивляясь, откуда в таком маленьком, с мой кулак, существе столько воды, в комнате раздался хохот брата. Оказывается, мартышка, обняв бабушку за шею, ртом схватила тонкую и дряблую кожу старушки и стала сосать ее, как материнский сосок. В итоге на бабушкиной шее появилось несколько багровых пятен, которые и вызвали такую бурную реакцию брата, уже ходящего в статусе жениха. Старенькая сморщенная бабушка с засосами на шее — это действительно смешно!

Назвали мы нашу мартышку Зитой. Так звали супругу бога Рама, дочь царя Джанаки из древне-индийского эпоса Рамаяна и Махабхарата. Правда, это имя там произносилось как «Сита», но, чтобы не путать с синонимом «решета» — «ситом», по-русски оно зазвучало со звонкой согласной.

Так началась наша жизнь с Зитой в квартире, которая с каждым днем все меньше походила на жилище интеллигентных людей, и все больше напоминала бомжатник.

С первого дня Зита определила, что ее мама — бабушка. Она с ее шеи спрыгивала только тогда, когда видела блюдце с молоком или манной кашей или струю воды из-под крана.

Пила она, смешно вытягивая губы в трубочку, как для поцелуя. А ела тоже очень комично. Подойдя к блюдцу с кашей, она двумя руками начинала быстро запихивать ее в рот, как будто у нее кто-то грозился отнять эту еду. При этом ее мешки за щеками растягивались до горла, как у хомяка. Как только впихивать кашу больше было некуда, Зита запрыгивала куда-нибудь повыше — на холодильник, на шкаф или на карниз, кулачками давила себе на щеки, каша попадала в рот, и она ее проглатывала. Наевшись, она снова спрыгивала на бабушку и, обхватив ее шею руками, засыпала, вздрагивая от каждого резкого звука — сигнала автомобиля за окном или телефонного звонка, — и бабушкина кофта мгновенно становилась мокрой. Или грязной.

Впрочем, реакция на громкие звуки у Зиты проявлялась не только тогда, когда она спала у бабушки на шее. Подрастая, она все чаще позволяла себе вылезать из бабушкиных футболок, которые заменили ее кофты. Особенно нравилось Зите сидеть на подоконнике и смотреть на улицу. Сначала она пугалась автомобилей, но постепенно перестала «бурно» реагировать на них. Блюдце с едой она тоже старалась перенести на подоконник в комнату, даже если его ставили в раковину на кухне. По дороге вся каша вываливалась на пол, поэтому я начала сразу ставить блюдце с кашей к окну. Эта «чистюля», как всегда, руками кашу запихивала в рот, потом выталкивала кулачками, чтобы съесть здесь же. А потом вытирала руки и мордочку о занавески или просто терлась грязными щеками об стекло. .

Занавески сняли и убрали, окна мыли ежедневно, бабушке закупили полтора десятка длинных мужских футболок и несколько пар пляжных тапочек. Больше ничего она носить не могла. Вечерами сначала мыли бабушку, потом Зиту.

Иногда, не сумев защитить мартышкины глаза от шампуня, я не удерживала скользкую, в мыле, и уже подростую обезьяну, и она с визгом вырывалась, вышибала дверь из ванной и бешено носилась по квартире, сбивая на своем пути статуэтки, вазочки, лампы, книги, тетрадки и тарелки с чашками, полные или пустые — все равно. Мыльная пена хлопьями слетала с нее, как хвост кометы, и успокаивалась она только тогда, когда глаза переставало щипать. Когда она где-то на секунду задерживалась, нужно было ухитриться и набросить на нее полотенце, чтобы снова отнести в ванную и спокойно домыть и вытереть.

С каждым днем Зита все меньше времени проводила у бабушки на груди и все больше в беготне по квартире. И если бы только в беготне!

Ей нравилось забраться на карниз от давно снятых занавесок, «сгруппироваться» и прыгнуть на люстру. Причем после одного разбитого о потолок плафона мы с мамой сняли все остальные, но это обезьянку ничуть не смутило. Она продолжала прыгать на люстру, издавая особенно резкие победные звуки, когда ей удавалось расколотить об потолок лампочку. Ну, нравился ей этот звук!

Остро встал вопрос о клетке. Клетку купили. Она скорее походила на шкаф. Закрытая с трех сторон фанерными стенками, четвертая стена, она же дверца, была затянута прочной сеткой. Внутри висела веревка с пластмассовым кольцом, а сбоку посередине находилась полочка, на которой Зита постоянно сидела. Внизу был выдвижной ящик, в который попадало все, что она сбрасывала сверху, со своей полки. Но сидеть в клетке ей не очень нравилось. Она постоянно удирала из нее, научившись, надавив на дверцу, расширять щель и, просунув палец, откидывать крючок.

Полотенцем, даже большим, ее было уже не поймать. Она ловко выворачивалась и, визжа и корча рожицу, запрыгивала на карниз. Но я нашла выход. Надела на нее поясок, к нему пристегнула длинный поводок и, когда она в очередной раз выбегала из клетки, давала ей побегать по квартире (все, что можно было побить, она уже побила), а потом наступала ногой на волочащийся поводок. Зита скалила зубы и «чирикала» сердито, но признавала себя побежденной и обиженно усаживалась на свою полку в клетке. Иногда она надевала на голову платок — шерстяную тряпку, которую бабушка каждый день меняла на чистую. При этом она упиралась пятками в сетку, выставив на обозрение все, что находилось на розовом животике и ниже, да так и сидела, обиженная на меня. Вид у нее был уморительный!

Но моя хитрость с ремешком работала недолго. Когда в очередной раз Зита удрала от меня, она вдруг остановилась и быстро-быстро, как матрос на палубе тянет канат, потянула на себя поводок. Свернув его кольцами, схватила ремешок в руку и радостно заверещала, сидя на карнизе.

Поскольку теперь уже началось состязание интеллектов, я не могла себе позволить быть побежденной. Напряглась и вспомнила, что основной недостаток, а может, и достоинство, у обезьян — это любопытство. Несмотря на то, что Зита заставляла себя ловить в самый неподходящий момент, именно тогда, когда я опаздывала в институт, я садилась в кресло и делала вид, что что-то очень внимательно рассматриваю, спрятав это в своих ладонях. Зите, естественно, очень хотелось узнать, что же такое находится у меня в руках. Она бегала вокруг меня кругами, все более сужая их, а я старалась не смотреть на нее, но держать руки так, чтобы она не видела кончиков моих пальцев. Наконец любопытство Зиты окончательно брало верх над бдительностью, и она, прыгнув ко мне на колени, совала голову

и руки в мои ладони. Вот тут-то я и хватала ее за локти, шлепала по красной блестящей попе и засовывала в клетку, из которой потом неслись вопли, очень похожие на матерную ругань.

Проверив, хорошо ли заперта клетка, я убежала в институт, и Зита с бабушкой оставались дома до самого вечера вдвоем.

Кормила и поила ее бабушка. Она терла ей морковь и яблоки, резала апельсинчики на небольшие куски и подолгу смотрела, как Зита их чистит и сосет сок. Бабушка приучила ее к калорийным булочкам, которые продавались у нас в булочной на первом этаже. Она даже стала сама за ними ходить. Зита любила выковыривать из них изюм и орехи. Остальное падало вниз.

Я догадывалась, что, когда мама и брат уходили на работу, а я в институт, бабушка выпускала Зиту погулять. После этих «прогулок» по стенам клочьями висели оторванные обои, в люстрах горело по одной лампочке. Все, что раньше составляло красоту и уют квартиры, было разбито и испорчено или убрано далеко в шкафы.

Кроме того, в квартире стоял стойкий запах зоопарка. Мытье окон и полов водой с хлоркой не помогало. Этот запах распространился уже не только по этажу, но и по всему подъезду. Никто из соседей не возмущался, наверное, только потому, что все приходили к нам посмотреть на Зиту и полюбоваться ее головокружительными прыжками и грациозными полетами. Но, уходя, всегда говорили что-нибудь вроде «Какой ужас!» или «Как вы здесь живете?»

Мы с мамой понимали, что нужно что-то делать. Решили, что сначала надо не разрешать Зите носиться по всем комнатам, а держать ее в клетке или вне ее, но только в бабушкиной комнате. Бабушка с радостью согласилась.

На двери в ее комнату сделали задвижку. В остальных комнатах переклеили обои, повесили люстры и занавески, поставили на подоконники цветы, снова развесили картины и расставили безделушки. Одним словом, вернули цивилизацию. А вот у бабушки в комнате обои висели клочьями, и запах стоял стойко. Зато она стала веселой и разговорчивой. Вечерами рассказывала нам за приготовленным ею ужином, как Зита грациозна и умна, как ловко спрыгивает с люстры на стену, успевая схватить пальцами и потянуть за собой кусок обоев, который она на следующий день отрывает совсем. Умилялась, какие Зита строит смешные рожицы и как пытается открывать двери комнаты, хотя и безуспешно.

За полтора года, пока Зита прожила в нашей квартире, бабушка вроде помолодела. Она не только легко спускалась в булочную за хлебом и калорийными булочками, но и самостоятельно выводила Зиту во двор дома гулять, пристегивая к кожаному пояску длинный собачий поводок. Восторгу местной детворы не было предела. Они каждый день после школы и обеда стояли под нашим балконом, ожидая, пока бабушка выйдет к ним, кивнет и скажет:

— Сейчас выхожу!

Однажды осенью, когда еще не выпал снег, но на дворе уже было прохладно, бабушка пошла с Зитой гулять, надев на нее толстый шерстяной свитер с капюшоном и штанишки с прорезью, которые недавно ей связала. С улицы сразу слышались радостный ребячий гвалт и спокойный хрипловатый голос бабушки.

А тем временем на кухне в ее отсутствие состоялся важный разговор. Брат сообщил нам с мамой, что собирается жениться и что не может привести молодую жену в такую загаженную квартиру. Он предложил нам отдать Зиту в цирк. Нам с мамой возразить было нечего.

Но ночью я не могла уснуть от мысли, что делаю что-то нехорошее, даже подлое. Укором всплывали в голове слова Маленького Принца Экзюпери: «Мы в ответе за того, кого приручили». Значит, я совершаю предательство?

К утру логическая цепочка выстроилась, и я смогла сбросить с себя груз вины. Рассуждала так: Зита для меня была вроде игрушки. Я не удосужилась даже ничего почитать о том, как надо содержать обезьяну в доме. А она ведь живая, да еще и маленькая! И в квартире вместе с людьми нормально расти и быть здоровой не сможет, потому что мы к этому не готовы, не знаем, как это делать. Поэтому ее нужно отдать туда, где знают, как обращаться с обезьянами так, чтобы и им было комфортно, и людям рядом с ними. И вообще, решение взять в дом обезьяну было с моей стороны в высшей степени безответственным поступком — в первую очередь по отношению к беспомощному животному. О домочадцах я уж и не говорю.

Логика логикой, но были еще и чувства. Я понимала, что люблю эту грязнулю, что мне без нее будет тоскливо и грустно. И не только мне. Но расставаться с ней все равно надо было.

Через несколько дней к нам в квартиру пришел человек с большим рыжим орангутангом на руках. Он нес его, как ребенка. Увидев нашу Зиту, орангутанг разволновался, запрыгал, замахал руками, а человек протянул Зите руку и зачмокал губами. Зита тихо и спокойно села ему на ладонь, потом прошла по его руке и обняла за шею. Рыжий орангутанг дотронулся пальцем до Зиты, и мне показалось, что она заулыбалась.

Отдав маме какие-то деньги, дрессировщик с двумя обезьянами на руках сел в машину и уехал.

Когда мы вошли в комнату к бабушке, то увидели, что она сидит на своей кушетке с калорийной булочкой в руке, а по щеке ее медленно ползет мутная слеза.

На следующий день она слегла и больше не вставала.

За неделю до свадьбы брата бабушка умерла. □

Алла Зубкова

Н оследняя любовь

ИМПЕРАТОРА

Их брак продолжался всего четыре года. Дочь австрийского императора Мария-Луиза стала супругой Наполеона не по своей воле, но обрела не только корону, но и женское счастье. Наполеон обожал ее и как женщину, и как мать своего сына — наследника. Однако, как говорится, пути Господни неисповедимы, а женская любовь таит в себе немало загадок. После того как Наполеон вынужден был отречься от престола и удалился на остров Эльбу, Мария-Луиза отказалась следовать за ним. К этому времени в сердце ее царил уже другой мужчина. Наполеон же не мог забыть ее до конца жизни.

С 1809 года имя Наполеона произносилось в европейских столицах не только в связи с его блистательными победами. Все более открыто говорили о том, что император собирается развестись со своей супругой Жозефиной. Для продолжения династии императору необходим был наследник, а креолка не могла его дать. Правда, Жозефина уже многие годы старалась убедить Наполеона в том, что он не способен иметь детей. И он достаточно долго верил этому. Однако после того как у него родился сын от любовницы Элеоноры Денюэль, а затем и от Марии Валевской, решение развестись с Жозефиной и заключить брак с какой-нибудь европейской принцессой созрело окончательно. Сначала речь шла о сватовстве к младшей сестре русского императора Александра I, великой княгине Анне. Наполеону очень хотелось вступить в родственник союз с царем, он даже соглашался на то, чтобы Анна не переходила в католичество, оставаясь православной. Но все планы Наполеона разбились об упрямство матери Анны, престарелой вдовы императора Павла, которая ненавидела властителя Франции и называла его не иначе, как «корсиканским узурпатором». Потерпев неудачу в попытке взять себе в жены сестру самого могущественного монарха Европы, Наполеон решил породниться с главой наиболее древней в Европе королевской династии — австрийских Габсбургов. При этом одна из при-

чин, побудившая его сделать именно такой выбор, заключалась в том, что он был осведомлен об удивительной плодовитости женщин этого рода. Мать Марии-Луизы произвела на свет тринадцать детей, прежде чем отдать Богу душу и уступить место в доме для второй жены. Ее прабабушка совершила настоящий подвиг, подарив жизнь двадцати шести принцам и принцессам этого древнейшего рода.

Искушение назвать повелителя половины Европы своим зятем было чересчур велико, и Франц I согласился отдать в жены французскому императору свою старшую дочь, а его хитроумный министр Меттерних сумел убедить Марию-Луизу в необходимости этого шага ради спасения Отечества.

Сделать это оказалось не столь уж сложно, принимая во внимание воспитание, полученное юной эрцгерцогиней. Она всегда и во всем привыкла подчиняться мнению отца, которого искренне любила. Ее интеллектуальный багаж был, мягко говоря, невелик. Правда, она неплохо владела полудюжиной европейских языков, но ее знания по истории и географии были не очень глубоки. Еще более урезанным был пройденный ею курс литературы, причем урезанным в прямом смысле этого слова. Преподаватели с ножницами в руках избавлялись от тех страниц в книгах, где содержались хотя бы слабые намеки на отношения между полами.

Что же касается человека, которого ей теперь прочили в мужья, то ее отношение к нему было первоначально совершенно определенным. Французский император за последние годы четырежды наголову разбивал австрийские войска и дважды победителем вступал в Вену. Мария-Луиза помнила, как ей, шестилетней девочке, любимая фрейлина рассказывала о том, что «монсеньор

Бонапарте» бежал из Египта, дезертировал из армии и сделался турком. Она была твердо уверена в том, что он бьет своих министров и собственноручно убил двух своих генералов. И вот этому людоеду из страшной сказки она вынуждена будет теперь отдаться ради спасения Отчизны.

В начале марта 1810 года в Вену прибыл маршал Бертье с официаль-

ным предложением от французского императора. На церемонии в Хохбургском дворце, волнуясь, но держаась с истинно королевским достоинством, Мария-Луиза объявила, что, с разрешения отца, она согласна на брак с императором Наполеоном. Произошел обряд заочного венчания. Среди роскошных подарков, которые прислал жених, ее особенно заинтересовал миниатюрный портрет императора в рамке, украшенной двенадцатью огромными бриллиантами. Но не эти редкостные камни привлекли внимание девушки. Чуть позднее она радостно поведала одной из своих фрейлин, что импе-

лиона франков. Личный сапожник Наполеона изготовил для нее сорок восемь пар туфель. Среди драгоценностей своей баснословной стоимостью выделялась тиара, украшенная 1329 бриллиантами, и изумительной красоты жемчужное кольцо.

Наполеон с нетерпением ожидал приезда невесты. По описанию людей, видевших восемнадцатилетнюю эрцгерцогиню, он знал, что она блондинка с удивительно свежим цветом лица, большими, широко расставленными голубыми глазами. У нее был великолепный бюст, узкие бедра и маленькие изящные ножки. Последнее обстоятельство было не-

Все более открыто говорили о том, что император собирается развестись со своей супругой Жозефиной, которая не могла подарить ему наследника. И это, наконец, произошло, после чего Наполеон решил породниться с наиболее древней в Европе королевской династией — австрийскими Габсбургами, и Франц I согласился отдать ему в жены свою старшую дочь Марию-Луизу

ратор, по крайней мере, внешне, ничуть не похож на монстра, каким она его себе представляла.

В Хохбург хлынул поток новых даров. Наполеон был осведомлен о том, что его будущая супруга из-за скудости венской казны не избалована роскошными туалетами, и сделал все, чтобы поразить ее. Только платья, расшитые жемчугом и золотыми нитями, стоили около полумил-

лого франков, поскольку император терпеть не мог женщин с большими руками и ногами. Однако Наполеон никогда не склонен был доверять чужому мнению. Он жаждал увидеть Марию-Луизу своими глазами и нервничал так, как никогда не нервничал перед важным сражением. Все раздражало его, в том числе и то, что он, несмотря на все старания, никак не мог разучить па нового, только что

*Заклучение
брака
Наполеона
и Марии-
Луизы*

вошедшего в моду танца — вальса. Адъютанты с сочувствием наблюдали, как их кумир неловко толкает перед собой стул, изображавший партнершу, стараясь попасть в такт мелодии, которую напевала ему его падчерица, королева Голландии, Гортензия.

Конец мучениям императора наступил 27 марта, когда он нарушил все правила церемонии встречи своей суженой, разработанные им самим.

Около полудня, закутавшись в серую шинель, Наполеон сел в карету без императорских гербов. На запятках был только один лакей без ливреи, а в карете рядом с ним сидел единственный сопровождающий — маршал Иохим Мюрат, неаполитан-

ский король. В небольшой деревушке Курсель они под проливным дождем покинули карету и, укрывшись в портале церкви, стали ждать кортежа невесты. Когда экипажи подъехали и остановились, чтобы сменить лошадей, Наполеон быстрыми шагами приблизился к карете своей нареченной и, открыв дверцу, буквально ворвался внутрь. «Счастлив видеть вас, мадам!» — выпалил он и без промедления заключил ее в объятия. Поистине влюбленная стремительность сорокалетнего императора к своей восемнадцатилетней невесте не уступала лихорадочному пылу молодого генерала Бонапарта к Жозефине. Карета быстро покатила в сторону Парижа. Смущенная, но очень довольная Мария-Луиза прошепта-

ла: «Вы даже лучше, чем на присланном мне портрете». Эти слова вызвали новый взрыв чувств со стороны темпераментного императора.

Первоначально предполагалось, что эту ночь Наполеон и Мария-Луиза проведут порознь. Но воспламененный милovidностью и очаровательной наивностью юной девушки, император не пожелал ждать. Немедленно были даны распоряжения подготовить покои для первой брачной ночи... А на следующее утро Наполеон вышел к своей свите, весь сияя от счастья. Своему адъютанту он заявил: «Мой вам совет, мосье, женитесь на немках. Из них выходят лучшие жены: милые, добрые, наивные и свежие, как розы».

Гражданская церемония заключения брака происходила в Сен-Клу, а церковный ритуал с необычайной пышностью — в церкви Тюильри. На Марии-Луизе была вытканная золотом необычайно тяжелая мантия, в которой в 1804 году венчалась Жозефина, а ее шлейф несли две королевы — Испании и Вестфалии, а также две принцессы из семейства Бонапартов. Впрочем, перед церемонией строптивные родственницы заставили Наполеона понервничать. С утра его сестры и невестки долго упирались, не желая нести шлейф невесты. Наполеон, разумеется, заставил их подчиниться, но, выполняя свои обязанности, дамы всячески выказывали недовольство: одна строила обиженные гримасы, другая демонстративно подносила

к носу флакончик с нюхательной солью, угрожая упасть в обморок.

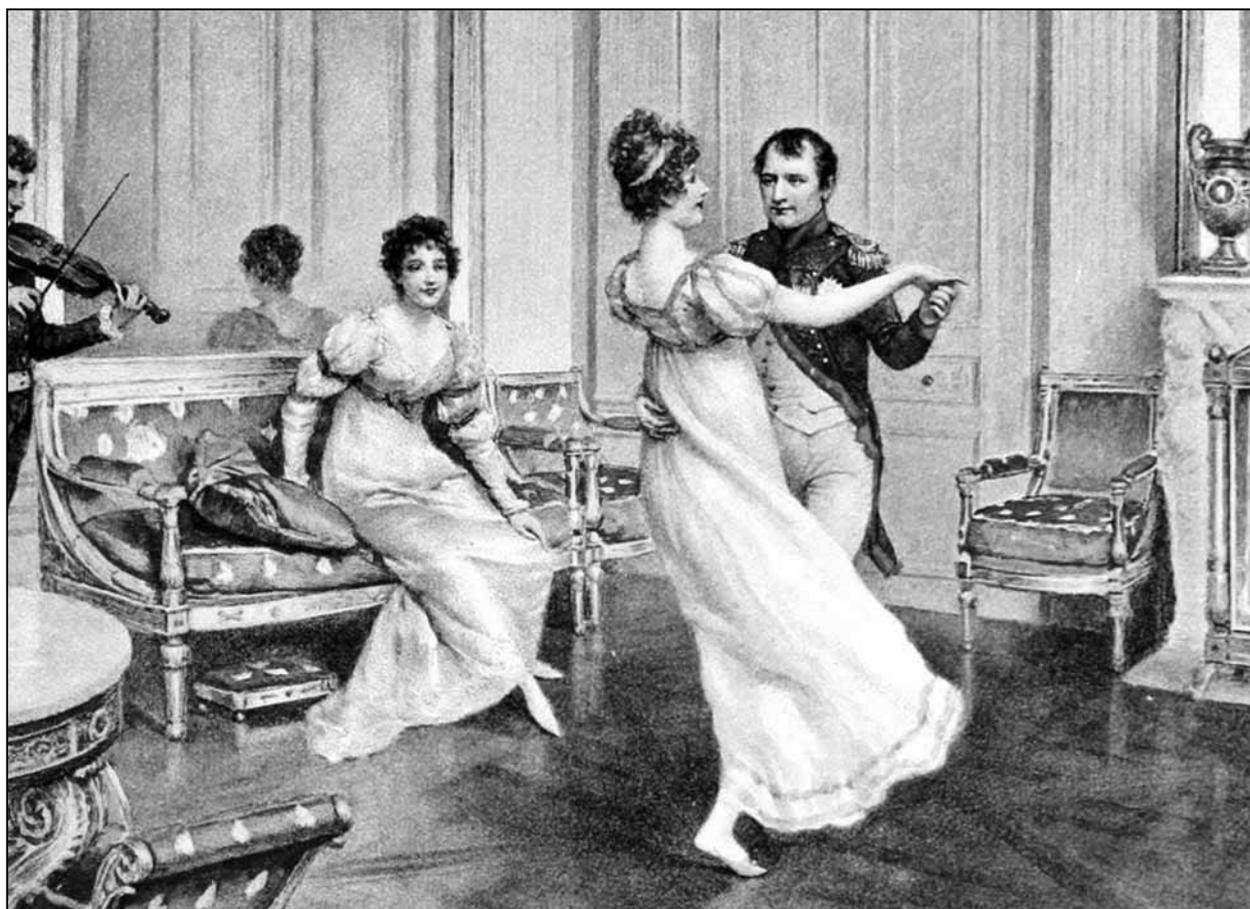
Последовала целая череда великолепных приемов и банкетов, на которых присутствовала вся парижская знать и весь дипломатический корпус. Немедленно было отмечено, что Наполеон, прежде никогда не любивший засиживаться за столом, теперь проводил целые часы, с умилением наблюдая, как его молодая супруга с аппетитом поглощает восхитительные венские пирожные. При этом она непрерывно щебетала, называя его то «Попо», то «Напа», то какими-нибудь другими придуманными ею прозвищами. В свою очередь император, не стесняясь присутствия придворных, мог покусывать ее за мочку уха или щипать за щечки.

Он забросил государственные дела, проводя почти все время с супругой. Судя по всему, между ними царил полная гармония. Наполеон отличался страстным темпераментом, да и Мария-Луиза, несмотря на неопытность, не уступала ему в пылкости чувств. При этом император был крайне ревнив. В свое время Жозефина, не пропуская случая обмануть его, доставила Наполеону немало неприятностей, которые он вовсе

не желал пережить во втором браке. Супружеская неверность — это, по выражению Наполеона, вопрос «канapé», а потому император, который вообще был не очень высокого мнения о женской добродетели, положил себе за правило ни на минуту не оставлять жену без присмотра. По много раз на дню он приходил к ней неожиданно, словно желая убедиться, что жена на месте, что рядом не увивается какой-нибудь мужчина, а придворные дамы не разбежались со своих постов. Уходя, он наказывал им «ни на мгновение не спускать глаз с императрицы». Приходилось, разумеется, мириться с визитами парикмахера, однако тот делал прическу Марии-Луизе под бдительными взглядами нескольких дам. Что касается портного, то его удавалось почти не допускать к императрице: туалеты примеряла дама, похожая на нее фигурой. В начале их брака Наполеон не терпел и двухминутного присутствия посторонних мужчин возле своей супруги.

Мария-Луиза также отличалась ревностью. И хотя считала первую супругу Наполеона Жозефину ниже себя, она ревновала императора к ней и боялась ее влияния на супруга. Жозефина жила в Мальмезоне, всего в двух милях от Парижа, но когда Наполеон как-то захотел привезти к ней Марию-Луизу, молодая супруга, не выдержав, тут же разрыдалась, и визит пришлось отменить.

Уже находясь на острове Святой Елены, Наполеон сравнивал Жозефину и Марию-Луизу. «В одной все было изящество и грация, другая была воплощением невинности». Жозефина «постоянно играла», Мария-Луиза «не умела притворяться, для нее не существовало никаких отклонений от действительности». Она не была такой кокетливой и обольстительной, как Жозефина. Если в платье в стиле ампир Жозефина напоминала куртизанку, то Мария-Луиза выглядела скорее весталкой. Кстати, она вошла в историю моды тем, что придумала длинные хлопчатобумажные панталоны.

Для своей молодой супруги император был не только верным мужем,

он ухаживал за ней, как влюбленный, всегда искал случая сделать ей что-нибудь приятное. Как-то преподнес ей поистине царский подарок: тиару из бразильских рубинов за полмиллиона франков, жемчужное кольцо в 816 жемчужин, браслеты, вензеля, бонбоньерки из самоцветов и алмазов. Он устраивал для нее игры в фанты, в мяч, в прятки. Мария-Луиза очень хотела научиться ездить верхом, и Наполеон не желал никому предоставить роль учителя в манеже — сам сажал императрицу в седло и, держа лошадь под уздцы, бежал сбоку.

Летом 1810 года личный врач Наполеона доктор Корвисар сообщил императору о том, что его супруга

беременна. Внимание, которое император и так проявлял к жене, утроилось. Любые ее прихоти удовлетворялись немедленно. По мере того, как дата появления ребенка на свет приближалась, нервозность его возрастала. Наслушавшись жутких историй о неудачных родах, он засыпал доктора тревожными вопросами. Однажды Корвисар не выдер-

сановники государства, военные, придворные. Шли часы, а решающий момент все не наступал. Императрица задремала. Наполеон удалился к себе, чтобы перекусить и немного отдохнуть. Внезапно в его покои вбежал один из врачей и сообщил, что схватки возобновились, и возникли осложнения — ребенок шел ножками вперед, и, скорее всего,

Когда ребенок появился на свет, Наполеон вбежал в спальню супруги, кинулся к ней, бормоча какие-то бессвязные слова ласки и утешения. Потом, выхватив из рук фрейлины ребенка, высоко поднял его и торжественно выкрикнул: «Мой сын!»

жал: «Я не понимаю, как может столь знаменитый воин впасть в панику по поводу такого, в общем-то, банального дела».

Но гораздо сильнее супруга нервничала Мария-Луиза. Она думала не столько об опасности, грозящей ей или будущему младенцу, сколько о разочаровании отца и французов, которое вызвало бы рождение девочки. Императрица даже послала свою акушерку к мадам Мари Ленорман, знаменитой гадалке на картах и кофейной гуще. Однако это было неприятно Наполеону: Ленорман в свое время предсказала его развод с Жозефиной.

Схватки начались неожиданно. В покоях, прилегающих к опочивальне императрицы, собрались высшие

необходима будет операция. Возможно, возникнет проблема, кого спасать — мать или дитя. «Спасайте мать, — последовал решительный приказ, — дети у нас еще будут».

Когда Наполеон появился в опочивальне жены, крики Марии-Луизы усилились — бедняжка вообразила, что муж решил пожертвовать ее жизнью, чтобы спасти ребенка. Не выдержав душераздирающих криков жены, он скрылся в туалетной комнате и покинул свое убежище только тогда, когда крики Марии-Луизы стихли, и ребенок, наконец, появился на свет. Император вбежал в спальню и, ринувшись к жене, обнял ее, бормоча какие-то бессвязные слова ласки и утешения. Потом, выхватив у фрейлины ребен-

ка, высоко поднял его и торжественно выкрикнул: «Мой сын!»

Согласно этикету, почти сразу же было составлено свидетельство о рождении наследника престола. По желанию отца его назвали Наполеон-Франсуа-Жозеф-Шарль, и он получил титул Римского короля. Император не поскупился, отпуская средства на народные гуляния по случаю рождения сына. Из городских фонтанов било вино. Желающим закусить дармовую выпивку среди прочих разносолов было предложено 1800 паштетов, 1200 теллячьих языков, 1000 бараньих ног и 3000 колбас.

Рождение сына нелегко далось Марии-Луизе и сказалось на ее здоровье. Злые языки утверждали, что

она слишком подурнела: потеряла прежнюю, столь украшавшую ее девичью прелесть, заметно похудела, волосы ее поредели. Однако Наполеон, казалось, не замечал происшедших изменений, хотя прежде ему всегда нравились полные женщины. Он по-прежнему обожал жену. Впрочем, любовью теперь они занимались гораздо реже. Император был занят подготовкой к новой военной кампании.

Мария-Луиза старалась не скучать. Она много читала. Музыка ее завораживала. Она неплохо пела, прекрасно играла на арфе. У нее был настоящий талант к живописи, некоторые ее полотна и сегодня хранятся в музеях Пармы. И все-таки она тосковала по тем дням, а главное,

ночам, когда они с Наполеоном были неразлучны. Кроме того, она не находила особого удовлетворения в общении с сыном. Маленький Римский король целиком находился на попечении кормилицы и гувернанток. Зато вечно занятый император в редкие минуты отдыха с огромным удовольствием играл с ребенком. Мария-Луиза даже испытывала уколы ревности, наблюдая, как ее супруг в обнимку с сыном катался по полу, щекоча его, а потом оба заливались громким смехом.

Русский поход Наполеона 1812 года запомнился императрице толь-

ко тем, что мужа дольше, чем обычно, не было дома, в победе его она нисколько не сомневалась. Наполеон же, щадя жену, в своих письмах к ней ни словом не упоминал о своих неудачах. Бородино, Березина — были для нее лишь ничего не значившими названиями. Главным было то, что император, в конце концов, вернулся в Париж, и она могла, наконец, оказаться в его объятьях.

Между тем военное счастье, которое столько лет верно служило Наполеону, теперь, казалось, отвернулось от него. В решающей «Битве народов» под Лейпцигом 16–19 ок-

тября 1813 года он потерпел жестокое поражение, которое предрешило судьбу империи, но все еще сохранял какие-то иллюзорные надежды на благоприятный исход.

Вынужденный бороться против всей Европы, он находил время беспокоиться о состоянии здоровья жены. Канцлер получил от него распоряжение: «Министры не должны говорить при императрице о том, что может ее расстроить или огор-

Д

ля молодой супруги Наполеон был не только верным мужем, он ухаживал за ней, как пылкий влюбленный, всегда пытался сделать Марии-Луизе что-нибудь приятное, постоянно одаривал ее драгоценностями: то тiarой из бразильских рубинов, то безумно дорогим жемчужным колье, не считая бесчисленного множества браслетов, вензелей и бонбоньерок из алмазов

чить». Наполеон интересовался даже любыми мелочами ее быта. «Я недоволен, — писал он оберканцлеру, — что последнее празднество было так плохо организовано, и что императрица так долго должна была слушать скверную музыку. Кроме того, ей раньше времени пришлось покинуть спектакль, так как она задыхалась от жары».

Последнее свидание супругов состоялось в конце января 1814 года. На вопрос Марии-Луизы, когда он вернется, Наполеон мрачно ответил: «Это, моя дорогая, ведомо только Господу Богу».

Императору удалось одержать еще несколько побед, но они уже ничего не могли изменить. В середине апреля 1814 года он вынужден был подписать акт отречения от престола. За это ему были гарантированы суверенные права над островом Эльба. Прибыв туда, он немедленно принялся устраивать в каждом из дворцов, предназначенных для его резиденции, апартаменты для императрицы. Он ждал ее, чтобы жечь фейерверки, давать балы, устраивать прогулки, жил надеждой на ее скорый приезд. Письма его становились все нетерпеливее и настойчивее.

Однако Мария-Луиза вовсе не стремилась воссоединиться с супругом. Окружение всячески отговаривало ее от мысли «похоронить» себя на диком острове. Ведь, согласно договоренности с европейскими державами, она вскоре должна была получить во владение герцогство Парма. Отец ее, Франц I, при поддержке Меттерниха, также твердо решил не допускать дочь к императору. Однако он не решался обратиться к дочери со столь жестким требованием. Завязался новый клубок интриг. Трудно сказать, действительно ли Мария-Луиза только притворялась, что любит мужа, и изображала преданность, в то время как ее интересовали лишь корона и связанные с положением императрицы почести. Или она просто любила Наполеона не настолько силь-

но, чтобы ради него противиться судьбе. А может, как всегда нуждавшаяся в руководстве и опоре, она начала смиряться с тем, что «любимый папа» снова принял на себя роль ее советника и заступника, которую «любезный супруг» уже не в состоянии был исполнять. Разумеется, Франц I не мог предусмотреть всех последствий, когда, разрешив дочери посетить французский курорт Аи, прикомандировал к ее свите известного генерала графа Найпперга. Отважный воин, тот отличился в битве при Лейпциге и получил чин помощника фельдмаршала. Записной донжуан, он не знал отказа у женщин. Даже знаменитая писательница и светская львица мадам де Сталь называла его «рыцарем без страха и упрека». Генералу было приказано «всеми средствами» удерживать Марию-Луизу от посещения императора, находящегося на острове. Свою миссию Найпперг осуществлял деликатно и дипломатично. Несколько месяцев спустя императрица была уже страстно влюблена в бравого вояку.

На острове Эльба удивленный и обеспокоенный молчанием супруги Наполеон, далекий от мысли подозревать ее в измене, считал, что она в плену. В августе 1814 года он послал к ней верного ему гвардейского капитана де Сорби, который тайно вручил императрице письмо, по существу, приказ — немедленно выехать к нему на Эльбу. Мария-Луиза, в ужасе от подобной пер-

Слева:

Адам Альберт фон Нейпперг

Наполеон-Франсуа-Жозеф-Шарль Бонапарт — сын Наполеона Бонапарта и Марии-Луизы

спективы, обратилась за помощью к Найппергу. Тот незамедлительно предпринял нужные действия — капитана по обвинению в попытке похищения императрицы арестовали и этапировали в Париж.

Высадившись 1 марта 1815 года между Каннами и Антибом, Наполеон предсказал, что его орел будет перелетать с башни на башню, пока не долетит до собора Парижской Богоматери.

Он вступил в Париж 20 марта 1815 года. «Я — властелин всей Фран-

ции», — сообщил император своей «любезной и добродетельной» супруге. — Я жду тебя в апреле». Однако Мария-Луиза ни под каким видом не собиралась воссоединиться с мужем. Зато она очень ждала сообщений о самочувствии ее возлюбленного, который в Италии сражался с Мюратом. Известие о поражении Наполеона при Ватерлоо несказанно обрадовало ее: «Никто не может испытывать большего счастья, чем я, при столь благоприятном повороте военных действий», —

откровенничала она в одном из своих писем. Разумеется, ведь теперь драгоценной жизни ее любимого Найпперга уже ничто не угрожало.

Великий император не держал зла на свою неверную супругу. 5 апреля 1821 года, за месяц до своей кончины, он написал: «Я всегда был очень доволен моей дражайшей супругой Марией-Луизой. До последней минуты я питаю к ней самые нежные чувства. Я прошу ее неусыпно бодрствовать над моим сыном, чтобы охранить его от испытаний, все еще окружающих его детство». Тем не менее, все свои средства — 3 миллиона франков — Наполеон завещал не сыну, не жене, а преданным ему людям, разделявшим с ним тяжесть ссылки на острове Святой Елены. Сыну, который

Фридриха Великого, привезенные из Потсдама. Супруге завещал свое заспиртованное сердце. Правда, Мария-Луиза так не получила это печальное подношение. По распоряжению губернатора острова Святая Елена, англичанина Гудсона Лоу, серебряная ваза с сердцем императора была оставлена в его гробу. Да и что делала бы неверная супруга с этим последним даром человека, который когда-то искренне любил ее?

После смерти Наполеона Мария-Луиза стала морганатической супругой графа Найпперга, родила от него двух детей. Ее сын от Наполеона, герцог Райхштадтский, умер в Вене в 1832 году. Сама она пережила графа Найпперга и вышла замуж еще раз.

Скончалась Мария-Луиза 17 декабря 1847 года в Палаццо Дукале

Все свои средства Наполеон оставил не сыну, не жене, а преданным ему людям, разделявшим с ним тяжесть ссылки на острове Святой Елены. Сыну он завещал кое-что из своих военных реликвий, а жене — свое заспиртованное сердце. (Правда, Мария-Луиза так и не получила это печальное подношение. По распоряжению губернатора острова Святой Елены серебряная ваза с сердцем императора была положена в гроб и похоронена вместе с ним)

носил теперь титул герцога Райхштадтского, он оставил лишь некоторые реликвии: шинель, в которой был в битве под Маренго, шпагу, которой сражался при Аустерлице, и часы

в Парме, а последнее упокоение нашла в Вене, в монастыре капуцинов, где и завершилась жизнь этой неординарной женщины, ставшей последней любовью великого императора. □

«НЕПРАВИЛЬНАЯ»

Уникальная советская и российская актриса театра и кино, Алла Сергеевна Демидова всегда выделялась независимостью характера и суждений, доходящей до дерзости, смелостью творческих поступков, нежеланием плыть по течению и подчиняться устоявшимся авторитетам, чуждой ей воле. При абсолютной самодостаточности она принадлежит к плеяде художников, неудовлетворенных собой, которые, не останавливаясь на достигнутом, мучительно ищут чего-то нового.

Ее подчеркнутый интеллектуализм и врожденная интеллигентность, вкупе с неподдельным духовным аристократизмом, достались ей в наследство от отца, который происходил из легендарного рода первых отечественных горнозаводчи-

«У меня слишком мало было любви в детстве...» — писала Алла Сергеевна в одной из своих книг. Она родилась 29 сентября 1936 года в Москве, накануне начала «большого сталинского террора». Ее отец, Сергей

Алексеевич Демидов, «попал под раздачу» за славных предков еще в 32-м, но, к счастью, вскоре вышел на свободу, в 41-м ушел добровольцем на фронт и погиб под Варшавой в 44-м.

Алла Демидова

ков Демидовых, выдвинувшихся при Петре I. Наверное, поэтому, не попав после школьного драмкружка в Щукинское училище (подумать только: из-за плохой дикции!), она с легкостью поступила на экономический факультет МГУ, да еще на так называемый «лицейский» курс, где учились несколько будущих академиков, и, окончив университет, вела семинары по политэкономии для студентов философского факультета...

Думается, наука политэкономии привила Демидовой железную самодисциплину и аналитический подход к каждой сыгранной роли. Она же, очевидно, помогла выдающейся актрисе написать девять (!) книг и организовать собственный экспериментальный театр.

Будучи душой и символом любимовской Таганки, Демидова всегда сторонилась актерской среды (правда, дружила и играла на сцене с Владимиром Высоцким). Масштаб ее человеческой и творческой личности не умещался в рамки избранной профессии. Она никогда не делала достоинством общности свою личную жизнь, сохраняла дистанцию между собой и людьми. Ее «холодность», «закрытость» приписывали высокомерию, позе, чего она в принципе была лишена. Другое дело — чувством собственного достоинства, элитарной гордостью большого мастера и самоуглубленностью обладала и обладает в полной мере.

Во время войны девочка жила у бабушки в Нижнем Сельце под Владимиром. Потом ее воспитывала мать, младший научный сотрудник-программист на кафедре экономического факультета МГУ. Уже в пя-

тилетнем возрасте, отвечая на вопросы взрослых, кем она собирается стать, Аллочка уверенно отвечала, что будет «великой актрисой» (произнося эти два слова слитно). В школьном драмкружке, однако, женских

ролей ей почему-то не предлагали, «играла все больше каких-то Бакул-бобылей», — вспоминала она.

Поход на консультацию в Щукинское театральное училище закончился разговором с педагогом В. Москвиным: «Какую школу окончила?» «Фетсот двадцать фестую».

«Девочка, — сказал ей Москвин, — с такой дикцией в артистки не ходят». И Демидова, вздохнув, отправилась поступать в МГУ. На экономическом факультете в серьезной, неприступной отличнице с точеной фигурой и благородной лепкой задумчивого лица трудно было угля-

деть будущую звезду сцены и экрана. Но она, поначалу «запрещая себе даже думать о театре», на третьем курсе все же стала актрисой знаменитого Студенческого театра МГУ. Ну а дефект дикции Демидова поправила довольно быстро, да так, что ее четко артикулированный, слегка протяжный голос в театральных и киноролях сделался мгновенно узнаваемым, превратился со временем в фирменную марку актрисы.

В Студенческом театре она дебютировала ролью служанки в шиллеровской пьесе «Коварство и любовь». А первой ее серьезной сценической работой стала роль Ольги Петрусовой в имевшем шумный успех спектакле по пьесе П. Когута «Такая любовь». Поставил спектакль в 1958 году молодой актер ТЮЗа Ролан Быков, пришедший тогда руководить Студенческим театром, из

которого вышло затем немало именитых мастеров сцены и экрана.

После отъезда Быкова в Ленинград Демидова ярко сыграла в спектакле руководившего одно время Студенческим театром режиссера Л. Калиновского «Здравствуй, Катя!» С этим спектаклем театр выезжал на гастроли на целину, где сцену порой заменяли кузова сдвоенных грузовиков, что не мешало целинникам восторженно принимать спектакль. Вскоре Калиновского сменил маститый кинорежиссер Сергей Юткевич. И вот с ним-то труппа не сработалась, произошел раскол, и часть артистов, среди которых оказалась и Алла Сергеевна, самостоятельно организовала набор в двухгодичную студию при Ленкоме.

Руководили студией драматург Михаил Шатров и будущий создатель «Что? Где? Когда?» Владимир

*К/ф
«Служили
два това-
рища»*

Справа:
*К/ф
«Бесы»*

Ворошилов. Сама Демидова, помимо актерской деятельности, выступала в студии, по ее словам, еще «кем-то вроде зав. репертуарной частью». Но продолжала играть в Студенческом театре МГУ, что раздражало ее новых наставников, и через год ее исключили из студии «за профнепригодность»(!) Алла Сергеевна считала это делом рук Шатрова и долгое время с ним не здоровалась.

«Иногда мне кажется, — пишет Демидова в книге «Бегущая строка памяти», — что профессию я все-таки выбрала неправильно. Может быть, в юности, когда я была на перепутье, надо было выбрать другую дорогу. Но страх перепутья, «совковое» детство, боязнь жизни... заставили меня опять идти учиться. На

этот раз судьба толкнула меня в Театральное училище имени Б.В. Щукина, и дальше все покатило само собой».

Само, да не само. Вторая попытка поступления в театральный институт оказалась успешной, но даже на это раз ее приняли «условно» — дикция, проработанная с логопедом, по щукинским меркам, все же хромала на шипящих звуках.

Еще студенткой первого курса Алла участвовала в спектакле Вахтанговского театра «Гибель богов», где вместе с двумя другими начинающими актрисами, одной из которых была внучка Горького Дарья Пешкова, танцевала в купальнике, изображая «шоу-герл». «Каждый день, — вспоминала Демидова, — на репетицию приходил Рубен Николаевич Симонов, постановщик спектакля,

начинал репетицию с этого танца в купальниках. И говорил: «Аллочка, по вам Париж плачет!»

Тогда же ее заметил находившийся в Москве на гастролях Жан Виллар. Увидев, как она фехтует в гимнастическом зале, знаменитый режиссер сказал: «Вот окончите училище, приезжайте ко мне в театр»...

У педагогов «Щуки» Алла перенимала ставшую затем ее фирменной пластику, аристократические жесты, манеру поведения в образе, все то, что кому-то казалось пресловутой демидовской «манерностью». Но это был ее неповторимый артистический стиль, который она оттачивала на сцене училища в спектаклях по пьесам Афиногенова, Пристли, Лабиша.

В те студенческие годы состоялись экранные дебюты Демидовой.

Малозаметные эпизоды в «Ленинградской симфонии», «Девяти днях одного года», «Комеске» известности молодой актрисе не принесли и послужили для нее просто «разведкой». К съемкам в фильмах она тогда еще относилась с подозрением, «больше всего отпугивала система кинопроб: роль даже не оговорена, а ты стараешься доказать, что можешь ее сыграть».

В 1964 году, в самый разгар легендарной хрущевской «оттепели», Алла с отличием окончила Щукинское училище. Ее дипломной работой была роль госпожи Янг в знаменитом спектакле любимовского курса «Добрый человек из Сезуана», с которого, собственно, начался Театр на Таганке. Демидовой в «Добром человеке» досталась далеко не глав-

ная роль. Но это было совершенно не важно. Один из ведущих актеров театра Борис Хмельницкий рассказывал: «Она просто выходила на сцену и делала жест рукой, но его запоминали все... Есть такое понятие в театре как эффект присутствия. У Аллы Демидовой это всегда очень сильно чувствовалось».

Любимов возродил уже почти забытые к тому времени традиции Мейерхольда, которые давали актеру возможность временно выходить из образа для прямого обращения к зрительному залу. Демидова, чью удивительную пластику отмечали все, в эту декларативную систему вписалась абсолютно органично, хотя после окончания училища вознамерилась идти в Вахтанговский театр и, будучи полностью уверенной в себе, даже не подготовила отрывок для показа. А туда ее неожиданно не приняли... Актриса восприняла это как трагедию, при-

чину отказа видела в «охлаждении» к ней Симонова и интуитивно чувствовала, что Таганка и Любимов — не для нее.

Парадоксально, но факт. Став с момента открытия любимовского театра одной из основных актрис труппы, изобиловавшей солистами и премьерами, она долго не получала больших ролей. А первая такая роль, роль Веры в спектакле по роману Лермонтова «Герой нашего времени», оказалась, увы, провальной. Свою неудачу Алла Сергеевна объясняла просто: «Была я, только что окончившая театральную школу, и был Лермонтов — недостижимая вершина, на которую можно смотреть, только задрвав голову. Но так ничего не увидишь!»

Дальше потянулись годы работы в массовых сценах, потом в маленьких эпизодах целой вереницы спектаклей. Изо дня в день. Работала буквально «на износ», удивляясь

Слева:

*К/ф
«Живой
труп»*

*К/ф
«Стакан
воды»*

впоследствии, как ей «хватило на это сил».

Любимов продолжал осторожно присматриваться к ней, испытывал в эпизодических партиях. И вот настало время, когда терпение актрисы было вознаграждено. Демидова начала получать центральные роли в знаковых спектаклях мастера и оказалась его верной и послушной ученицей, считала себя подмастерьем режиссера, скрипкой в его искусных, чутких руках. Постепенно приходила известность. А вместе с театральной пришла известность кинематографическая.

Первый успех на экране принес Алле Демидовой прекрасный фильм Игоря Таланкина «Дневные звезды» по мотивам одноименной автобиографической повести выдающейся советской поэтессы Ольги Берггольц. Фильм, из которого по требованию цензуры вырезали целые сцены, был, правда, сразу положен

«на полку», но пять лет спустя он триумфально демонстрировался на Венецианском кинофестивале и получил «Золотую медаль участия». Демидова сыграла здесь заглавную роль так, что сложная структура ленты превратилась, как писала критика, в «целостную картину напряженной духовной жизни поэта, наполненной лирическими раздумьями о долге искусства перед временем и народом».

Наверное, самое важное в творческой натуре Аллы Демидовой, в ее характере — пренебрежение успехом, славой, отсутствие какой бы то ни было «звездности», постоянный самокритичный анализ сделанной работы. После «Дневных звезд» ее засыпали аналогичными предложениями, но они ей показались уже неинтересными, она не хотела эксплуатировать достигнутый образ.

Следующий год оказался рекордным по количеству сыгранных

*К/ф
«Русские деньги»*

Демидовой ролей в кино. И каких! С какими партнерами! «Щит и меч», «Степень риска», «Шестое июля», «Живой труп», «Четвертый папа», «Служили два товарища». Невероятная работоспособность при такой колоссальной отдаче. И хотя роль «нестандартной» сотрудницы абвера Ангелики принесла актрисе широкое зрительское признание, она, оставаясь верной себе, говорила потом, что в многосерийном телефильме «Щит и меч» ей «не стоило сниматься».

Алла Сергеевна признавалась, что «роль идет по настоящему лишь тогда, когда постараться найти какие-то неожиданные точки соприкосновения с образом». Наиболее высоко в 1968 году была оценена чрезвычайно сложная работа Демидовой в фильме Юрия Карасика «Шестое июля» по одноименной пьесе Михаила Шатрова в роли одного из руко-

водителей партии левых эсеров Марии Спиридоновой, которая в июле восемнадцатого, в момент открытия в Большом театре V Съезда Советов, возглавила восстание левых эсеров против большевиков.

Предложенная ей в сценарии роль актрису полностью не удовлетворила, и она настояла на своем праве принять участие в доработке сценарного образа героини. «Я к тому времени уже имела представление и о марксизме, и об однопартийной системе, и мне хотелось все обострить, так что я попросту переписала написанную Шатровым речь Спиридоновой...», — позже вспоминала Алла Сергеевна. В результате фигура Спиридоновой в фильме предстала поистине трагической, далекой от трафаретного советского изображения идейных врагов. Критика отмечала глубину и объ-

емность характера неустранимой «эсерки» в исполнении Демидовой, наделившей свою героиню какими-то порой даже симпатичными человеческими черточками, которые еще убедительнее оттеняли обреченность ее дела.

По манере игры Демидову в те годы стали сравнивать с Иннокентием Смоктуновским — выше похвалу трудно придумать. А она тогда же открыла в себе еще и комедийное дарование, блеснув ролью Эмили в мольеровском «Тартюфе», который поставил Юрий Любимов, и Гертруды в «Гамлете» с Владимиром Высоцким. В этом предельно реальном и вместе с тем вполне фантазмагорическом любимовском спектакле Демидова поведала «не тривиальную историю порока, а драматическую историю заблуж-

дения», показав, как «в эльсинорской ночи ясный ум перестает служить истине и начинает служить химерам».

Несмотря на большие достижения, жизнь самобытной, наделенной яркой индивидуальностью актрисы в одном из лучших театров страны отнюдь не была легкой. В годы расцвета Таганки ей приходилось отвоевывать себе творческое пространство, очерчивать свою «неприкосновенную территорию, которая зачастую казалась мхатовским островком». Она покорно участвовала в массовках, танцах, пантомиме, ничем не выдавая разочарования от подобной работы. Трудилась честно, терпеливо, старалась, по ее словам, «играть объемно, актерски оправдывая любое режиссерское

*С мужем
Владимиром
Валуцким*

*Спектакль
«Три сестры»*

Справа:

*К/ф
«Приключения
Шерлока Холмса
и доктора
Ватсона.*

*Собака
Баскервилей»*

построение Любимова», использовавшего Демидову крайне избирательно, но при этом выявившего сильнейшие стороны ее дарования.

Да, участь «любимицы» в театре Демидову миновала. Однако благодаря этому она сумела укрепить свой дух, развить талант, сохранить индивидуальность и, неустанно шлифуя актерский почерк, выйти в число ведущих мастеров театра и кино.

В кино периода 70-х Алла Сергеевна снималась много и плодотворно. Говорит, что мимо нее в те годы не прошел ни один «заслуживавший внимания сценарий». При этом авторитетные киновееды называют Демидову одной из «самых невоплощенных в экранном пространстве отечественных актрис, поскольку режиссеры взялись поверхностно

эксплуатировать ее необычный имидж, хотя ей нет равных в изображении интеллектуальной рефлексии и духовной одержимости».

Мотивация на выбор той или иной роли у актрисы бывала разная. Роль Анны Стентон в телеэкранизации романа Р.П. Уоррена «Вся королевская рать» привлекла ее в первую очередь возможностью сыграть в дуэте с Олегом Ефремовым, который покорила своим неотразимым обаянием еще в стенах театрального училища. Сам Олег Николаевич высоко отзывался о совместной работе с Демидовой: «Она прекрасный партнер. У Аллы Сергеевны самые живые глаза среди актрис».

Волшебница в фильме «Аленький цветочек» стала единственной ро-

лью Демидовой в сказке, однако во многом благодаря ее игре сказка превратилась в притчу, слегка грустную и ироничную. Совершенно иной предстала актриса в образе холодной и расчетливой, но беззащитной перед поздней любовью герцогини Мальборо, одной из центральных персонажей увлекательного исторического телефильма «Стакан воды» по пьесе известного французского драматурга Скриба об интригах английского двора начала XVIII века. Здесь перед актрисой стояла непростая задача при минимуме внешнего действия показать остросюжетное противостояние характера своей героини главе оппозиции герцогу Болинброку в исполнении Кирилла Лаврова.

Менялось время, менялось кино, менялся театр. Эпоха брежневско-

го застоя вносила беспощадные коррективы в художественные поиски мастеров экрана и сцены, с которыми судьба связывала Аллу Демидову. Менялись и ее собственные творческие устремления и пристрастия. В 1974 году Юрий Любимов впервые надолго оставил свою Таганку ради предложенных ему зарубежных постановок и пригласил Анатолия Эфроса поставить там любой спектакль, которого еще не было в репертуаре любимовского театра.

Эфрос выбрал «Вишневый сад» и предложил артистам противопоставить этот спектакль мхатовскому. По замыслу режиссера, все силовые линии спектакля должны были сходиться к фигуре Раневской, роль которой он доверил Демидовой. Уход от сентиментальности в самоиронию, столкновение трагизма и эксцентрики — так строили

актриса с Эфросом классический образ героини чеховской пьесы, открыв новую страницу в его сценическом исполнении. Не всем оно пришлось по вкусу. Декадентствующая дама Раневская оказалась слишком непривычной, по-современному резкой, ироничной, но при этом предельно одухотворенной.

Во второй половине 70-х интересных предложений в кино у Демидовой становилось все меньше, зато значительных театральных работ все больше. Рафинированная интеллектуалка на сцене и в жизни, она с неожиданной силой воплотила женщину из народной глубинки Василису Мелентьеву в любимовском спектакле «Деревянные кони» по циклу рассказов писателя-деревенщика Федора Абрамова. Воплотила без капли грима и внешней атрибутики,

опираясь, в основном, на воспоминания о бабушке-староверке.

Аналитический подход актрисы к ролям не мешал ей добиваться в каждой из них максимальной степени выразительности — внешней и внутренней. Именно так она сыграла на Таганке мать Раскольниковы в «Преступлении и наказании», Машу в «Трех сестрах», Марину Мнишек в «Борисе Годунове». Казалось бы, в Театре на Таганке актрисе сопутствовали постоянный зрительский успех и востребованность. Но она все равно испытывала внутреннюю неудовлетворенность своей работой и с конца 70-х годов искала выход в попытках сценических экспериментов с Владимиром Высоцким. У них к тому моменту сложился уникальный актерский тандем, в котором раз за разом вступа-

Слева:
Таганка.
«Гамлет»
Алла Демидова
и Владимир
Высоцкий

Спектакль
«Вишневый
сад»

ли в схватку «лед и пламень». «Мы понимали, — писала потом Демидова, — что пришло время скрупулезного исследования человеческих отношений, и на смену большим, ярким, массовым представлениям придут спектакли камерные — на одного, двух исполнителей».

Специально для них Владимир Вульф перевел пьесу Т. Уильямса «Крик», где было всего два действующих лица — режиссер и его сестра. За постановку взялся сам Высоцкий. В театре к этой работе отнеслись скептически. Любимову пьеса не нравилась. На прогон первого акта никто из «своих» не пришел... Перед отъездом театра на гастроли в Польшу эксперимент был приостановлен. А через полтора месяца после возвращения с гастролей Высоцкий умер.

Чувствуя свое одиночество в Театре на Таганке, Демидова взялась за

подготовку авторских программ чтения стихов и прозы в концертах, на телевидении, демонстрируя и здесь совершенно оригинальную манеру исполнения, новое осмысление бессмертных произведений. На концертах, как правило, с музыкальным сопровождением, актриса читала «Реквием» и «Поэму без героя» Анны Ахматовой, представляла аудитории собственные оригинальные интерпретации ее любимых произведений Пушкина, Бунина, поэтов

*Спектакль
«Деревянные
кони»*

Серебряного века. Это было глубоко личное, авторское чтение, без малейшего налета мелодекламации и так называемого «актерства». По сути, Демидова исполняла спектакли одного актера, со своей внутренней драматургией, своим движением сюжета, организацией пространства и решением образов. Причем ее небезупречное произношение обернулось здесь удивительным, подкупающим своеобразием, а слабый и слегка экзальтированный когда-то голос обрел мощь и широту диапазона.

И все же эти поэтические вечера не могли заменить Демидовой ролей в театре и кино. Увы, в конце 80-х годов произошел достопамятный раскол «Таганки», когда часть коллектива вступила в конфликт с

Юрием Любимовым. Демидова безоговорочно осталась на его стороне. Вскоре, однако, разногласия в коллективе начали сказываться на качестве любимовских спектаклей. Работать с полной отдачей становилось все тяжелее. Алла Сергеевна еще некоторое время «отлынивала от выхода на сцену» и, наконец, написала заявление об уходе.

Ее своеобразным прощанием с Театром на Таганке стал восстановленный Эфросом спектакль «Вишневый сад», в котором актеры, произнося чеховские реплики, как бы оплакивали «утраченный театр Любимова». Спектакль получил в 1986 году Первую премию на фестивале «БИТЕФ», а уже после смерти Эфроса триумфально игрался в Париже. Восхищенный М. Курно назвал

Демидову «чайкой из Люксембургского сада».

На «Таганку» она вернулась еще раз — в роли Федры по пьесе Марины Цветаевой в постановке Романа Виктюка. В начале 90-х спектакль этот с успехом гастролировал во многих странах Европы и Америки. Западные критики отмечали «стильность» Аллы Демидовой, называя ее образцом современной русской актрисы.

Тяготение к античности возникло у актрисы в те годы на фоне кризи-

са отечественного театра, из репертуара которого почти полностью исчезла современная драматургия. В противовес ему, Алла Сергеевна создала свой собственный театр — «Театр А», и вновь поставила на его сцене «Федру». Потом была «Медея» (по Еврипиду), а также два спектакля на темы европейской классики: «Опасные связи» (на основе романа Шарля де Лакло) и «Гамлет-урок» (вариации трагедии Шекспира). Премьера «Гамлет-урока» состоялась под занавес Московской театраль-

К/ф
«Настройщик»

Справа:
К/ф
«Чайка»

ной олимпиады. Демидова осуществила в этом необычном спектакле мечту молодости — сыграла Гамлета, Офелию и Гертруду (!) Признанный дар Демидовой — «играть трагедию вне канона, осовременивая ее», вновь убедительно реализовался, и спектакль прошел с полными аншлагами.

В своей неустанной и разнообразной концертной деятельности Алла Сергеевна тоже продолжала осуществлять эксперименты и с неизменным успехом выступала на родине и за рубежом.

Но кино все-таки не отпускало...

В 2006-м году вышел очередной фильм одного из «своих» режиссеров — Игоря Масленникова «Русские деньги» (по пьесе Островского «Волки и овцы»). Демидова сыграла в нем Мурзавецкую — «старуху с сильным характером», поя-

вив: «согласилась на эту роль потому, что от Островского не отказываются».

И все же вскоре Алла Сергеевна заявила, что утратила интерес к актерской работе и теперь откликается лишь на отдельные проекты, которые ей интересны.

В этом ее поддержал муж, известный сценарист Владимир Валуцкий. Они познакомились в 1961 году и счастливо прожили вместе более сорока лет (Валуцкий умер в 2015 году). Причем в фильме по его сценарию Демидова снялась только раз, это была картина Александра Зархи «Повесть о неизвестном актере», где партнером Демидовой выступил Евгений Евстигнеев.

Алла Сергеевна Демидова, удостоенная высших государственных наград и званий, лауреат престижных премий «Хрустальная Турандот»

«Фигаро», «Легенды сцены» и «Кумир» — «За высокое служение искусству», всегда предпочитала слышать о своей работе нелицеприятные вещи, относилась к себе крайне не критично и одно время считала, что играет «плохо, но остальные — еще хуже».

На съемках актриса крайне необщительна, не участвует в обсуждениях, а, отснявшись, тут же скрывается в гримерке. До сих пор дружит только с теми из актеров, кому доверяет. Об остальных говорит: «Они слишком хотят нравиться, а зачем и кому — для них не имеет значения... Я не открывалась перед ними. Они не знали меня, и, кстати, мое равнодушное отношение к

деньгам воспринимали как жадность».

Несколько лет назад Алла Сергеевна отвергла заманчивое, но не сулящее серьезного художественного результата предложение сняться за океаном, отказалась по той же причине от больших ролей в отечественных фильмах и сериалах, хотя присылаемые ей сценарии внимательно читает... К своему преклонному возрасту относится, согласно мудрому совету: «возраст у вас в голове, если о нем не думать, его не существует». Ее творческий поиск нового, интересного, лучшего продолжается...

Вот такая она, «неправильная» актриса Алла Демидова. □

Зурад Бермузов

АЛЫЧА

Давно мы не были с тобой
У разнопряди алычовой.
И мир не шел на водопой,
Устав от жарких предисловий,
От всей батальной суеты,
Которой время нас горчило,
Под сны египетской звезды
И явь египетского Нила,
Обвенчанными невпопад
Притянутой не к месту рифмой.
Хотя, как знать, быть может сад
Не зря нам тряс вечерней гривой:
Ведь небо отлито на всех
Одно, как колокол чугунный
На долгий человеческий век,
И цвет, рожденный накануне...

МАТРИЦА

Я знал войну. Но был убит не пулей —
Обычным словом, не познав свинца.
Я знал святых. Но в вавилонском улье
Мне снился Бог, с улыбкою отца.
Плескалась жизнь ребенком в мелководье.
Звучал азан, сражаясь за рассвет.
И гены человеческой природы

ВОДОПОЙ

Когда мелеют реки, идут к истокам.
Когда мелеет память, считают дни.
Когда мелеют души, цветет жестокость,
И шепчет мир у бездны мне: «Шагни».
Ты слышишь? Запах вод ползет в долину,
Колодцы не надышатся, хрипя.
И сердце, свои щупальца раскинув,
Не может достучаться до тебя...
Назло судьбе, назло любым законам,
Желая это небо пережить.
Узнать, что эта бездна не бездонна,
И память — это Ариадны нить.
Что сердце, уж который год — колодец,
Где Бог поит червонного коня.
Что мир ушел. И только непогода
Сегодня достучалась до меня.

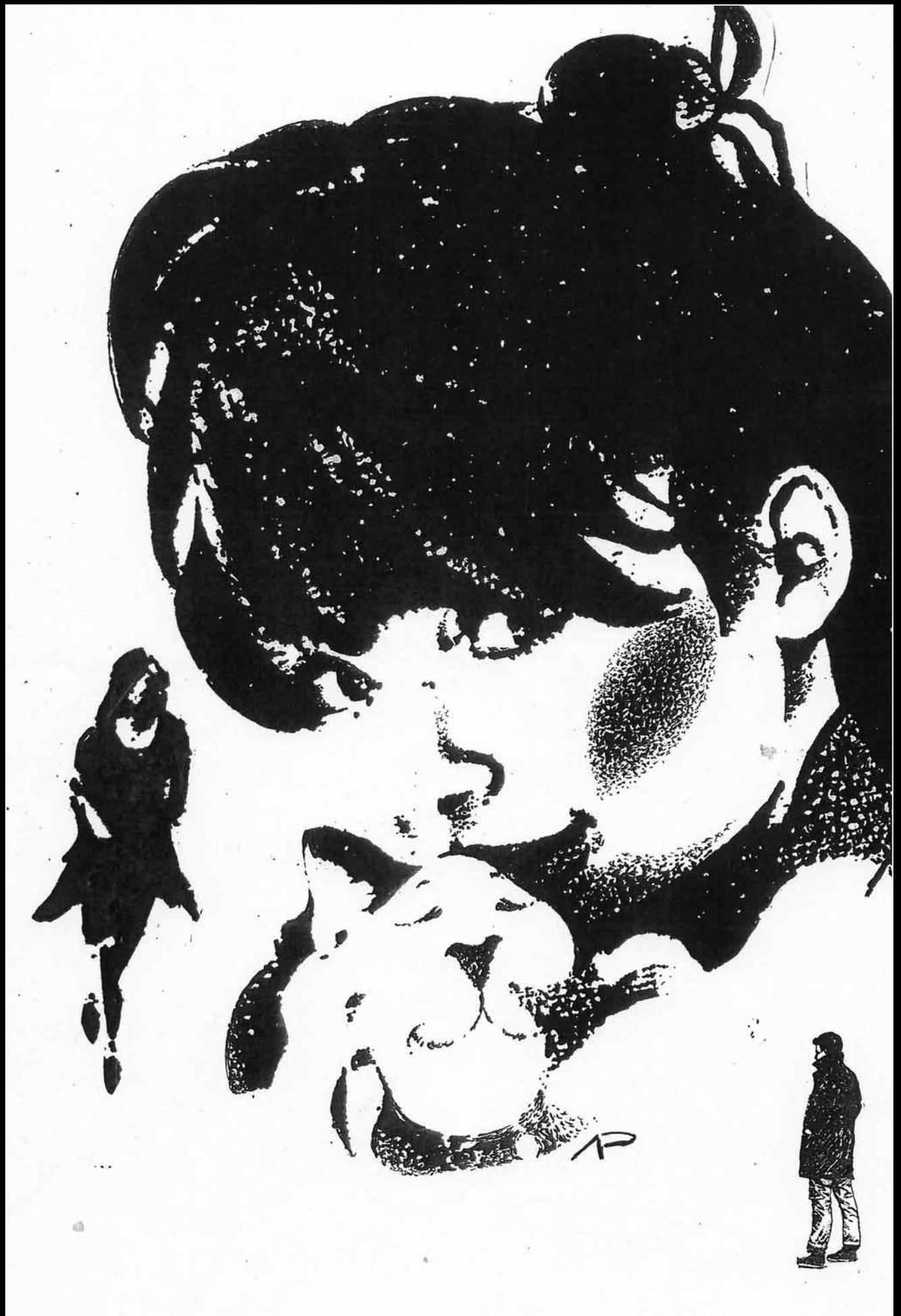
БОГ

В городе храмы с утра делят небо,
Благословляя молитвой Приход.
К Богу, за милостыней и хлебом,
Ходят не дальше церковных ворот.
Бог мой, и я не пойду за ограду,
Знаю, ты с нищими будешь стоять.
Дам тебе хлеба, а ты скажешь: надо
Крыши не храмам, а людям латать.

КОВЧЕГ

Мы любим играть в слова,
В потрепанность чувств созвучных.
Мы любим играть в слова,
И верим, что нас научат

Делить этот мир на всех,
Свой внутренний мир разбавив,
Что сердце — и есть ковчег,
И каждый из нас им правит,

От редакции: Несколько лет назад в «Смене» был опубликован роман Ольги Торощиной «Все ради тебя — «ВИКА»! После огромного количества читательских отзывов, а особенно после выхода на телеэкраны одноименного фильма автор решила продолжить историю главной героини Ирины и ее дочерей, которую мы и хотим предложить вашему вниманию.

Ольга Торощина

ВСЕ РАДИ ТЕБЯ — «ВИКА»!

Все знают, ночью, конечно же, лучше, чем днем. Ирина сладко потянулась, все косточки дружно и расслабленно хрустнули. После долгого трудового дня, бесконечных переговоров, разговоров, переездов, наездов так приятно растянуться на шелковых простынях и подушках.

В комнате тихо, тепло. На тумбочке часики размеренно произносят: «Тик-так, тик-так!» Все будет хорошо, вот так!

Меньше года прошло со всех этих неприятных и трагических событий — похороны зятя, переживания дочерей, проблемы на фирме, — а кажется, что это было так давно, будто бы и не было вовсе.

Ирина глубоко зарылась носом в мягкую подушку. Теперь вроде бы все наладилось. Наташа, наконец, образумилась, за ум взялась, с мужем Иваном отношения наладила, ребеночка ждут. Дочь Ольга, конечно, после самоубийства Евгения сильно переживала, даже к психиатрам пришлось

обращаться, но сейчас и у нее все тоже неплохо, да и рожать ей буквально на днях.

И самое главное — «ВИКА»! Живет, процветает, и через сто лет, назло всем врагам, так же крепко и уверенно будет стоять на ногах. Все ради тебя — «ВИКА»!

Вика, Виктория, а это значит — Победа!

Повторяя про себя свою ежедневную молитву, Ирина Александровна, мирно уснула...

Ольге снился сон.

Лазурный берег Франции, где небо смешало свою пронзительную голубизну с морем, и где они с мужем провели свой медовый месяц, был как настоящий. Чайки носились с возбужденными криками, белоснежные паруса на яхтах трепетали от морского бриза, набережная, такая нарядная и такая бесконечная, все было только для них! Женя — красивый, высокий, веселый и, самое главное, живой, живой, ЖИВОЙ! Нес ее на руках, игриво шептал на ушко о своей любви. Потом опустил ее на землю и быстро пошел вперед. Оля побежала за ним, закричала: «Постой не уходи, не бросай меня!» Он обернулся, лицо у него стало серое, белые глаза, без зрачков, безжалостно вперились в Ольгу. «Ты предала меня!» — сипло проскрежетал голос мертвеца.

Она закричала и проснулась.

Ирина Александровна вбежала в комнату к дочери. Ольга сидела на кровати, тряслась как в ознобе и громко рыдала:

— Нет, нет, я тебя не предавала! Я люблю тебя, я всегда буду тебя любить!

Ирина обняла дочь, прижала к себе. А та, обхватив руками большой круглый живот, надрывно застонала:

— Мама, как больно, как же больно!

С первого этажа на крик уже бежали горничная Светик, в бигудях и с фруктовой маской на лице, и кухарка Нина Петровна с неизменной скалкой в руках. Ирина Александровна беспорядочно жала на кнопки сотового телефона, пальцы не слушались, руки тряслись, голова кружилась.

— Да успокойтесь вы, девке время рожать подошло, — сурово прикрикнула Нина Петровна.

Общими усилиями женщины принялись одевать и собирать стонущую от боли и захлебывающуюся в слезах Оленьку.

— Мама, наверное, я умру, как Женя! — надрывалась в своих страданиях дочь.

— Как он — точно нет, — сквозь зубы процедила Ирина.

Мальчик родился весом 3 600 кг. Настоящий богатырь! Ирина по этому поводу устроила праздник и раздачу «слонов», не каждый день в первый раз бабушкой становишься. Все служащие компании «Вика», без исключения, получили премию. Коллектив частной клиники персональные подарки и новый аппарат УЗИ, дочка Оленька изысканный ювелирный гарнитур из бриллиантов и изумрудов. Все были рады и счастливы!

Взяв на руки сопящий сверток, Ирина бережно, почти не дыша, приоткрыла голубое покрывальце:

— Вылитый папа!

Ольга фыркнула, нервно дернула плечами и отвернулась:

— Глупости, совсем он на Женю не похож!

— Я твоего папу Вадика имела в виду, — ответила Ирина мирно, но достаточно категорично.

Вокруг суетились люди, врачи возносили хвалу младенцу, мамаше, прекрасной молодой бабушке. Верный Кузьма сиял, как отполированный медный самовар, мальчонку он, видимо, считал, своим родным внуком. Его «добры молодцы» из службы охраны перегородили машинами всю улицу, кортеж дождался молодую маму с новорожденным.

Только Ольге было грустно. Она все смотрела в сторону, где молодой парень в приличном, но недорогом костюме встречал сходящую к нему по лестнице светловолосую девушку. Он протянул нянечке в белом халате букетик из трех роз, нежно обнял жену и принял на руки драгоценный дар природы. Вместе они склонились над ним, заговорщически улыбнулись друг другу и поцеловались. И не было вокруг них всей этой безумной суеты, подобострастных комплиментов, бряцанья драгоценных металлов, машин, шаров, цветов. Они были одни со своей радостью, но вместе, вместе!

— Мама, поехали отсюда быстрее! — почти выкрикнула Ольга.

Мудрые эскулапы раз и навсегда определили происхождение беспричинных утренних слез, надрывной вечерней тоски и тотальной ненависти к окружающей действительности — «послеродовая депрессия». В эту короткую, но емкую формулировку, стройно и логично укладывалось все! Отвратительное, бледное и одутловатое отражение в зеркале, неповоротливые движения некогда легкого и послушного тела, желание спать, еще раз спать, спать и никого не видеть. Ольга в выражениях своих чувств и эмоций не стеснялась, домашние, а также выписанные из клиники медсестра и няня для новорожденного получали по полной программе.

День не задался с самого утра. Сын во время кормления прожорливо чавкал, кусал и мял грудь беззубым ротиком, пихался ножками, Оле было больно и противно. От сладковатого, приторного запаха грудного молока

ее мутило. Она чувствовала себя дойной коровой и с трудом сдерживала желания оторвать от себя назойливого молочного вампира, убежать и спрятаться. Передав сына на руки няне, пошла поплавать в бассейне. Когда, посвежевшая и успокоенная, вернулась в комнату, у кровати младенца крутилась и что-то там приговаривала сестрица Наташенька.

Над пологом она развешивала матерчатых расписных бабочек, за длинные нитки крепила их над колыбелью. Малыш с интересом наблюдал за ее движениями, скалил беззубый ротик, тянул вверх ручки.

— Тебе нравится? Сама сделала! Я — твоя тетя Наташа! Когда подрастешь, я тебе много всяких удивительных игрушек наделаю, зверей, человечков, машинок. Ни у кого таких не будет!

— Что ты тут делаешь? — громко хлопнув дверью, возмущенно спросила Ольга.

— Оленька, я тебя поздравить пришла! И на мальчика посмотреть!

— А что увидеть хотела? Похож ли он на Женю или нет, чтобы потом со своим сравнить?

Улыбка на лице Наташи мгновенно растаяла. Она сделала шаг навстречу названной сестре и протянула руки, пытаясь обнять ее за плечи. Ольга почти отскочила от нее в сторону, болезненно скривилась, схватила одну из весело раскачивающихся бабочек и резко дернула.

— Значит, ты меня так и не простила? — выдохнула Наташа.

— Уходи, видеть тебя не могу! Ты во всем виновата! — выкрикнула Ольга.

Наташа почти бегом кинулась к дверям, столкнулась с вошедшей няней, смущенно извинилась и исчезла. Ольга от всей души срывала и топтала ногами красавиц-бабочек, орала на няню, обещая ей все кары небесные и увольнение с «волчьим билетом».

— Я только на минуточку вышла. И потом, здесь же ваша сестра была, — оправдывалась ни в чем не повинная, испуганная женщина.

— Никакая она мне не сестра!

Малыш непонимающе и возмущенно гукал, видимо, жестоко растерзанные бабочки тети Наташи ему нравились. Ольга склонилась над детской кроваткой, пристально уставилась на сына и сдавленно прошептала:

— И ты, ты совсем на него не похож!

Она выскочила из дому, села в машину и бесцельно колесила по городу. Хотелось кому-нибудь пожаловаться на судьбу, закричать, заплакать.

Дома, перед уходом, она устроила безобразную сцену, тихий семейный ужин закончился, так и не начавшись. Все вкусности, расставленные на столе, кухарка Нина Петровна, безжалостной рукой, отодвигала от нее подальше.

— Клубнику и ананасы тебе нельзя, у детей от этого диатез случается! Копченую рыбу и балык не ешь, вкус у молока испортишь! Вот молочная лапша, это для кормящих самое полезное!

Оля была готова покусать вредную тетку, так ей надоели ее нравоучения. А от запаха молока уже наизнанку выворачивало!

— Оленька, тут Наташа так спешила, что перчатки и зонтик забыла! Может быть, ты ей отвезешь?

Дурочка-горничная принялась подсовывать ей забытые ненавистой сестрицей вещи прямо под нос. Пришла мама, стала допытываться, почему Наташенька ужинать не осталась? Что случилось? Уж не поссорились ли они? Нина Петровна принялась жаловаться на капризы молодой мамыши и на отказ есть полезную для ребенка пищу. Маленькому Вадику сейчас так необходимо полноценное питание!

— А кто поинтересуется, что мне необходимо! — закричала Ольга и смахнула тарелку с супом на пол.

— Дурит девка, — проворчала Петровна.

Ольга схватила сумочку, кинулась в коридор и, путаясь в рукавах плаща, с криками, как ей все осточертело, заявила, что поедет кататься. Даже мать ее остановить не посмела. Напомнила только, что следующее кормление через полтора часа, и посоветовала обратиться к врачу.

— Спасибо, мамочка! Так и знала, что твое самое горячее желание — снова меня в психушку упрятать, — парировала Оля и громко хлопнула дверью.

...Светящиеся и мигающие вывески зазывали сделать прическу, отовариться со скидкой, перекусить дарами моря. Но лишь одна, совсем блеклая и слегка поцарапанная картонка над входом в цокольный этаж здания привлекла Ольгино внимание: «Госпожа ВАНДА откроет для вас тайны бытия!»

Она остановилась, вышла из машины и, подумав про себя: «Вот глупость какая!» — зачем-то подошла к обитой дерматином зеленой двери, взялась за ручку и решительно потянула ее на себя.

Темная и шаткая лестница вниз неожиданно закончилась ярко освещенной комнатой. Приемная, если, конечно, ее так можно было назвать, была обставлена скромненько, но со вкусом. Пара мягких кресел, журнальный столик, на стенках развешены плакаты с лицами привидений, монстров и рок-музыкантов. Высокую стойку украшал букет из корявых сухих веток, на которых, как елочные украшения, болтались разнокалиберные черепа. Оля боязливо потрогала мрачноватую икебану — черепа оказались из пластилина. Неожиданно из-за приоткрытой двери послышался высокий мальчишеский голос:

— Короче, объясняю, как жертвоприношение организовать! Берешь крысу, но не беленькую из зоомагазина, а настоящую, с помойки!

Оля напряглась и поежилась. Однако стало безумно любопытно, что там за малолетний колдун такую жуткую смуту нагоняет, и она заглянула в комнату. Худющий подросток лет тринадцати кутался в широкий черный плащ, сосредоточенно чесал лопухую голову и, не обращая на внимания на весь окружающий его мир, грозно вещал в телефонную трубку:

— Подвешиваешь ее за хвост, пока она там визжит и верещит, вспарываешь пузо. Затем читаешь заклинание! Я текст точно не помню, у тетки спрошу...

Громко хлопнула дверь, Ольга от неожиданности вскрикнула и обернулась. Перед ней стояла женщина. На первый взгляд ничего особенного, просто женщина, лет тридцати, а может, и сорока, волосы в пучок собраны, платье серенькое, скромненькое. Только глаза у нее необычные, светлые, почти прозрачные, пронзительные, будто видят тебя насквозь, до самой твоей последней жилки и косточки.

— Вы на прием?

Ольга замаялась, промычала что-то невнятное, принялась кивать. Светлоглазой, видимо, ее пантомима наскучила, и она громко крикнула:

— Алик, балбес, опять по телефону болтаешь? А тут с улицы заходят все, кому не лень!

Выскочил взъерошенный «крысиный убийца» Алик и принялся оправдываться перед теткой, вернее перед госпожой Вандой, что ни на секунду из холла не отлучался. А как эта тетенька вошла, ему неизвестно, это все проделки демонов!

— Мальчик не виноват! Я объявление увидела, тайны бытия и все прочее, — вступилась Ольга за лопухого колдунишку.

Ванда устало махнула рукой и позвала ее за собой в комнату, предупредив, что прием у нее не бесплатный, к тому же достаточно дорого!

Они сидели за маленьким, круглым столиком напротив друг друга. Ольга озиралась по сторонам — стеклянные кристаллы, стальные кубки, кресты, баночки с порошками и кореньями. Ванда тоже внимательно ее рассматривала. Затем тихим и бесцветным голосом спросила, словно выдохнула: «Ты — вдова?»

У Оли закружилась голова. Когда все это началось, как рассказать? Такая долгая история! Женя, Женечка, любимый муж, единственный!

— Если бы вы его только видели, он был как солнце, вокруг него зима летом становилась. Выстрелил в себя, почему, зачем, ничего не понимаю! Ведь он для меня был всем! Мне и самой сейчас жить незачем! — Она застонала, закрыла лицо руками, согнулась пополам.

Ванда подошла к ней и опустила свои ладони ей на голову, крепко сжала виски. Руки были такие горячие, что слезы сразу высохли, и Ольга, захлебываясь, начала рассказывать. Она говорила, говорила, все никак остановиться не могла. Все самое затаенное, тайное, страшное, в чем бы она и самой себе под страхом смертной казни не призналась бы, легко и самопроизвольно выходило на волю.

Ванда отрешенно сидела в кресле и, казалось, совсем не слушала ее. Ольга, замолчав, бросила на нее торопливый взгляд, схватилась за сумочку, отсчитала положенную за прием сумму, вежливо поблагодарила и направилась к двери. На душе было непривычно спокойно, но слегка раздражала сама ситуация. Пришла к незнакомому человеку, расплакалась, лишнего наговорила... Уже у самой двери тихий голос, как дротик, безошибочно направленный в самое яблочко мишени, вонзился ей в затылок:

— Скажите, а почему вы решили, что он самоубийца? Его убили.

Ольга покачнулась и схватилась за дверной косяк.

В 8.30 утра, когда офисный трудовой люд еще только бодро маршировал по лестнице, входя под своды корпорации «ВИКА», Ирина Александровна была уже на рабочем месте. Секретарь Катерина раскладывала перед ней на столе многочисленные бумаги, сводки со строительных площадок, финансовые отчеты бухгалтерии, документы на утвердительную, всесильную подпись или категорический отказ.

— А это что? — ткнула пальцем Ирина в очередной белоснежный хрустящий листок. Под шапкой «Расписание на текущий день» и под пунктом номер 13 красовалась незатейливая надпись: «13.00 обед с мэром. Ресторан «Ротонда». — Позвони и отмени!

Катерина страдальчески задышала, закатила глаза, молитвенно прижала руки к груди:

— Ирина Александровна, пощадите! Мне каждый день раз по сто его заместитель звонит. Я с ним чаще, чем с собственным мужем разговариваю. Вы же сами согласились на дружескую, неформальную встречу!

Ирина раздраженно скомкала ни в чем не повинное расписание и метнула бумажный комочек в корзину. Грозная штормовая волна памяти всколыхнулась и безжалостно напомнила наглое, практически пиратское присвоение городской администрацией ее проекта торгово-развлекательного комплекса. Встречаться с многоуважаемым мэром ей совсем не хотелось. Знакомы они были давно, и никаких иллюзий по поводу морального облика и личностных приоритетов «городской головы» Ирина не питала.

...Когда после окончания ПТУ она вместе с друзьями начинала трудовую биографию на стройке, наказанием свыше для всех безалаберных

комсомольцев был мальчик Петя. Молодой инструктор райкома комсомола отвечал за сбор взносов, грязной работы не гнушался, лазил по этажам недостроенных высоток, бегал за экскаваторами, модными ботиночками месил жидкую грязь на разрытых под фундамент котлованах.

— Денисова, почему взносы за два месяца не заплатила? — кричал ей кудрявый херувим Петенька, отряхиваясь от цементной пыли.

Ирина посылала его куда подальше, друган Костя обещал спустить его «в свободном полете» с башенного крана, девчонки над ним смеялись. Но Петенька был настойчив, за каждую копейку партии бился, как за свою собственную.

— Вот какой вы народ несознательный! Две копейки жалеете, а комсомол на эти деньги развивающимся братским странам помогает! Заплатите за год вперед, я от вас и отстану!

Чтобы отвязаться раз и навсегда, ему совали рубль и только что не крестились, когда, исполнив святой долг юного строителя коммунизма, он гордо удалялся. Петенька быстро продвигался по карьерной лестнице, его послали в Москву на Всероссийский комсомольский слет. Потом он вступил в партию и стал выездным проповедником коммунистической религии для сочувствующих зарубежных товарищей.

В родном городе он снова появился в самом начале перестройки, на машине, в шикарном прикиде и с прибыльным бизнесом. Все модницы, от 16 и до ста шестидесяти, тайно бегали к нему на квартиру, чтобы отовариться невиданными заморскими чудесами и галантерейными товарами. А когда в 90-х начался глобальный разлом и раздел народного имущества, Петенька, как-то так невзначай, прикупил парочку заводов, домов, пароходов. Видимо, те комсомольские копейки и стали для него ступенькой, привстав на которую, удалось отхватить добрый кусок от «золотого пирога партии».

Компания «ВИКА» какое-то время специализировалась исключительно на строительстве загородных домов и коттеджей. Ирина со штатом сотрудников совсем недавно переехала из цокольного этажа своего дома в новое просторное помещение, именуемое, в соответствии последним тенденциям времени, «офис». Петенька, а теперь уже Петр Ефимыч, лидер созданной им партии «Наша Родина!», посетил их лично и пожелал разместить заказ на дачку.

— А помните, Ирина Александровна, нашу комсомольскую молодость? Какие мы были горячие, задорные!

Петеньке было совсем немного за тридцать, но гладкое личико херувима расплылось и порыхлело, наметилось брюшко, характерная «трудовая мозоль» всех «слуг народа». Однако белокурые кудряшки по-прежнему

благостным нимбом осеняли чело, и вид он имел, внушающий стопроцентное доверие.

— Домик хочу построить, небольшой, без излишеств. Будем там всей семьей с родителями жить, в тесноте, но не в обиде. Как все простые люди!

Проект постройки, по современным понятиям, был действительно сиротский: всего два этажа, сауны, колонн, средневековых башенок на куполообразной крыше, трехметрового кирпичного забора — не предусматривалось. Впрочем, Ирина Александровна совершенно не удивилась. Из достоверных источников ей было известно, что Петенька уже имел виллу в Италии, на юге Франции, а также квартиру в Нью-Йорке. В ближайшее время должны были состояться выборы на пост мэра, и в городе не осталось ни одного свободного столба, который бы не украшала фотография раздобревшего херувима. Исход политического марафона был предрешен!

...Ирина нажала на кнопку связи с секретарем.

— Катя, пригласи ко мне начальника службы охраны.

В запутанных переулках исторической части города, перед входом в недавно отреставрированный особняк первой половины XIX века остановились машина Ирины и джип с охраной. На фасаде почти игрушечного домика красовалась неестественно большая и слишком пафосная надпись: «Ресторан «Ротонда». Эта вывеска уже несколько лет водила в заблуждение гостей и жителей города. Любому желавшему посетить данную точку общепита вежливый швейцар доходчиво объяснял: «К сожалению, сегодня мы закрыты по техническим причинам. Санитарный день!» Недоумевающие граждане пожимали плечами и уходили, не солоно хлебавши, восвояси. На самом деле, ресторан был частной собственностью мэра и предназначался для встреч на высоком уровне, частных бесед и личных капризов.

Кузьма грузно выкарабкался из машины и решительно двинулся к входу. Юноша в черном костюме и гарнитурой в ухе молодецкато выпрямился:

— Петр Ефимыч ожидают! Госпожа Денисова должна войти одна. Без сопровождения!

— Этого не будет, — спокойно ответил Кузьма.

— Такова директива! — возмутился охранник.

Кузьма задумчиво взялся за пуговицу его пиджака и притянул парня к себе. Тот от неожиданности не удержал равновесие и чуть не свалился с крыльца.

— Послушай, мальчик, я такие директивы раздавал еще тогда, когда ты писать прямо не научился! Ирина Александровна войдет с охраной, либо не войдет вообще.

Юноша освободил из лап Кузьмы родную пуговицу и схватился за ухо:
— Я свяжусь с центром!

— Свяжись, свяжись, Штирлиц,— ворчливо передразнил его Кузьма.

Нарядный зал ресторана был пуст, массивная деревянная мебель, плотные бархатные гардины, не пропускавшие с улицы ни света, ни звука. За богато сервированным закусками столом, по-хозяйски развалившись, восседал мэр. Увидев входящую Ирину, он резво вскочил и протянул руку:

— Рад вас видеть, дорогая Ирина Александровна!

Официант легким профессиональным движением отодвинул стул. Ирина села, аккуратно расправила складки на юбке, предложенное мэром рукопожатие как бы не заметила.

Петр Ефимыч радостно суетился, собственноручно принялся придвигать фарфоровые тарелочки и нахваливать разнообразие и качество предлагаемых яств.

— Балычок астраханский! Икорка черная, рекомендую, сейчас большая редкость!

Ирина попросила воды без газа, с лимоном. У входа на кухню стоял молодой мужчина из гвардии Кузьмы и внимательно следил за действиями поваров и официантов, у входа в зал еще один. Сам Кузьма удобно расположился в соседнем пустом и темном зале. Вставил в ухо микрофон и сконцентрировался на беседе старых друзей.

— Слышал, вас можно поздравить с прибавлением семейства! Как самочувствие дочки, как внука назвали?

— Вадиком.

— Хорошее имя, настоящее русское! Жаль, такая неприятность с вашим зятем случилась, не увидел сына. Какой парень замечательный был, талантище!

Микрофон замолчал, даже сквозь невидимые проводки и коммуникации Кузьма почувствовал, какая опасная и мрачная повисла пауза.

Ирина отпила воды, осторожно поставила бокал на стол.

— Петр Ефимыч, вы меня пригласили семейные дела обсудить? Или о чем-то поговорить хотели?

Мэр заерзал на стуле, извинительно прижал ладонь к груди, изловчился укоризненно, но по-доброму покачать головой и одновременно примирительно улыбнуться. Русский театр, безусловно, горько рыдал о потере такого талантливой и многоплановой лицедея.

— Как же вы умеете сразу с места и в карьер!

Он прихлопнул в ладоши — стоящие полукругом официанты, как по команде, неслышно исчезли, — после чего разразился монологом, который

по накалу страстей не уступал кающимся в содеянных грехах персонажам древнегреческих трагедий Софокла и Евклида.

— Я ведь не зря Евгения Львовича вспомнил, это ведь из-за его проекта между нами недопонимание произошло. Кто же знал, что он нам не свою интеллектуальную собственность предлагает, а готовые разработки компании. Я ведь знал, что он ваш сотрудник. Но он все так логично объяснил! Сказал, что уволился, не хочет, мол, дела семейные и бизнес смешивать!

Ирине очень хотелось вцепиться зубами в край стеклянного бокала, сгрызть его до дна, а потом покусать самого мэра, но это была совершенно не осуществимая «розовая мечта». Мэр тем временем бережно промокнул бумажной салфеткой влажный лоб, быстро осушил бокал красного вина, налил второй.

— Прекрасное «Божоле»! Прошу прощения, не предлагаю, знаю, не приветствуете.

Залпом проглотив живительную влагу, он приступил к решающему акту своего драматического покаяния. Сквозной была ключевая фраза: «Простите старика, бес попутал!» Он и сам не понимал, как ему в голову пришло обратиться к Ирининым партнерам и предложить свои услуги, видимо, какое-то помрачение рассудка случилось. Уже сто раз пожалел, что с этим строительством связался! Заказчики оказались просто звери, совсем со своим торгово-развлекательным монстром замучили. А город не справляется, необходимых ресурсов нет, и текущие расходы никто не отменял. Вот и появилась новая замечательная идея передать заказ на строительство корпорации «ВИКА». Конечно, официальным застройщиком по-прежнему остается город, и все инвестиции, финансовые расчеты пойдут исключительно через администрацию. Но схема вполне проста и логична — «ВИКА» работает, за это по разнарядке оплату получает, а мэрия руководит, процесс курирует. Всем хорошо и удобно!

Петр Ефимыч был настолько убедителен, что даже старик Станиславский, не задумываясь, ударил бы с ним по рукам, приговаривая свое коронное: «Верю, верю!»

Докапав в свой бокал последние остатки французского виноградного нектара, мэр расслабил узел галстука и довольно откинулся на спинку стула:

— Жарко как, все время пить хочется!

Ирина, до этого сидевшая молча, вдруг рассмеялась:

— «Божоле» не совсем тот напиток, чтоб жажду утолить!

— Зачем же так! — покраснев, обиженно пробормотал Петр Ефимыч.

А Ирина все хохотала и никак не могла остановиться. Кузьма, сидевший в соседнем зале, даже резко выдернул микрофон наушника. Громкий

смех Ирины бил ему прямо в висок, казалось, разбиваются и разлетаются оконные стекла, лопаются хрупкие длинноногие бокалы, угрожающе звенят и качаются хрустальные подвески на люстре.

— Прямо картинку вижу, как я к вам за зарплатой прихожу! Вот, Петр Ефимыч, накладные на цемент, на арматуру, подпишите, будьте любезны! А вы мне: «Зачем такие дорогие брали? Нет у города денег, нам «День бегуна» провести надо! Мы вам потом заплатим, как деньги будут». Всегда приятно жар чужими руками загребать, не так ли?

— Вы забываетесь, Ирина Александровна!

— А мне кажется, это вы забыли, что ни «ВИКА», ни я лично никогда ни на кого не работали. Только на себя!

— Все может измениться, — угрожающе прошипел мэр.

— Даже знаю, как! У меня все руки не доходили встретиться с заказчиками и детально объяснить ситуацию, но теперь я эту оплошность исправлю. Я о долгах никогда не забываю, всегда отдаю! Будь то деньги или непосредственно человеческий фактор. Всего хорошего и спасибо за обед!

Послышался звук отодвигаемого стула, цокот каблучков по направлению к двери, сдавленный мат вслед уходящей женщине и звон в сердцах брошенного на пол бокала.

«Ну, вот и поговорили», — подумал Кузьма, выключая микрофон. В рацию он отдал короткий приказ снимать оцепление и встречать объект у входа.

Домой Ирина вернулась поздно, ужинать не стала, поднялась к себе в кабинет. После сегодняшней встречи с многоуважаемым мэром она перебрала сотню вариантов кровной мести зарвавшемуся и наглому чиновнику, но потом успокоилась. Что с дурака взять, наверное, всемогущим держателем брэнной земли себя считает! Конечно, потраченного на проект времени и потерянных денег жаль, ну, да ладно, главное, все живы и здоровы, будут силы — заработает. Было еще что-то неясное и тоскливое, от чего ныло в висках, и дрожала вена на шее, но думать и вспоминать об этом она себе строго запретила.

В дверь тихо постучали, и на пороге показалась дочь Ольга.

— Мама, ты занята? Поговорить надо.

— Заходи, — улыбнулась Ирина.

Дочь, однако, на приглашение не откликнулась, остановилась в дверном проеме и уставилась на васильковый ковер в центре комнаты, где год назад обнаружила тело убитого Евгения.

— А ты можешь в столовую спуститься?

Ирина внимательно проследила за взглядом дочери, все поняла и, поднявшись, спокойно пошла к двери прямо по центру голубого пушистого чуда, творения рук арабских мастеров.

Оля суежилась у стола, расставляла тарелочки с закусками, нарезала сыр, посыпала его свежей зеленью. Только сейчас Ирина заметила, что дочь одета во все черное, на голове темный платок.

— Это банкет или маскарад? — не удержавшись, спросила она.

Оля на шутку не ответила, убежала на кухню и вернулась с распечатанной бутылкой водки. Поставила ее на стол, грустно улыбнулась:

— Сегодня ровно год, как Жени не стало. Конечно, ты не помнишь! Наверняка компанию «ВИКА» ждут новые, великие перспективы, и ты очень занята.

Проклятая вена на шее задергалась, затрепыхалась с такой силой, что казалось, еще чуток, и вырвется за пределы тела. Ирина рефлексивно приподняла воротничок блузки, чтобы прикрыть подлую предательницу и не выказать волнения.

— Так мне следовало по этому поводу званый ужин устроить?

Оля повела себя странно, обижаться, плакать, возмущаться не стала, присела на край стула и, низко опустив голову, тихо проговорила:

— Мне сказали, так полагается, мол, традиция такая, посидеть с близкими, покойного вспомнить.

Ирина обняла дочь, ей так хотелось защитить свою маленькую девочку от большого и несправедливого мира. Зачем мучить себя воспоминаниями, жизнь продолжается. У нее есть все — молодость, красота, здоровье. А любовь еще будет, обязательно будет!

Ольга, как в детстве, прижалась к ней всем телом, обняла двумя руками за шею и прошептала:

— Нет, мама, ничего у меня больше не будет...

Они сидели так долго, Ирина укачивала свою взрослую, но по-прежнему такую хрупкую и доверчивую дочку. Наконец Оля успокоилась, даже щеки у нее порозовели. Придвинула граненые стопки и стала разливать водку.

— Надеюсь, ты пить не собираешься? Для Вадика это неприемлемо! — глядя на ее действия, заметила Ирина.

— Нет, конечно, но пусть постоит. Я вот что хотела спросить, мама, где можно частного детектива найти?

— Это еще зачем? — Ирина даже закашлялась от удивления.

— Мне кажется, полиция не все возможное сделала, чтобы убийство Жени раскрыть. У меня новые сведения появились, вернее подозрения. Хочу разобраться!

— Об этом лучше Кузьму спросить. Он что-нибудь посоветует, — еле выговорила Ирина, ей вдруг стало трудно дышать.

— Спасибо, мамочка! — кивнула Ольга и подняла наполненную рюмку: — Пусть земля Жене будет пухом!

Первый и последний раз в своей жизни Ирина пила водку после взрыва машины и гибели друзей, больше такого желания у нее не возникало. Но сейчас рука сама ухватилась за граненые бока рюмки и одним махом опрокинула ее содержимое внутрь. Жар огненной рекой пробежал по всему телу.

— Пусть будет! — громко выдохнула она.

Кузьма стоял у окна и курил, а в кабинете следователя Сегинюка шла настоящая бойня. Ольга стояла, изогнувшись над столом, как очковая кобра, орала прямо в лицо потрепанному нелегкой ментовской жизнью старшему оперу убойного отдела.

— Я требую, чтобы по этому делу следствие было возобновлено!

Сегинюк остервенело метал ей под нос папки с документами, заключения экспертов, показания свидетелей.

— Ольга Вадимовна, у вас вокруг дома камеры по всему периметру, никого из посторонних на территории зафиксировано не было!

Само дело было передано в архив за неимением прецедента для дальнейшего разбирательства. Ольга пообещала поставить на вид непосредственному начальству некомпетентность сотрудника правоохранительных органов, который категорически не желает заниматься своими непосредственными обязанностями. Пригрозила также написать в министерство юстиции и отправить его на пенсию в чине рядового.

Сегинюк стукнул кулаком по столу, столешница хрустнула и накренилась, на пол посыпались нехитрые канцелярские принадлежности.

— Учтите, я ни перед чем не остановлюсь! Хочу, чтобы вы нашли убийцу моего мужа! — яростно кричала Ольга.

Кузьма закурил следующую сигарету и отвернулся к окну. На улице моросил мелкий дождик, серое небо, казалось, нависло над самыми крышами домов. Под левой лопаткой все время тянуло и стреляло, наверное, к перемене погоды.

«Как она все-таки на Ирину похожа», — подумал он.

...Андрей Кузминков вырос в военном городке. Вернее, в его жизни их было великое множество, маленького Андрея все время куда-то перевозили — на Урал, на Украину, в степной Казахстан. Папа, капитан Советской армии, вместе с семьей исколесил всю обширную территорию Советского Союза. Андрей жизнь на чемоданах и колесах считал делом обычным, ему это даже нравилось. Как-то папе предоставили очередной отпуск, и семья поехала в Ленинград, навестить бабушку. Из дверей большой, густо населенной коммунальной квартиры навстречу им выпорхнула субтильная старушка, с пергаментной кожей и накрахмаленным жабо под остреньким

подбородком. Сухонькими лапками горячо обняла Андрея и запричитала: «Боже мой, как он на моего рара похож!»

Пока родители носились по столичным магазинам, закупая впрок провиант, бабушка занималась внуком. Усадив шестилетнего мальчика на диван, вместе они рассматривали посеревшие от времени страницы семейного альбома. Вот она, юная гимназистка, в белоснежном фартуке и соломенной шляпке. Опять она, но уже с родителями — дама, затянута в корсет, офицер в португее и эполетах. Мужчина с безупречной выправкой положил одну руку на эфес клинка, а вторую опустил на плечо жене. И через годы, через все старания беспощадного времени, на черно-белом помятом снимке ясно виделось, этот человек будет защищать до последней капли крови своих близких, свою Родину, свою честь. Была еще одна фотография — бабушка в косынке с пухлым карапузом на руках. Рядом с ней стоял парень в гимнастерке и буденовке, нежно обнимал за плечи. Лицо у него было счастливое. Еще бы, впереди такая прекрасная и долгая жизнь, любимая жена и долгожданный сын!

— Это твой дедушка, тебя в честь него назвали. Он был командир Красной армии и погиб под Сталинградом, — объяснила бабушка. — Мы в блокаду все пожгли, чтобы согреться: мебель, книги, но эти бесценные снимки я сохранила!

Андрюша водил пальчиком по шершавой обложке альбома, там был небольшой рисунок, какие-то палочки, загогулилки, всадник на коне, несколько непонятных слов внизу. Читать он уже умел, но тут почему-то не получалось.

— Бабушка, а это что?

Старушка, видимо, по давно укоренившейся привычке, боязливо оглянулась на закрытую дверь, плечики у нее напряглись и задрожали, она склонилась к внуку и зашептала:

— Фамильный герб, в нашем роду все мужчины были военные. А написано на латыни: «Сражайся, защитник, за правое дело!»

Андрей надолго запомнил эту поездку. Когда окончил школу, проблемы выбора дальнейшего жизненного пути перед ним не стояло. Если испокон веков его предки сражались и защищали, прямая дорога вела в военное училище. По окончании высших командных курсов младшего лейтенанта Андрея Михайловича Кузминкова, отличника боевой и политической подготовки, родина направила исполнять интернациональный долг в Афганистан. Братская помощь по поддержанию социалистической революции, а, проще говоря, война, длилась 9 лет, один месяц и 18 дней. Он пробыл там чуть меньше, всего восемь лет. СССР средств на обучения своих специалистов не жалело, молодые профессиональные военные умели стрелять из любого оружия, водить все, что двигалось, в рукопашной счет шел

один к десяти головам противника. Поэтому Андрея определили командиром подразделения спецназа. В Афгане их любовно называли «рэмбовики», по аналогии с отчаянным и безумным одиночкой Рэмбо. Моджахеды и душманы, завидев спецназовцев, вероятно, обреченно и облегченно вздыхали: вознесение на небеса к Аллаху и прекрасным гуриям ожидалось незамедлительное. За эти годы он пережил многое, несколько ранений, потерю боевых товарищей, уничтожение кишлаков, которые давали приют повстанцам. Когда первый раз увидел, что осталось от захваченного в плен молодого солдата, которого моджахеды подвергли изощренной пытке «красный тюльпан», и широкие пласты кожи и куски мяса, свисающие лепестками по бокам, подумал — ничего страшнее не бывает. Оказалось, ошибался! Особенно страшно становилось по ночам, когда во сне приходили кровавые отблески дня, а среди них полупрозрачная в своей худобе старушка со словами: «Наш фамильный девиз — сражайся, защитник, за правое дело!» За какую великую идею гибли мальчишки на этой войне, по какой необходимости он убивал, Андрей не рассуждал и мертвых не считал. Непонятно и неизвестно! Скорее всего, нужно было сказать спасибо какому-то старому козлу у власти за эту бесславную и бессмысленную мясорубку!

Но вскоре времена изменились. Когда Горбачев объявил окончание войны, вывод советских войск и перестройку, майор Кузминков, в миру просто «Кузьма», вернулся домой. Мобилизовался и пошел служить в милицию. Мир вокруг удивлял, уходил служить он из одной страны, вернулся совершенно в другую. На войне все было гораздо проще, тут свои — там чужие, а первые годы перестройки, с водоворотом свободы и гласности, казались хаосом. Разобраться в криминальной ситуации не было никакой возможности, кто мент, кто бандит, кто коммерсант, грань была тонка и почти не заметна. Пару раз за раскрытие преступлений его вызывали на ковер, начальство настойчиво советовало «быть не таким настойчивым», а подсудимых, как правило, уважительно провожали до входа и выпускали под подписку. Бритоголовые, новые хозяева жизни, подходили с заманчивыми предложениями бросить всю эту бодягу и вступить в бригаду, жизнь обещали жирную, «бабло» нормальное. Кузьма шутливо отмахивался: «Служить бы рад, прислуживаться тошно!» Однако жизнь диктовала свои законы. Ежемесячную зарплату в милиции, как и всем остальным бюджетникам, государство платить не спешило, а нужно было пожилых родителей-пенсионеров поддерживать, да и самому как-то перекантовываться. Сосед по лестничной площадке, Димон, в бизнесмены пошел, поднялся, несколько палаток с шоколадками, конфетками и сигаретками содержал. Подкатил он к Кузьме по-простому, по-дружески:

— Слышь, Кузьма, меня конкуренты прессингуют, шпану всякую подсылают, ларек один подожгли. Ты бы помог мне с этими отморозками разобратся, за мной не заржавеет!

Кузьма пожалел приятеля, парень он был вроде нормальный, когда школу заканчивали, вместе на танцы кадриться с девчонками бегали. Позвонил паре своих однополчан, которые тоже не знали, чем себя занять в новом мире рыночной экономики, вместе отловили злодеев, помяли им слегка бока, в следующий раз пообещали руки и ноги оторвать и местами поменять. Димон на радостях дневную выручку своих ларьков им отвалил. Взяли мужики закуски, бутылочку «Столичной», сели выпить и товарищей павших помянуть.

— Нормально твой Димон живет! Я уже и забыл, когда колбаску кушал, — сказал Санек.

Служил он в подразделении Кузьмы три последних года войны, парень был бесстрашный, надежный, войну с тяжелой контузией и в капитанском чине закончил.

— И заметь, никакого нарушения кодекса! Встретились серьезные мужчины, вежливо поговорили и мирно разошлись, — размышлял очкарик Миша.

В армию его забрали срочником, очередную сессию на юрфаке он с треском завалил. Друзья называли его просто «Юрист», за крепкие базовые знания уголовного права.

— Давайте, за наших! — поднял стакан Кузьма.

...Работу свою они организовали по-военному, оперативно и четко. Разделили район на квадраты, посчитали коммерческие точки, прикинули свои боевые ресурсы, возможные варианты наступления, обороны и вынужденного отхода на выжидательные позиции. Можно было смело заходить в любую контору и начинать «задушевную» беседу с владельцем, предлагая решить проблему мирным путем. А проблем было более чем достаточно, «по-черному» оформленные документы, неуплаченные налоги и таможенные пошлины, нарушения трудового законодательства. Времена смутные, куда ни плюнь, в Уголовный кодекс попадешь! Бизнесмены внимательно слушали, удостоверение следователя убойного отдела, майора Кузминкова, внимательно разглядывали. Как правило, не ожидая обещанных проверок и прочих организованных неприятностей, соглашались перейти под защиту органов за умеренную месячную оплату.

В один из таких дней Кузьма и его ребята спустились в цокольный этаж жилого дома, где над входом красовалась яркая вывеска: «Строительная компания «ВИКА». Фурор они произвели знатный. Крупная деваха, видимо, секретарша, заголосила на родной малоросской мове. Трое парней

в расписных футболках с ликами Горбачева и Виктора Цоя дружно попрыгали за чертежными досками. Кузьма без колебаний шагнул за перегородку, где положено сидеть начальству. За столом, заваленном бумагами, что-то сосредоточенно писала лохматая девчонка.

Кузьма сел напротив, девица в его сторону даже головы не повернула.

— Ну что, милая, будем проблемы решать?— прикрыл он своей ладонью ее крохотную ручку.

— Я тебе не милая, и проблем у меня нет! — Два прищуренных глаза вперились в него из-под неровно постриженной челки.

Кузьму словно током ударило. По-разному люди смотрят: когда ранение в живот — это одно, когда моджахед на себе пояс смертника затягивает — это совсем другое. Но такого взгляда, как у этой барышни, он еще не видел. В этом взгляде сквозила беспощадная и холодная решимость в любом случае, в любой ситуации идти до конца!

Демонстрация всесильной «корочки», убеждения о пользе выгодного сотрудничества, недвусмысленные намеки на возможные неприятности своего действия не возымели.

Девчонка выскочила из-за стола, одним прыжком взлетела на табуретку, с верхней полки стеллажа вытащила увесистые папки и швырнула на стол, обдав Кузьму облаком пыли.

— Мой бухгалтер до перестройки в Минфине работал, а юрист — на оборонном предприятии. Так что можете всем МВД в пыль бумажную закопать, хрен что найдете!

— Деньги — зло, господь велел делиться, — заметил Кузьма.

— А ты как давно деньги-то в руках держал? — усмехнулась девчонка. — Забыл, наверное, как они и выглядят!

Кузьма разозлился, да кто она такая, сама от горшка два вершка, шейка тонюсенькая, двумя пальцами переломить можно, а выступает так, будто за ней полк солдат с ракетными установками стоит.

— Грубите, барышня! Маски-шоу устраивать будем?

Пигалица пригладила ладонью непослушную челку и милостиво улыбнулась:

— Устраиваться, майор, будешь ты — ко мне на работу! И друзей приводи, мне нужны парни, в боевых ситуациях опытные, в юридических вопросах ушлые. Одно условие — работаете только на меня, зарплатой не обижу!

Кузьма от удивления еле сдержался, чтобы не встать и по стойке «смирно» не вытянутся.

Так он познакомился с Ириной Денисовой.

Парни его долго ржали над выгодным предложением, особенно веселился Санек.

— Тоже мне, генеральша сопливая нашлась! Да чтобы мной, боевым офицером, баба командовала, не будет такого!

Но, встретившись с Ириной, съездив с ней на пару-тройку не простых бизнес-переговоров, мнение свое категорически поменял:

— Ирина Александровна — женщина серьезная, слово всегда держит!

Конкуренты наседали, цены сбивали, по-научному это называлось «демпинг». Каждый, как мог, боролся за свое место под солнцем в условиях развивающейся рыночной экономики. Ирина собрала свою гвардию и с помпой подъехала на площадку, где возводился трехэтажный особнячок. Проект сделала ее компания, все начертили, посчитали, а через неделю капризный клиент пошел на попятную. Цены, мол, нереальные, и вообще дорого!

И это был уже не первый случай обидного отказа.

Затрапезного вида мужичонка, бурно жестикулируя руками, кинулся им навстречу:

— Здесь частная территория, вы не имеете права!

Прораба быстренько скрутили и поволокли в дом. Там человек десять рабочих не славянской наружности, громко перекрикиваясь на своем родном языке, неумело месили бетон.

Ирина, как фурия, влетела на этаж, подскочила к гастарбайтерам, проговорила четко и по слогам:

— Как ваша фирма называется? Кто хозяин? Кто вам деньги платит?

Те лишь непонимающе трясли головами и махали руками в сторону прораба.

— Ты, что ли, сморчок вонючий, это стадо пасешь? Они у тебя за еду или за обувку новую работают? — заорала Ирина.

Прораб верещал, грозился, что вот хозяева подъедут, мало никому не покажется. Санек, чтобы успокоить страдальца, пару раз, не сильно, заехал ему по почкам. В скором времени, действительно, подтянулся темно-синий «мерин», из него вывалился здоровяк в бордовом пиджаке в окружении охраны. Личность в определенных кругах известная, и «погоняло» было у него солидное — «Болт».

Кузьма с сотоварищами занял выгодную боевую позицию для встречи гостей.

— Как стрельба начнется, на пол падай и в сторону откатывайся, — шепнул он Ирине.

Мужчины стояли молча, наведя друг на друга оружие, напряженно выжидали, кто первый занервничает и сорвется. Рабочие заблаговременно попадали на пол, прикрыв головы руками. Кузьма и не заметил, как Ирина неслышно вынырнула из-за его спины и сделала небольшой шаг вперед. Распахнула куртку и мягко заговорила:

— Смотри, Болт, я пустая, «железа» нет! Отойдем, поговорим.

Три ствола моментально направлены развернулись на маленькую женщину.

— Болт, у меня двое детей, мне пули не нужны, — спокойно продолжала она.

Болт положил руку на плечо стоявшему рядом охраннику и согласно кивнул. Они отошли в сторону. Кузьма по-прежнему держал противников под прицелом, но краем глаза наблюдал за этими двоими. Лысый здоровяк Болт и мелкая Ирина, в длинном, дорогом пальто и небрежно заколотыми волосами, смотрелись весьма комично. Слон и моська! Они обменялись визитками, церемонно пожали друг другу руки, тихо о чем-то переговорили, после чего Ирина подошла к свежей кирпичной кладке, провела пальцем, подцепила излишек цемента, сунула его здоровяку под нос:

— Не знаю, что эти работяги у себя дома делали, помидоры собирали или овец пасли, но то, что кроме сарая, крытого сеном, ничего не строили, это точно! Зимой, как морозы начнутся, трещины по всему периметру пойдут.

Болт удивленно закрутил головой по сторонам, а Ирина, вскинув руку вверх, заговорила еще громче и увереннее:

— Сюда, Игорь Владимирович, гляди! Видишь, как перекрытия положили? Готовь тазики и тряпки, зальет вас. Это я тебе, как строитель со стажем, обещаю!

По лицу Игоря Владимировича пошли красные пятна, на лбу выступили капельки пота, и он как раненый тореадором бык взревел:

— Это что ж получается! Меня, за мои же деньги, как лошину сладкую разводят!

Охрана попрятала пистолеты и кинулась утешать несправедливо обиженного и разъяренного шефа. Ирина в окружении этих «шкафов» казалась букашкой.

— Тебя конкуренты достают? Меня тоже! Ты мне, Игорь Владимирович, только скажи, что за черти беспредел творят? Вместе разберемся!

— Да не вопрос, Ирина Александровна! Я этих уродов сам урою, разнесу их богадельню по полочкам!

Прораба погрузили в машину, и смешанная бригада отправилась навещать его непосредственное начальство. Юрист получил задание оформить документы так, чтобы завтра этой конторы и в помине не существовало. Недурно было бы и с остальными конкурентами таким же образом разобраться. Монополия на рынке — вещь прибыльная! А для города вполне одной строительной компании достаточно, и пусть это будет «ВИКА». Ирина и Болт договорились о встрече. Она пообещала пересмотреть ценовую политику, сдать объект в лучшем виде и в рекордные сроки.

Глядя вслед идущей к машине Ирине, один из охранников присвистнул и смачно сказал:

— Крутая телка!

Кузьма только голову повернул, но Болт его опередил, отвесил подчиненному увесистый подзатыльник и уважительно проговорил:

— Ирина Александровна — женщина серьезная!

Но только Кузьма знал, какая она на самом деле, ведь день, он обманчив, все самое главное происходит ночью. Как легко ложатся на плечи тонкие руки, как устало и доверчиво склоняется светловолосая голова к нему на грудь. Бесстрашная птичка-невеличка! Поднять ее как пушинку, посадить на плечо, да вот так по жизни и нести, от всех бед и напастей оберегая. И были еще две маленькие девочки, которые с радостным визгом неслись к нему навстречу, висли с двух сторон на рукавах пиджака.

— Дядя Кузя, как хорошо, что ты пришел! А то мама все на работе да на работе!

— А когда ты нас в зоопарк поведешь, ты ведь обещал?

— Оленька сегодня на уроке математики миллион в обратную сторону прямо вслух пересчитала!

— А Наташа мне бантик бусинками расшила, теперь я самая красивая буду!

— Дядя Кузя, ты не уходи, посиди с нами, а то мамы все нет и нет!

Кузьма для них и для их матери на все был готов, сказала бы с самолета без парашюта прыгнуть, прыгнул бы, не задумываясь.

Только один раз они сильно поссорились, он даже уйти хотел.

В тот черный день можно было бесконечно щелкать пультом телевизора, по всем каналам шла только одна программа. Лысеющий отличник в круглых очках, которого, по иронии судьбы, на этот раз выставили крайним, очень серьезно зачитывал очередное правительственное заявление. Голос у него слегка дрожал.

— Государство объявляет себя банкротом и временно приостанавливает выплаты долговых платежей народонаселению.

На улицах города творилось что-то невероятное. Люди толпились у закрытых наглухо дверей банков, с криками и воплями брали на абордаж пункты обмена валют. Пессимисты скупали в магазинах муку, крупу и подсолнечное масло, а оптимисты пили «горькую». Новомодное слово «дефолт» было у всех на устах, в умах и сердцах!

Ирина обезумевшей тигрицей металась по своему офису, сметая все на своем пути.

— Меня ведь предупреждали! Банкиру нашему говорю, хочу деньги вытащить, а он на дачу собирается. «В понедельник, Ирочка, увидимся!»

А ведь знал, скот, все знал! И что теперь, конец? Ни денег, ни бизнеса, все псу под хвост! А как же «ВИКА»? Я не могу, я права не имею ее потерять!

Когда подъехали к дому банкира, она все так же остервенело колотила в запертую дверь ногами, поднимала с земли камни и метала в наглухо закрытые окна. Пока разбитые стекла брызгами разлетались в разные стороны, Санек и Юрист отыскивали сторожа. Напуганный старик поведал, что хозяин с семьей отбыл 15 минут назад, за границу, на отдых. Кузьма набрал номер знакомого полковника ГАИ, попросил организовать операцию «Перехват». Пусть его орлы полосатыми палками помашут и немного денег заработают!

Белый «мерседес» остановили почти у самого аэропорта. Гаишники в дела семейные решили не вмешиваться, а только издали наблюдали, как подъехало несколько иномарок, как высыпали оттуда крепкие парни, вытащили водителя «мерса» на улицу, били не долго, но со знанием дела.

Ирина сама рук не распускала, стояла рядом и мстительно шипела:

— Врежь ему еще, Санек, чтобы хорошенько вспомнил, по каким офшорам депозиты раскидал. Ты, гад, мне все вернешь, все до копеечки!

Жена банкира билась в истерике, пожилая дама лет шестидесяти прижимала к себе маленького мальчика и истошно голосила.

— Звери, нелюди, ребенка не трогайте!

Кузьме все это светопреставление совсем не нравилось. Он отдал приказ рассадить пострадавших по машинам, а мальчика Юристу доверил.

— Куда вы нас повезете? — прошамкал разбитым ртом банкир, передних зубов у него значительно поубавилось.

— Как куда, домой! Подвал у вас комфортабельный, с отоплением? — ответил ему Кузьма.

Четырехлетнего мальчика звали Костиком, пожалуй, он был единственный, кому дорожное происшествие понравилось. Большие, сильные дяденьки передавали его друг другу на руки, показывали блестящие пистолетики, долго катали на машинке. Определили его домой к Ирине, девчонкам объяснили, что маленький гость задержится примерно на недельку. Оля и Наташа очень обрадовались, купали малыша в ванной, качали на качелях, наряжали и с ложечки кормили.

— Мамочка, он такой хорошенький, давай его себе оставим! Я всегда братика хотела! — предложила Оленька.

Кузьма и сам бы от такого Костика не отказался. Даже Ирина стала дома чаще появляться, а не на работе до глубокой ночи пропадать.

Один Санек страдал, ему поручили детей охранять.

— Ирина Александровна, пощадите, больше не могу! Я даже в Афгане ни в одном рейде так не уставал! Я ж боевой офицер, а не нянька! — со слезами на глазах жаловался капитан.

Ирина улыбалась, Кузьма отдавал короткий приказ: «Отставить пререкания!»

Банкир, отсидев три дня на водной диете, что, в принципе, совсем неплохо для здоровья, подписал все необходимые документы по возврату платежей. Как компенсацию за моральный ущерб, в присутствии надежного нотариуса, на имя Ирины оформили дарственную на дом. Ему он был совершенно и не нужен, так как семья в полном составе выезжала на постоянное место жительства в Израиль.

По дороге в аэропорт Костик хныкал и капризничал:

— Играть хочу, домой хочу, к Оле и к Нате!

— А на самолетишке полететь хочешь? — развлекал его Кузьма, и малыш в ответ доверчиво кивал.

В зоне вылета, у стойки регистрации, нервно ерзало семейство банкира. Кузьма ссадил ребенка с плеча на пол и вытянул вперед руку:

— Смотри, кто там стоит?

Костик присмотрелся и, увидев маму, радостно побежал ей навстречу. Потом остановился и нерешительно оглянулся, словно выбирая, с кем лучше остаться.

— Иди, Костик, иди, — одними губами прошептала Ирина.

Банкир рванулся вперед, подхватил малыша на руки, женщины похватили сумки, и все спешно скрылись в толпе пассажиров.

Домик себе банкир неплохой отгрохал! Хотя Ирина говорила, ерунда, примитив и без фантазии. Она собиралась еще этаж достроить, в подвале бассейн сконструировать, на лужайке корт для большого тенниса организовать. Ей, конечно, виднее, но Кузьме и так нравилось! Вот было бы здорово девчонкам братика родить, а потом дожидаться, когда внуки да внучки пойдут. Он представлял, как все будут тут шуметь, носиться, и от одной этой мысли сердце замирало и сладко щемило.

Только Ирина его настроений совсем не разделяла. Приехали они в очередной раз дом посмотреть. Все так хорошо было, она по этажам носилась, прикидывала, фантазировала и своими «наполеоновскими» планами упивалась.

А он возьми да скажи:

— Нельзя же только ради работы жить, надо и о себе подумать!

Ее будто перевернуло, всю веселость как рукой сняло, и она с побледневшим лицом процедила сквозь зубы:

— Есть «ВИКА», и первую очередь я должна думать о ней! Я слово друзьям дала, они за нее жизнь положили. И я костью лягу, но «ВИКА» победителем станет! А девчонки вырастут, поймут, что это все ради них было сделано.

Кузьма даже дар речи потерял, «ВИКА», данное друзьям слово, дочери и еще, наверное, целая череда наиважнейших дел и обязанностей.

— А я, я для тебя кто и на каком по счету месте?

Ирина промолчала, только плечами пожала. Тут Кузьма по-настоящему разозлился:

— Пес цепной, чтобы день и ночь на страже стоял, да только в дом не просился! Так ты себе нашу жизнь представляешь?

Ирина села на лестницу и, закрыв лицо руками, прошептала:

— Я, Кузьма, в своей жизни только однажды плакала, второй раз не стану. Не мучь меня! Хочешь, уходи, держать тебя права не имею!

Как было объяснить упрямой бабе, что не хочет он уходить, хочет всю жизнь вот так рядом, рука об руку, и до самой смерти. А она все говорила и говорила, несла что-то невнятное, про какую-то каменную стену, за которой только расслабиться и стареть можно, а ей, видите ли, вперед и вперед идти надо.

— А вместе со мной нельзя?

— Нет, у тебя вперед не получится!

Кузьма вышел, да так дверями хлопнул, что все стены дома закачались, а в коридоре ему на голову люстра обрушилась. Пока он осколки и штукатурку с себя соскребал, а Ира вопила, куда он подевался, и что случилось, успел только подумать: «Знать, судьба, навсегда здесь останусь».

Сигарета дотлела до самого фильтра, обожгла пальцы, и Кузьма, чертыхнувшись, обернулся.

Насупленная Ольга, стоя в дверях и не глядя на следователя, церемонно проговорила:

— Андрей Михайлович, жду вас в машине! — и вышла, демонстративно не закрыв за собой дверь.

Следователь проводил ее тяжелым, ненавидящим взглядом.

— Дочка — вылитая мамаша! Я только раз ей позвонил, спросил, какие у нее были отношения с зятем, так уже на следующий день в Генеральную прокуратуру вызвали. Два генерала на меня, как на щенка нашкочившего, орали, а я, поджав хвост, по стойке «смирно» стоял. Как ты этих баб терпишь?!

Кузьма вздохнул. Сегинюк был мужик хороший, мент правильный, но разве объяснишь ему все это. За окном серые тучи совсем заволокли небо.

— Смотри, какое небо, как в Афгане зимой. Помнишь?

Знакомы они были еще в той, далекой и иной жизни. Подразделения МВД смежниками являлись, вместе с ними в боевых операциях участвовать приходилось.

Сегинюк несколько минут молчал, потом встал, подошел к сейфу, достал опустошенную наполовину бутылку водки и поставил на стол.

— Я, Кузьма, все помню. Как пацанов наших в цинковых ящиках домой отправляли, как из окружения выходили, как ты меня через перевал на себе тащил. Но сейчас-то мне что делать?

— Ничего не делай. Отправь официальное письмо вдове, что послал запрос на пересмотр дела. А там как-нибудь само рассосется, со временем забудется, — ответил Кузьма, выходя из кабинета.

Ольга сидела в машине и, ожидая его, курила. Открыв дверцу, Кузьма праведно возмутился:

— Это что такое? Ты же не куришь!

Она повернула к нему распухшее заплаканное лицо и шмыгнула носом:

— А вот теперь курю! Только, дядя Кузя, вы маме не говорите.

Выбросив окурочок в открытое окошко, Ольга уронила голову ему на грудь и громко разрыдалась. Мир отвратителен, жизнь безобразна, вокруг одни подлецы и сволочи, никто, никто не понимает ее страданий и не желает помочь. Кузьма знал ее с самого детства, никогда она вздорной злоюшкой не была. Что с девчонкой происходит?

Ольга правым указательным пальцем, вытянутым в виде пистолета, несколько раз ткнула себя в левый бок.

— Ну почему, почему он так стрелял? Это же неудобно!

— На себе не показывай! По-твоему, когда ружье в рот вставляют и бо-сой ногой на курок нажимают, комфортнее? — как мог, успокаивал ее Кузьма. — И вообще, откуда у тебя какие-то новые сведения появились?

Ольга долго сморкалась в кружевной платочек, рылась в сумочке, что-то перебирая в ней. Кузьма терпеливо ждал.

— Ну, я случайно с одной женщиной познакомилась....

— Кто она? Говори! Я жду!

Ольга отвернулась и задумалась, что-то, конечно, можно было объяснить, но она чувствовала, пока лучше не стоит.

Когда Ванда разложила на столе большие черные карты, Оле стало страшно. Вдруг она спросит, а ответ будет таким, что и жить дальше спокойно не сможешь. Она достала из сумочки фотографию мужа, протянула ее Ванде:

— Я хочу узнать, он в раю?

— Он здесь. И еще долго будет здесь. До тех пор, пока так много людей о нем помнят.

Голос Ванды был скорее похож на шелест или шорох, но от него по спине побежали мурашки, стало холодно, а потом жарко. Ванда положила фотографию перед собой и, медленно проведя по ней ладонью, начала говорить:

— Свет переродился во тьму. Его захватило колесо фортуны. Муж играл? Оля опустила голову, пристыженно кивнула.

— Вокруг него много женщин. Вот одна, сильная, властная, — королева. Это было, по крайней мере, понятно — речь шла о маме. Всегда все по-своему делает. Даже имя Олиному сыну сама выбрала и согласия не спросила.

— Вот темная дама, ты зовешь ее сестрой, но крови между вами нет. Она — дочь полей и странствий. Цыганка, скорее всего, очень сильные у нее ангелы-хранители. Твой муж любил ее...

Сил терпеть и молча кусать губы у Ольги больше не было.

— Неправда, он меня выбрал! — выкрикнула она.

Ванда на ее восклицание даже внимания не обратила. Объяснила: сестра от любви отказалась, уничтожила, убила в себе эту страсть. Но Ольге было уже на все плевать, черная и мутная волна ненависти захлестнула ее с головой.

— Ненавижу ее, ненавижу! Это она во всем виновата, подлая тварь! Она его убила!

Ванда отодвинула от себя фотографию и устало откинулась на спинку кресла:

— Да, его убила женщина, но кто, точно сказать не могу. Пока не вижу.

Ольга схватила ее за руки, ладони у Ванды были горячие, а длинные пальцы совсем холодные.

— Никто, никто не хочет мне помочь! Всем на меня наплевать! — Она склонилась, поцеловала ведунье руки и прошептала: — Вы мне можете?

— Помогу. Очень давно у меня был муж, которого я тоже очень любила. Его убили. И, так же, как и тебе, совсем никто не хотел помочь.

— Ну, так кто она, эта женщина? Я жду! — прервал ее размышления Кузьма.

— Она, как бы это сказать, экстрасенс, — вздрогнув, ответила Оля. — Ее госпожа Ванда зовут. Вот она мне и сказала, что Женю убили.

Кузьма хохотал долго и сочно, уронив голову на руль. Сигнал гудел, машина от его гогота тряслась и ходуном ходила.

— Господи, Оленька, ну, насмешила! Госпожа Ванда! Как ты сказала, экстросекс? Да, маловато в детстве вам с Наташей мать сказок читала! Поехали домой, девочка, там уже тебя заждались.

«Лучшее средство от всех расстройств и переживаний — это шопинг!» — решила Наташа и отправилась по магазинам. В отделе для новорожденных ассортимент был богатейший. Она с наслаждением бродила между

полок и витрин со всеми этими богатствами. Продавщицы, заметив хорошо одетую будущую маму, ходили за ней по пятам. Наташа, чтобы не обижать таких милых девушек, остановила свой выбор на голубом, расшитом венецианским кружевом шелковом конверте. Он отлично подходил для подарка маленькому племяннику. «Вот вынесут Вадика на прогулку, все сразу поймут, какой красивый мальчик, и как его любит тетя Наташа!» — придавалась она радужным мечтам. Конечно, после последней встречи с Ольгой рассчитывать на то, что ее подарку обрадуются, было совершенно бессмысленно, но можно инкогнито, через маму передать! Когда она вспоминала, с какой нескрываемой ненавистью смотрела на нее сестра, как рвала и топтала ногами ни в чем не повинных бабочек, становилось страшно. Наташа обижаться на нее не могла, просто права не имела. Она сама во всем виновата! Да еще любовь — это сумасшедшее наваждение, болезненная, мучительная страсть, когда ни за себя, ни за свои поступки не отвечаешь, и разумом своим не владеешь. Муж Ольги тогда кричал ей по телефону: «Ты убила нашу любовь, лучше б и ты умерла!» Она ведь действительно хотела умереть, сама себе была противна. И больно совсем не было. Красные ручейки медленно стекали по запястьям, вода в ванной сначала стала нежно-розовой, словно лепестки весенних первоцветов, потом алой, яркой и радостной, как флажки на первомайской демонстрации. Тепло, хорошо, захотелось спать, долго-долго...

В больницу к ней каждый день приходила мама Ира, все развеселить старалась. Сказала, ни плохих, ни хороших людей не бывает, все в черно-белую полосочку. Наташа представила полосатое население планеты и рассмеялась. А по ночам, во сне, приходила мама Аня. Такая красивая, в ярком цветастом платье, с длинными темными волосами. Они сидели у горящего костра, мама держала на коленях бубен с ленточками и колокольчиками, брала ее за руку и обещала долгую счастливую жизнь.

Иван все время был рядом, это ведь именно он вовремя вернулся домой и из той проклятой смертельной ванны ее, словно русалку, выловил. Но только от одного воспоминания о муже Наташе становилось совсем грустно.

В последнее время по утрам на него было больно смотреть. Лицо опухшее, под глазами мешки, руки трясутся. Он полоскал себя под ледяным душем, судорожно глотал анальгетики и стаканами вливал в себя воду с растворимыми шипучими таблетками. Похмелье постепенно уходило, трезвое восприятие действительности возвращалось. Мотивы для ежедневного пьянства у него были более чем серьезные и вполне логичные.

«Деловой ужин и подписание нового контракта! Мы так долго над ним работали!» — «Этот клиент для нас очень важен, но такой сложный человек оказался! Всю ночь из бара в бар переходили, пока к взаимному консенсусу

не пришли!» — « Дорогая, я очень устал, а каждый человек по Конституции Российской Федерации имеет право не только на работу, но и на отдых. Хочу расслабиться!»

Наташа глазам своим не верила, муж, всегда такой надежный, стабильный, на глазах терял человеческий облик. Вот и сегодня, не прошло и часа, как ушел на работу, и сразу вернулся. Не раздеваясь, плюхнулся в зале на диван в обнимку с недопитой накануне бутылкой виски. Сложившуюся ситуацию обрисовал следующим образом: « Доброжелательные коллеги поставили Ирину Александровну в известность, что коммерческий директор компании «ВИКА» вид имеет помятый и амбре распространяет соответствующее». Он незамедлительно был вызван «на ковер» и получил по полной программе. Прихлебывая из бокала шотландскую самогонку, Иван педантично загибал пальцы:

— Сказала, как ты смеешь на работу в таком виде являться, раз! Какой пример подчиненным подаешь, два! Не в первый раз за тобой такое замечаю, три!

— И это все? — удивленно посмотрела на мужа Наташа.

— Потом еще добавила, что я хоть и родной человек, но такой коммерческий директор компании «ВИКА» не нужен. Послала домой выспаться! Дали два внеплановых выходных, разумеется, за свой счет. Следовательно, как всякий свободный гражданин свободной страны я могу употребить их так, как мне вздумается!

Наташа собралась и пошла по магазинам, нужно было подумать, что дальше делать.

Когда она около восьми вечера вернулась домой, Иван был беспробудно пьян. На полу около кожаного дивана цвета слоновой кости в ряд стояли две пустые бутылки красного вина и 12 баночек чешского пива. Сам хозяин, в костюме и галстук, завалившись набок и уткнувшись носом в подушку, сладко похрапывал. Наташа с трудом опустилась на диван, попыталась расстегнуть свои сапоги, но большой, круглый живот был категорически против этого простого и незатейливого действия.

— Иван, проснись! Помоги мне, помоги сапоги снять! — потрясла она мужа за плечо.

Он что-то хрюкнул в ответ, завертелся, приоткрыл один глаз:

— А привет, дорогая, хорошо погуляла?

— Что же ты делаешь, Иван! Ты же обещал, что больше не будешь!

Иван, кряхтя, сполз с дивана на пол, двумя руками схватился за высокие голенища Наташиных сапог и вступил в неравный бой с молнией. Вид у него был жалкий: лицо красное, потное, глаза мутные. Руки своего хозяина не слушались и единоборство с молнией явно проигрывали. Наташа была готова не просто заплакать, в голос зареветь.

— Я не хотел, думал, выпью бокальчик виски и спать лягу. Но бутылку не нашел, пришлось в магазин идти, а там смотрю, вино наше любимое стоит. Ну, и пива несколько баночек взял, подумал, пригодиться...

Пошатываясь, он встал на ноги и, как бы невзначай, опять принялся шарить по полкам.

— Что ты делаешь, остановись! — закричала Наташа. — У нас скоро ребенок будет, о нем хоть подумай!

— Будет, не будет — какая разница, — невнятно пробурчал Иван.

— Ты же об этом так мечтал! Иван, что не так?

Он вдруг остановился, прекратил свои бессмысленные поиски уцелевшего алкоголя и резко повернулся к жене. Казалось, весь хмель в момент улетучился, испарился, перед ней стоял молодой, сильный и уверенный в себе мужчина, каким его всегда знала Наташа.

— Хорошо, я тебе скажу, что не так! Я очень хотел, чтобы у нас был ребенок. У нас с тобой, понимаешь? А сейчас я не знаю, чей он будет — мой или его! Я люблю тебя, Наташа, очень люблю, и рад бы забыть, да не получается. Мне этот мерзавец до сих пор снится. Смеется мне в лицо и спрашивает, как я сыночка его назову. Сил моих больше нет, где это чертово виски!

Наташа, не дыша, с ужасом уставилась на мужа:

— И тебе тоже он снится? Как часто?

Иван, чертыхаясь и поминая всех святых, вывернул из гардеробной несколько ящиков с одеждой и обувью на пол.

— Перестань, Наташа! Давай помогу тебе раздеться, и иди спать!

Уснуть она долго не могла, мысли беспокойными, серыми мышами металась по закоулкам памяти. Разбудил ее малыш, который беспокойно толкался в животе. Постанывая от боли и прижимая рукой вздыбившийся живот, она сползла с кровати и, придерживаясь за стены, направилась в гостиную. Иван все так же дрых на диване. Рядом валялась пустая бутылка виски. Наташа принялась трясти мужа за плечи:

— Иван проснись, кажется, началось! Ванечка, ну, проснись же!

Иван почмокал во сне губами, произнес, что-то вроде: «Гуси, гуси, га-га-га, есть хотите да-да-да...» — отвернулся и закрыл голову подушкой.

Боль внутри становилась нестерпимой. Она поняла, что ждать и медлить больше нельзя, надо быстрее добраться до клиники, и, охая от боли и размеренно дыша, как учили врачи, принялась одеваться. Затем собрала необходимые вещи и документы, второпях написала Ивану записку и решительно вышла из квартиры.

Даже в самый поздний час городской житель всегда найдет причину и место, куда ему нужно непременно добраться на своем верном «железном

скакуне». Из-за пробок выехать из центра Наташа смогла не сразу, она кусала губы, ласкала живот, дышала по науке и раз за разом глушила мотор. Частная клиника доктора Брадова, к коей она была приписана, находилась далеко за городом, в экологически чистом районе.

Сидеть она могла, только сильно откинувшись на спинку сиденья. Голова кружилась, ноги до педалей доставали с трудом, во рту появился противный солоноватый привкус. Наташа провела ладонью по губам и поняла, что в кровь их искусала.

По закону подлости, как только выехала за город, принялся накрапывать мелкий, противный дождичек. Скользящая, плохо освещенная дорога и тяжелые тягачи, для которых ночь — время рабочее. Дальнобойщики с большой неохотой пропускали вперед нагло несущийся на всех парах серебристый, пафосный «BMW». Вдруг Наташа почувствовала, как внутри что-то чавкнуло, будто маленький воздушный шарик лопнул. Стало душно, жарко, и она, поняв, что теряет сознание, из последних сил резко крутанула руль вправо и выехала на обочину дороги.

Максиму и Гоше сегодня подфартило. Капитан их отделения ГИБДД решил справить день рождения прямо на рабочем месте. Старшие товарищи накрыли в участке стол и сели праздновать, а младших лейтенантов разогнали по машинам и отправили на несение службы в поля.

— Нормально, деньжат немного себе подрубим, — сказал корыстный Гоша.

Макс отчасти с товарищем был согласен, но все равно слегка волновался. Шутка ли, в первый раз одни на дороге, а там всякое может случиться. Если вдруг задержание придется произвести, табельное оружие использовать, так можно и героем стать!

Дежурство проходило относительно спокойно, пару раз тормознули водителей за незначительное нарушение скорости, те сами пихали им деньги и понимающе подмигивали.

— Хорошая у нас все-таки работа, — радовался Гоша.

Около полуночи мимо них на скорости, граничащей со скоростью света, пронесся серебристый «BMW». На требования остановиться никак не прореагировал, даже фарами не мигнул. Внутри у Макса все задрожало, вот он, случай! Обычные люди так нагло себя не ведут, значит, есть веские причины. А вдруг это преступники или террористы от преследования уходят? Они сели в машину, включили сирену и пустились в погоню. На мокрой после дождя дороге «BMW» вихлял из стороны в сторону, нахально и рискованно обгоняя едущих впереди него дальнобойщиков.

— Щас точно в кювет улетит, — хмыкнул Гоша.

Максим включил громкоговоритель и со всей серьезностью возложенной на него ответственности прокричал в микрофон:

— Водитель, машины «4509», остановитесь! Не создавайте аварийную ситуацию!

Никаких ответных действий не последовало. Тогда Макс что есть мочи вдавил педаль газа и поклялся, что догонит серебристого монстра, чего бы ему это ни стоило.

Как ни странно, машина нарушителя остановилась сама, в последний раз круто вильнула вправо и съехала на обочину. Парни на всякий случай привели оружие в боевую готовность и наперегонки кинулись к «вражескому» транспорту. Гоша несколько раз грозно стукнул полосатой палкой по крыше, Макс резко распахнул дверь:

— А ну, выходим, документы предъявляем! Руки на капот кладем!

В салоне, откинув голову на спинку сиденья и закрыв глаза, сидела женщина.

— Баба, что ли, а гоняет как пилот! — восхищенно выдохнул Гоша. — Пьяная? Да вроде не пахнет! Может, обкурилась?

Женщина вдруг открыла глаза и тихо прошептала.

— Помогите....

Пока служители закона соображали и прикидывали, что делать, она как-то неуклюже повернулась на бок и вывалилась из машины. Макс ее почти на лету поймал.

— Да она беременная! — присвистнул Гоша.

— Женщина, что же вы в таком состоянии за руль садитесь!

Ирина проснулась от назойливого попискивания телефона, аппарат упрямо требовал освободить его от груза полученного sms.

— Какому идиоту в такое время нейметя! — в сердцах выругалась она.

Сообщение было короткое и ясное: «Иван спит. Я поехала рожать. Наташа».

Максим истошно орал в рацию:

— Я вам говорю, молодая женщина, ориентировочно лет 20, беременная, без сознания! Не понял, куда везти? А если она у нас в машине рожать начнет? Мы вам, что, блин, акушеры?!

На той стороне провода шло бурное веселье, и, похоже, начальство было явно не настроено входить в сложную ситуацию. Гоша, как мог, поддерживал в вертикальном положении плохо стоящую на ногах женщину.

— Макс, смотри, вон вроде «скорая» едет! Тормози быстрее! — крикнул он коллеге.

Максим выскочил на дорогу, бормоча про себя: «Прямо чудо какое-то...» Он отчаянно замахал спасительной полосатой палочкой, чувствуя себя, по меньшей мере, великим волшебником Гарри Потером. Из окна «Газели» высунулся шофер в лихо заломленной набок кепке:

— Чего надо?

— Вон, женщину возьмите!

— Какую еще женщину?

— Плохо ей, вроде!

— Я водитель, у доктора нашего спрашивайте! Елена Борисовна, тут к вам!

Из-за его спины высунула лисью мордочку девчонка почти одного с Максом возраста ну, может, на пару лет старше.

— Беременная она, ей в больницу надо!

Девушка в белом халате индифферентно пожала плечами:

— А мы при чем, «скорая» не такси, беременных не развозит.

Макс чуть жезлом ей по лбу не треснул! Вот цаца какая, тоже мне, профессор!

Он обложил вредную девчонку по матушке и именем закона потребовал выполнять профессиональные обязанности. Докторша, однако, оказалась не робкого десятка, послала его к черту и заявила, что для нее единственный закон — это «Клятва Гиппократа».

— Мы на гипертонический криз едем! Ты хоть знаешь, что это такое?

— А ты знаешь, как операцию «Перехват» организовать?

— Ты, мент, не выступай!

— Сама не выступай! А за мента ответишь!

На их разгоряченные вопли и взаимные претензии из машины вышел пожилой усатый фельдшер:

— Эй, молодежь, чего шумим?

— Евграф Семенович, произвол! Остановили нас, дальше ехать не дают, какую-то женщину навязывают! Менты совсем совесть потеряли, — тараторила возбужденная доктор Лена. Евграф с любопытством огляделся. Девчонка, врач-интерн, вторую неделю с ним работала, так вроде старательная, но уж больно характер горячий, чуть что, сразу в крик. Взлохмаченный младший лейтенант упрямо стоял перед машиной, как последний остов правосудия, зажав в кулаке волшебный полосатый жезл. «Такой точно с места не сойдет! Придется его переехать, а потом в травму везти», — усмехнулся про себя Евграф, а вслух сказал:

— Ладно, доктор, успокойтесь! Пошли, служивый, покажешь, чего там у тебя.

Он двинулся к машине, молодежь при исполнении резво побежала за ним.

Привалившись боком к капоту машины, закрыв глаза, стояла молодая женщина.

«Эко красота какая, с нее бы иконы писать! Хотя для Богоматери чернявенькая слишком, а для картины какой, чтоб в музее повесить, пойдет», — подумал Евграф и поинтересовался:

— Ну, и кого ждем — мальчика или девочку?

— Я специально не узнавала, пусть будет сюрприз, — слабо улыбнулась женщина.

Второй лейтенантик, что поддерживал ее за плечи, вид имел бледный и испуганный, и жаловался своему товарищу:

— Макс, прикинь, из нее вода полилась, а я отойти не могу, вдруг на землю грохнется!

Евграф сразу все понял, спешить надо.

— А ну, орлы, быстро женщину к нам в машину! — прикрикнул он на «молодую гвардию».

Доктор Лена долго и упорно терзала рацию, пока не выяснила, где находится ближайший родильный дом. Рядом была частная гинекологическая клиника доктора Брадова, но туда простых смертных, да женщин на дороге подобранных, и на порог не пускают. Ехать пришлось, совсем в другую сторону, в городскую больницу № 7.

— Далековато, но если поднажать, успеем, — философски заметил водитель Никола.

Евграф Семенович тем временем померил роженице давление, пощупал живот и крикнул докторше Лене:

— Чего сидишь, укладку доставай!

— А это что? — непонимающе уставилась она на него.

Укладкой в просторечье называли стерильный родовой пакет, входивший в стандартный набор оснащения бригады «Скорой помощи». Лена чуть не уронила пакет на грязный, затоптанный пол машины, пролила на себя флакон йода. Никак не могла найти в родном хозяйстве шприцы, жгуты, пластиковые пакеты с физиологическим раствором для капельницы. Ей было страшно, очень страшно, ведь в ее руках сейчас находилась человеческая жизнь, и не одна — большая и еще совсем маленькая. И все зависело только от нее!!

— Ничего не помню, ничего! Первые роды, а акушерство еще на 3-м курсе сдавали! Что делать-то будем, Евграф Семенович?

— Ясно, что — рожать, — буркнул тот и обратился к роженице: — А чего молчим, чего не кричим?

Женщина лежала молча, только иногда тихо стонала, перекатываясь с боку на бок, и изгибалась всем телом. Из распухших губ сочилась тоненькая струйка крови. Она слегка улыбнулась и вежливо спросила:

— А можно?

— Нужно! Давай кричи, мамку во все горло зови! — Евграф Семенович рассмеялся. — И дыши глубже, вот так животом, ух-ух-ух...

Женщина сделала несколько глубоких вдохов и закричала. Крик шел не из горла, а из самой глубины, оттуда, где зарождается жизнь и отступает смерть.

— Мама, мамочка моя! Больно, ой, как больно!

Лена кинулась к женщине и принялась гладить ее живот, сама не замечая, что плачет и кричит в один голос вместе с будущей мамой.

— Что будет, что же будет, мамочки мои!

— Доктор, ты-то что орешь? — одернул ее фельдшер.

— Мама Ира, помоги мне! Мама Анечка, где ты? Где ты, не оставляй меня! — продолжала голосить женщина на носилках.

— Эко, девка, сколько у тебя мам-то!

Евграф Семенович уже обложил ее стерильными простынями, натянул на руки резиновые перчатки и склонился над ней, комментируя происходящее, как профессиональный доктор:

— Вот так, все хорошо... Кажись, головка появилась, родничок вижу... — Он замолчал на секунду, а потом закричал уже совсем другим голосом: — Гони, Никола, что есть сил, гони! — После чего отвесил доктору Лене звонкую оплеуху: — Хватит выть! Звони в «семерку», пусть реанимацию готовят, асфиксия новорожденного! Пуповина аж два раза вокруг шейки обмоталась!

Наконец «скорая» подъехала к больнице, выскочившие санитары быстро положили женщину с ребенком на носилки и помчались к зданию. В салоне машины хлюпала носом, сморкалась и горестно беседовала сама с собой доктор Лена.

— Я бездарна! Я — никудышный врач, и никогда такой, как Евграф Семенович, не стану! Если бы не он, обоих бы потеряли!

«Крепись, казак, атаманом будешь», — подумал Никола и, выйдя из машины, пошел во двор, покурить.

У крыльца продолжала стоять полицейская машина, лейтенанты уезжать не спешили. Подняв головы, они глазели на светящиеся окна операционной на третьем этаже, где по потолку беспорядочно метались людские тени.

— Мальчик родился?

— Пацан!

— Интересно, а муж у нее есть?

— Усыновить хочешь?

— Я б такую красавицу из комнаты в комнату на руках носил!

— Да... А меня Настюха бросила, говорит, мало зарабатываю. Бизнесмена себе нашла!

Вдруг у самого подъезда под козырьком с визгом затормозило желтобокое такси. Расхристанный мужчина, в тапках на босу ногу и мятом пальто, подбежал к дверям и принялся молотить кулаками в запертые двери:

— Откройте, откройте, тут моя жена!

Следом за ним из машины выскочил обозленный таксист и обиженно заныл:

— Эй, мужик, ты платить собираешься? На счетчике пятнадцать «косарей» будет! Полночи родильные дома объезжаем, я же не железный, у меня смена кончается!

«Кажись, папаша появился! Проспался, козел!» — подумал Никола и щелчком большого и указательного пальца метко отправил бычок в мусорную урну.

Иван, нахохлившись, сидел в комнате для посетителей родильного отделения ГБ № 7. Дежурная санитарка сжалась над непутевым родителем и пустила скоротать время до утренних посещений. По-матерински строго пожурила:

— Сиди уж! Знаю я вас таких, у самой сын заливает!

Иван молча опустил голову. От одной мысли, что случилось, ему становилось омерзительно стыдно. Как он мог дойти до такого состояния, он, который всю жизнь шел вперед как танк, точно знал, чего хочет и к чему стремится. Вот, кажется, исполнилось все — солидная должность, горячо любимая жена, роскошные перспективы. А он, как последний урод, расслабился, просто сломался, и из-за чего, смешно сказать! Конечно, после всей той истории с Наташиным романом и попыткой ее самоубийства было нелегко. Но когда этот мерзавец, дружок юности Женя, сам на себя руки наложил, Иван так искренне обрадовался, что даже испугался. Не по христиански это все-таки! Все это безумие началось сразу же после того, как подтвердилось, что Наташину беременность удалось сохранить. Первый раз Женька приснился ему совсем таким, как в жизни. Уселся напротив, элегантно закинув ногу на ногу, любезно поинтересовался: «Как дела на работе и в личной жизни»? У Ивана целый день после этого идиотского сна болела голова и все валилось из рук. Для себя решил, просто блажь, надо поменьше об этом думать. Не тут-то было! Красавец Евгений совершенно по-хозяйски входил к нему почти в каждом сне и, улыбаясь, говорил:

— Привет, Ивано! Хочу поинтересоваться, как ты собираешься моего сыночка назвать?

— Это мой ребенок!

— Я бы на твоём месте не был столь самоуверен, — усмехался мертвец.

После этого Иван и стал напиваться как сапожник в надежде, что кошмары перестанут его беспокоить, но фантом приятеля продолжал являться, усаживался напротив и начинал вести продолжительные, задушевные разговоры.

— Да когда же ты окончательно сдохнешь, ублюдок! При жизни от тебя покоя не было и сейчас тоже! — остервенело орал Иван.

Мертвец весело смеялся, показывал ему длинный язык и настойчиво претендовал на отцовство ещё не родившегося младенца. Вот и сегодня Ивану никак не удавалось избавиться от проклятого видения. Он вливал и вливал в себя литры спиртного, но только закрывал глаза, перед ним являлся дорогой дружок. Но виски все-таки победило! Запрятанную бутылку Иван отыскал в барабане стиральной машине и опорожнил полностью. А когда проснулся, как ему показалось, отдохнувший и посвежевший, обнаружил на груди листок бумаги: «Ваня, я поехала рожать! Наташа».

Он заметался по квартире и случайно остановился перед зеркалом.

«С такой рожей дальше первого столба не уеду», — логично рассудил Иван и ринулся вниз ловить такси...

Двери приемного покоя с шумом распахнулись, со скоростью торпеды в холл вошла Ирина.

«Убьет! И правильно сделает», — решил Иван и быстро вскочил теще навстречу.

— Выспался? — сквозь зубы процедила она, размахнулась и отвесила Ивану крепкую пощечину.

— Простите, Ирина Александровна, простите! Никогда такого не повторится!

— Как ты мог её одну оставить!

Окошечко приемного отделения вдруг распахнулось, и из него выглянула заспанная нянечка:

— Что вы тут разорались! У нас роженицы спят!

Ирина быстро подбежала к окошку:

— У меня дочь здесь, недавно привезли. Как она?

— Эта та, что на дороге подобрали?

Ирина сдержанно кивнула.

И тут нянечка, подбоченившись, принялась сурово отчитывать нерадивых родственников:

— Что же вы, мамаша, за дочкой не следите? Повезло женщине, фельдшер на «скорой» опытный попался. Ребеночка живехонького довез, тут уж наши врачи подключились! Они у нас молодцы, мальчонке легкие продули и на допарку под колпак в инкубатор пожили!

От этих слов Ивану стало плохо. Представилось, как крошку-сына парят, дуют и размещают под колпаком. Он плюхнулся на ближайший стул, рядом опустилась молчаливая теща, закрыла глаза и принялась тереть виски.

А Кузьма, сопровождавший Ирину, тем временем достал блокнот и ручку и активно взялся расспрашивать нянечку. Где фельдшера «Скорой помощи» разыскать? Кто будет лечащий врач? Как связаться с главным врачом больницы? Адреса, фамилии, телефоны!

— Это еще зачем?— подозрительно спросила его нянечка.

— А как же, уважаемая! Кому спасибо говорить, кому букеты передавать? Вот вы, например, какие конфетки предпочитаете?..

Наташа лежала на железной каталке в углу коридора. Кроме легонькой, застиранной и местами дырявой рубашки на ней ничего не было. Медсестра накинула на нее простыню, на живот положила грелку со льдом. Объяснила — чтобы кровотечения не было. Наташа дрожала и постукивала от холода зубами, но не жаловалась. Ей очень хотелось узнать, как сын, где он, все ли с ним хорошо, но медсестры на ее вопросы не отвечали. Им самим предстояло решить глобальную проблему: оставить роженицу на ночь в коридоре или перевезти в палату? Место есть, но надо постельное белье менять, а за ним к кастаньянше на первый этаж идти. Потом кровать стелить, все кормящие проснуться, выступать и возмущаться начнут.

— Не стоит беспокоиться, я могу и здесь полежать, — слабым голосом проговорила Наташа.

В конце концов девушки решили не идти на должностное преступление и не оставлять новоявленную мамашу в коридоре. С каталки навернется, кому потом отвечать? Одна пошла за бельем, а вторая, поднатужившись, принялась толкать железяку на колесиках в сторону палаты.

— Скажите, пожалуйста, как мой сын? Когда я смогу его увидеть? — не унималась Наташа.

— Хороший мальчишка, слабенький только! Не волнуйтесь, женщина, палаты у нас хорошие, выспитесь, отдохнете, завтра разберемся.

В общей палате на шестерых человек спали женщины. Кто-то похрапывал, кто-то ворочался, постанывал во сне, скрипели железные сетки. Наташа задремала и, видимо, выпустила из рук целебную грелку со льдом, та с громким стуком брякнулась на пол.

— Можно потише?! Всю ночь заснуть не даете! — послышался возмущенный голос.

— Извините, — прошептала Наташа.

Она хотела встать, но не смогла даже на бок повернуться.

Вдруг в темноте над ней склонилось женское лицо с торчащими вверх кудряшками:

— Чего буянишь? Плохо тебе, врача позвать?

Наташе был неудобно и больно. От провалившейся сетки ныла спина, саднила свежая рана внизу живота, очень хотелось пить.

— Грелка упала, — только и сказала она.

Растрепанные кудряшки нырнули в темноту. Слышно было, как женщина ползает по полу, шарит под кроватью руками и тихо приговаривает: «Где ты, мерзавка, куда спряталась»!

— Не надо, не надо, мне все равно встать нужно, до туалета дойти!

Два круглых глаза вынырнули из-под койки и вопросительно уставились на нее:

— Шили? Я спрашиваю, шили тебя?

Наташа кивнула. На живот ей мягко опустилась ледяная резиновая пропажа.

— Вот и лежи, сейчас лучше не вставать! Я тебе судно из туалета принесу.

Утром Наташу перевели в отдельную палату. Там был холодильник, телевизор, две койки — все это предназначалось только для нее одной.

— Наташенька, может быть, все-таки в клинику Брадова поедешь?

Голос у мамы Иры по телефону был взволнованный и звенящий. Наташа отрицательно качала головой. Здесь ей нравилось, тем более переезд для слабенького малыша Костика был совсем не желателен. Внизу под окнами больницы муж Иван посылал ей воздушные поцелуи, подпрыгивал, делал руками отчаянные жесты, показывая, какой он дурак и как сильно страдает. Кузьма, улыбаясь, взял его под руку, мягко, но настойчиво повел молодого, ошпаренного событиями отца в машину.

— Наташа, как только что-нибудь понадобится, сразу мне звони!

Голос у мамы Иры такой строгий, а сама она внизу, в окружении рослых парней в черных костюмах, совсем маленькая.

Тут в дверь постучались, и на пороге появилась улыбающаяся ночная спасительница грелки. Лицо, нос, глаза — все у нее было круглое и задорное, а рыжие торчащие кудряшки удачно гармонировали с богатой россыпью крупных веснушек. Не девочка — утреннее солнце!

— Тук-тук, можно в гости войти?

Наташа кивнула и торопливо проговорила в трубку:

— Пока, не волнуйтесь за меня!

Рыженькая гостя встала рядом с ней и выглянула в окно:

— Родители твои?

— Ну, можно сказать и так!

Внизу Ирина садилась в машину, и высокий парень из гвардии Кузьмы уважительно распахнул перед ней дверцу. Сам Кузьма что-то говорил

в рацию. Ивана водитель долго уговаривал сесть на пассажирское место. Три новенькие иномарки, выстроившись одна за другой, плавно выехали с больничного двора.

— Ничего себе кортеж! Ты что, принцесса?

Наташа улыбнулась и присела на ближайшую койку, но сразу, вскрикнув о боли, вскочила.

— Нет, подруга, не получится! — покачала головой новая подруга. — Пока нитки не рассосутся, только стоять или лежать сможешь. Меня Яна зовут!

— Спасибо, Яна, мне вчера так плохо было.

В дверь громко постучали, и в палату заглянула медсестра:

— Кто Наталья Денисова? — Протянула направления на всевозможные анализы и убежала.

Яна со всей силы хлопнула себя по лбу, веснушки у нее на лице, казалось, дружно подскочили.

— А я все мучаюсь, где ж я тебя видела! Точно, ты — модельер Денисова! На все твои показы пыталась ходить, правда, не всегда получалось. В крутые клубы фиг попадешь! Последняя коллекция особенно классная была. «Амок», кажется, называлась?

О чем другом, но об этом Наташе ни говорить, ни вспоминать категорически не хотелось. На столе горой возвышались пестрые, вкусно благоухающие пакеты.

— Яна, давай поедим! Смотри, сколько мама всего натащила, мне одной не справиться!

Пока разбирали пакеты, Яна не уставала восхищаться невиданными яствами и их количеству:

— Да тут на целый батальон! Мне братец только кефир носит! А так все время есть хочется!

За трапезой Наташа предложила:

— Хочешь, ко мне в палату перебирайся, завтра плеер привезут, кино посмотрим.

Яна была согласна, но сомневалась, разрешат ли. Наташа лишь плечами пожала, во всяком случае, она не припоминала, чтобы маме, Ирине Александровне Денисовой, когда-нибудь в чем-то отказали.

Ирина и сама не понимала, как ей удалось сохранить рассудок. От одной мысли, что могла дочь потерять, в холодную дрожь бросало. Как будто было у тебя две руки и вдруг одной не стало, как будто половину тебя взяли и ножом отсекали. Дома Нина Петровна и Светик, выслушав историю, залились горячими слезами, причитая: «Бедная девочка! Бедная Наташенька,

настрадалась-то как!» Дочь Ольга как-то уж чересчур ревниво допытывалась, какой мальчик из себя и на кого похож.

— Что за глупые вопросы, его пока даже Наташа не видела, — возмутилась Ирина.

Несколько раз в день по коридорам родильного отделения раздавался зычный голос дежурной медсестры:

— Мамаши, готовимся к кормлению!

После чего брэнчала и лязгала тележка, на которой мамочкам развозили горластых, голодных младенцев. Это время для Наташи было самое тяжелое, она ложилась на кровать и отворачивалась к стенке. Сына Костика держали на искусственном кормлении и ей не давали. Объясняли, еще не время, слишком мальчик слабенький.

— Эй, кто там сопит в подушку?— кричала ей Яна.

Девочка у нее была крупненькая, прожорливая, чмокала так, что в коридоре было слышно.

Яна смеялась, называла дочь «бюргершей», молока у жизнерадостной женщины было более чем предостаточно.

— А ну, поворачивайся, нечего страдать! Смотри, перенимай опыт! Вот принесут тебе Костика, а ты и не знаешь, как его взять, как к груди приложить.

Наташа послушно поворачивалась и, затаив дыхание, наблюдала за процессом.

В любое время суток под окнами их палаты толпились друзья и приятели Яны. У Наташи тоже было много знакомых, но она привыкла считать своей единственной и лучшей подругой сестру Оленьку. Хохотушка, болтушка, вся в романтических мечтах и фантазиях, теперь и близко подойти к себе не позволяла. Наташе ее сильно не хватало. А рыженькая соседка по палате была чем-то на утраченную сестру очень похожа.

Яна, лежа животом на подоконнике, махала руками и громко кричала, что у нее все прекрасно и замечательно.

А ночью, когда все отделение отправилось спать, она пошла на разведку и через некоторое время вернулась с видом лихой заговорщицы:

— Все сестры в ординаторской чай пьют. Можно в ПИТ заглянуть, Костика твоего навестить. Только тихо надо!

В палате интенсивной терапии, под пластиковым колпаком «кювез», лежал мальчик, весь опутанный проводами и трубочками капельниц. Из крохотного носика двойная канюля шла к аппарату искусственного вентилирования легких. На подсоединенных мониторах мигали сигналы, показывая ритм работы и борьбы за жизнь маленького сердечка. Личико у него

было сморщенное, старческое, пальчики скрюченные, как мышинные лапки. Наташа зажала рот руками, чтобы не закричать от отчаянья, на глазах навернулись слезы.

В коридоре слышались медленные шаги и шарканье тапок. Яна схватила ее в охапку и поволокла к выходу.

— Пошли быстрее, идет кто-то!

Они заперлись в туалете, Наташа сдавленно рыдала, Яна умывала ей лицо холодной водой.

— Если он умрет, это моя вина!

— Да ты что, с дуба рухнула! Ты добрая, умная, красивая, быть такого не может! Мы еще на свадьбе твоего Костика, на радостях, в хлам напьемся!

— Ты не знаешь, я такое натворила...

— Ну, так расскажи, легче станет!

Они уселись на дерматиновую кушетку. Из крана назойливо капала вода, тошнотворно воняло хлоркой. Но Наташе было все равно, надо было высказаться, выговориться, освободиться. От всех этих темных мыслей и сомнений, накопившихся в душе, вины перед окружающими, близкими и всем миром. Надо простить и отпустить! А после этого жить долго и счастливо!

Через неделю Яну начали готовить к выписке, вещи были собраны, документы получены, дочка в розовый пирожок одеяльца упакована. Наташа крепко обняла свою новую подругу:

— Спасибо тебе за все!

— Ты что чудишь, будто в последний раз видимся! — рассмеялась Яна. — Запомни, как выпишетесь, гулять вместе будем. Центральный парк, место встречи изменить нельзя! — А когда они дошли почти до самого выхода, она вдруг пожаловалась: — Я дочке имя так и не придумала. Хочется чего-нибудь красивого, необычного!

— Вика хорошее имя! Вика, Виктория — значит, победа! — предложила Наташа.

Яна нежно прижала к себе громко сопящий сверток, чмокнула Наташу в кончик носа и широко распахнула дверь, ведущую на выход.

— В большой мир выходит Виктория Фрицевна, то есть Вика-победительница!

Ирина остановилась на самом верху лестницы у центрального входа и оглянулась. Пожарных машин, зеленых фургонов с грозной надписью «Эпидемиологическая станция» или просто людей в противогазах и масках видно не было. Последнее время в компанию «ВИКА» зачастили неожиданные и незваные гости, которые, как говорят, хуже татарина, но это явная ложь — воинственный потомок Чингисхана с ними и рядом не стоял!

Первыми их посетили пожарные, оказывается, поступил сигнал, что в здании хранятся горючие вещества, и самовозгорание ожидается с минуты на минуту. Целый день они таскали с этажа на этаж толстые шланги, курили в неположенных местах на лестничных пролетах и грозили всем гиеной огненной. Затем заявили эпидемиологи и потребовали закрыть данную организацию, по меньшей мере, на месяц, так как на стенах и потолках здания были обнаружены злокачественные споры ядовитого грибка. Общественная организация по борьбе с грызунами и паразитами настаивала на получении от руководства лицензии на отстрел гигантских крыс, которые, следуя правдивому и своевременно полученному сигналу от анонимного доброжелателя, расплодились в подвале. Несколько скромнее выступил профсоюз по охране труда строителей, но их лидер пообещал не останавливаться на достигнутом, а написать обо всех грубейших нарушениях компании «ВИКА» непосредственно в администрацию президента.

Ирина, конечно, понимала, откуда ветер дует. Многоуважаемый мэр, как ни странно, оказался человеком с фантазией и действовал с размахом. После их последней встречи решил дело на самотек не пускать, лично занялся дестабилизацией работы компании. Видимо, надеялся таким образом посеять панику среди сотрудников, которая плавно разрастется в хаос и народную смуту. Ирина написала письмо, которое вручили каждому служащему корпорации, где говорилось, что, в свете последних событий и экстренных ситуаций, она готова выслушать любые личностные претензии и, если кто-то намерен покинуть компанию в кратчайший срок, с легкостью подпишет заявление об уходе. Но, учитывая то, что валовой оборот компании «ВИКА» ежемесячно повышает свои процентные ставки, в конце года тех, кто останется на своих рабочих местах, ждет значительное повышение заработной платы. Потом Ирина принялась обзванивать добрых знакомых, что являлись сильными мира сего, и каждый в своей вотчине имел власть немалую. Мэр — хоть и всему голова, но шея, печень, сосудистая система, почки и прямая кишка в организме тоже кое-чего значат, и еще не известно, что главнее. А в системе организации бизнеса базовые законы те же, что и в физиологии.

В кабинете ее поджидала мрачная Катерина.

— Опять гости? Кто на этот раз?— предупреждая возмущенный рапорт секретарши, спросила Ирина.

— Налоговая инспекция, Иван Геннадьевич в приемной. Позвать?

Иван вошел бодрый, подтянутый, поздоровался и изысканно пошутил:

— Я, вообще-то, представителей Евросоюза ожидал, по вопросу утилизации радиоактивных отходов и нашего непосредственного участия!

«Пора этот цирк заканчивать», — раздраженно подумала Ирина.

Коммерческий директор свято заверил, что в его департаменте полный порядок, даже в Государственной счетной палате такого нет. И подключаться лично Ирине Александровне нет никакой необходимости.

— Иван Геннадьевич, а вы с посредником нашей последней крупной сделки контакт не потеряли?

— С небезызвестным господином Ряшенцевым? — почти брезгливо поморщился Иван.

...Виталик Ряшенцев был личностью замечательной. Юный пионер подавал большие надежды, ездил на взрослые чемпионаты по шахматам и часто побеждал. Шахматному вундеркинду прочили блестящую спортивную карьеру, лавры Каспарова и Карпова. Но мальчик, повзрослев, выбрал совершенно другую стезю. В период построения рыночной экономики, в России очень требовались молодые и инициативные кадры, способные посредством ясного, аналитического мышления строить цепочки передвижения неучтенных банковских ликвидов и геометрическую прогрессию роста финансовых пирамид. Виталий был, поистине, самородком, он, как шахматные партии, раскладывал теоретические возможности развития того или иного бизнеса, правильный шаг предвидел на несколько ходов вперед. Не гнушался любыми заказами, будь то составление бизнес-плана для армянской диаспоры по планомерному вытеснению конкурентов с овощного рынка или не совсем законная реорганизация государственного предприятия в акционерное общество. Его знали все, он знал многих. По любому вопросу можно было обратиться к Ряшенцеву, и он, безусловно, мог помочь: свести с необходимыми людьми, договориться о взаимовыгодных условиях, дать почти всегда верный коммерческий прогноз на удачу или провал той или иной сделки. С такими способностями парень мог стать «крутым» олигархом, видным политиком, воротилой мирового бизнеса элиты. Но, как ни странно, Виталик был совершенно не азартен и не амбициозен. Его вполне устраивала спокойная и комфортная жизнь! За использование серых клеточек своего мозга, он получал приличные проценты, что позволяло ему каждый месяц менять машину, отдыхать исключительно в VIP-апартаментах пятизвездочных отелей и носить обувь из кожи редких рептилий, занесенных в Красную книгу. Когда-то он отчаянно и настойчиво ухаживал за Наташей. Ирина иметь такого зятя была бы не против, но дочери он совсем не нравился.

— Буквально вчера его видел, когда к Наташе ехал, вместе в пробке стояли. — Лицо у Ивана стало серьезное и недовольное.

Ирина усмехнулась. Ольга как-то давно рассказывала, как на дискотеке Виталик стал руки распускать и к Наташе уж очень назойливо приставать, а Иван ему физиономию от всей души набил. Детсад, да и только!

— Позвоните и договоритесь с господином Ряшенцевым о дружеской, ни к чему не обязывающей встрече!

Коммерческий директор послушно, но с достоинством, кивнул и удалился.

В парке было хорошо, золотая осень на сто процентов оправдывала это свое народное название. Словно мифический царь Мидас своей настроенной на золотой поток рукой невзначай прошелся по кронам деревьев, и листья на них стали драгоценными: рубиновыми и янтарными, с вкраплениями яркого изумрудного отблеска. Ирина уже и забыла, когда вот так, без спешки, не глядя на часы и не сверяясь с выпадением из графика, медленно и с удовольствием бродила по аллеям. Вокруг визжала детвора, мамы и бабушки, сидя на скамейках, делились секретами воспитательного процесса, старики лихо рубились в домино и шашки, молодежь безалаберно глотала пиво.

Ряшенцев, как всегда, был прекрасен: загорелый, нарядный, на ногах эксклюзивные ботинки, на этот раз из кожи редкой африканской ящерицы «тарруры». По его словам, после пошива данной пары во всем мире этих особей осталось не более сотни.

— Я вижу, Ирина Александровна вы, как обычно, со свитой, — усмехнулся Виталик.

Позади них, на расстоянии трех метров, грузно шагали два «гвардейца» Кузьмы.

— Необходимости никакой нет, скорее привычка, — пожала плечами Ирина.

— Понимаю, крепче запрешься, спокойней поспишь, — согласился ее визави.

Поговорили о природе, о погоде. Виталий, как вежливый человек, поинтересовался здоровьем дочерей и спросил, почему их давно не видно. Оленька, понятно, домоседка, но Наташа всегда так любила светскую жизнь.

— Виталий, помилуйте, для молодых мам какие могут быть вечеринки!

Ряшенцев понимающе и скорбно кивал. На вопрос, как обстоят его дела, отвечал уклончиво. Все хорошо, помогает достойным людям находить перспективные темы на взаимовыгодных условиях. Ирина в очередной раз искренне восхитилась его умом и талантом шахматиста. Было видно, что Виталий приятно тронут.

— Я, между прочим, еще в 13 лет кандидатом в мастера спорта по шахматам был! — заметил он.

— Спорт — великое дело! А вот мне, к сожалению, приходилось в юности чаще не на спортивных, а на стройплощадках бывать, — вздохнула Ирина и тут же перешла к интересующей ее теме. Их сотрудничество так

хорошо начиналось и развивалось! Клиенты, заказчики проекта были довольны, и она ничуть не сомневалась в благоприятном исходе событий. Но все изменилось, по причинам, как говорится, от «редакции не зависящим». — Кстати, как обстоят дела со строительством торгово-развлекательного комплекса? — Собственно, ради этого простого вопроса она и добивалась встречи с посредником.

— Стройка почти заморожена. — Ряшенцев достал золотистый портсигар, закурил. Было заметно, что он начинает злиться и нервничать. Видимо, в этом пресловутом строительстве развлекательного комплекса Виталик имел свои и немалые интересы. — Раз в месяц кладут по два кирпича на фундамент. И все время дополнительных денег требуют, мол, «город нуждается в новых, значительных инвестициях». — Под кодовым словом «город», естественно, подразумевался многоуважаемый мэр.

— Вы знаете, я недавно с нашим мэром обедала. Петр Ефимович жаловался, что ресурсов не хватает, все средства уходят на латание дыр и текущие проблемы.

— Он так и сказал?! — Ряшенцев замер, как вкопанный, посреди аллеи.

Ирина, не оглядываясь, шла вперед и мирно продолжала говорить:.

— Да, очень расстраивался! Даже предложил мне строительство комплекса на себя взять. То есть мы просто строим, а он нам за это платит.

Виталик внимательно изучал шкуру убиенной ящерицы на своих ботинках. Конечно, все понятно, старый лис решил выгрести с инвесторов как можно больше денег. Стройка стоит, причина уважительная, нельзя же жителей города без новых дорог, детских садов и увеселительных праздников оставить. Только попробуй, живьем съедят! Единственный выход — свалить головную боль на третье лицо, деньги брать по-прежнему, но при этом ничего не делать и никому не платить. Просто и действенно!

— Я бы и рада начать работать буквально завтра. — Ирина ласково и даже как-то игриво взяла его под локоток. — Но, Виталик, поймите, моя «ВИКА» — дама независимая, работает исключительно на себя и напрямую с заказчиком. Можно сказать, это каприз! Или коммерческая политика, менять которую, скажу вам по секрету, она не собирается.

Около них остановилась какая-то старушка с авоськой в руке и, подслеповато щурясь, прошамкала:

— Дочка, который час?

Ирина глянула на часы, ответила, что уже половина шестого, и вдруг спохватилась:

— О, я уже опаздываю! Сегодня ужин у Наташи, обязательно передам ей от вас привет! Уверена, она будет очень рада! — И, легко развернувшись на каблучках, быстро понеслась вперед по аллее. «Гвардейцы» из охраны, в длинных черных пальто, еле-еле за ней успевали.

А Виталик долго смотрел женщине вслед, потом присел на скамейку, решив сыграть с дедами партию в шахматы и хорошенько подумать.

Ирина вернулась домой, довольная собой, прогулкой и «дружеской» беседой. Вечером ее ожидало еще одно замечательное дело — визит к Наташе и встреча с долгожданным внуком. Она поднялась в комнату к Ольге, чтобы поторопить дочь, но там никого не было. Заглянула в детскую, няня Вера ворковала над Вадиком. Увидев ее, девушка спешно выпрямилась и отрапортовала:

— Ольга Вадимовна сыночка покормила и уехала. Сказала, по делам.

— Идите, Вера, отдохните, поужинайте. Я тут с внуком посижу, — сказала Ирина, присаживаясь рядом с кроватью.

Малыш смотрел на нее ясными голубыми глазками, улыбался во весь беззубый ротик, приветственно взмахивал ручками. Она осторожно взяла его на руки, принялась тихонько покачивать. Тельце мальчика было такое нежное, мягонькое, и пахло от него покоем и безмятежностью.

— Ах, ты мой маленький, мой красавец писанный! Как день прошел, что нового узнал? Хочешь, я тебе сказку расскажу? Наслал на нас злой недруг полчища злодеев-лихоманов. Они бабушку пугали и карой неминуемой грозили, но пара звонков куда следует, и убрались враги восвояси, не солоно хлебавши и ни копейки не получив!

Малыш громко загукал, видимо, такое развитие событий ему нравилось.

— А ты, когда вырастешь, богатырем станешь! Сильным, смелым, умным, как дедушка твой! Никто не посмеет нас обидеть, а я тебе щит волшебный подарю — «ВИКА» называется! Он тебя от всех бед защитит, но и ты его береги, как зеницу ока!

Ирина все ходила и ходила по комнате. Внук у нее на руках сонно сопел, а за окном стало уже совсем темно.

— Мы ведь к Наташе опоздаем, где же твоя мама ходит?

Ольге этот праздничный визит к сестре на смотрины новорожденного был на фиг не нужен! Хорошо бы отказаться, причину какую-нибудь найти, но мама такое устроит, потом триста раз пожалеешь. Она отправилась в салон красоты, сделала стрижку, укладку, маникюр, педикюр, комплекс СПА процедур, массаж, позагорала в солярии. Когда стало ясно, что персонал готов даже денег с нее не брать, лишь бы провести ночь в родной теплой постели, ей пришлось остановиться и уйти.

Вернувшись домой, она подошла к зеркалу, внимательно оглядела себя и гордо проговорила вслух:

— Я красивая, я очень красивая!

С самого раннего детства их всегда сравнивали с Наташей.

— Ой, какая Оленька хорошенькая, но Наташа — просто красавица!

— Оля, давай тебе косички поправлю, растрепалась вся, а тебе Наташа и так хорошо!

— Наташа, встань так, чтобы тебя на фотографии лучше видно было, ну и ты, Оля, где-нибудь рядом!

Оля сестру любила, никогда не завидовала, не соперничала, даже не понимала, в чем, собственно, разница — быть просто симпатичной или очень красивой. Разве в этом дело, разве за это любят? Любят потому, что ты добрый, надежный, веселый. Ты готов для близкого человека на все, забыть себя и жить только ради него. Ольге очень нравились слова «жертвенность», «самопожертвование», в них было что-то великое, истинное, когда с человека слетает вся мишура, шелуха, и становится ясно, кто ты — настоящий.

Идеалом для нее были жены декабристов. Они оставили богатые дома, роскошную и сытую жизнь, пустились в бесконечное путешествие по заснеженным пустыням, догоняя каторжные обозы с их мужьями. Подростком Ольга закрывала глаза и представляла, как она идет босая по глубокому снегу, а где-то далеко измученный и израненный прекрасный принц безмолвно и стоически ждет ее помощи. И она спасет его, обязательно спасет, осушит его слезы, закроет своими крылами, и будет нести на себе этот крест, пока сил хватит!

Когда она поделилась своими мыслями с Наташей, та надула губки и заявила:

— Нет, я так не согласна, моя жизнь — это моя жизнь, я отдавать ее никому не хочу...

Ванда сказала: «Твой муж любил ее!» За что? За самовлюбленность, за эгоизм? Или только за красоту? Вот, оказывается, единственная верная валюта, за которую можно купить все — любовь, преданность и верность. Оля помнила, как все твердили в один голос: «Ах, Наташенька, ах, ласточка, цветочек нежный! Ах, какая девочка, ягодка — смородинка!» Об этом даже вспоминать противно!

Ольга смотрела на себя в зеркало, а видела перед собой отражение подлой красотки-сестрицы.

— Ненавижу тебя, ненавижу! — прошептала она.

Все визжали и суетились вокруг детской кроватки. Ольга стояла в стонке, и ее только что не тошнило.

— Много я младенцев видела, но чтобы такой красавчик! Носик точеный, губки бантиком. Смотрите, Ирина Александровна, бровки-то как хмурит! — Кухарка Нина Петровна напросилась ехать с ними в гости. Глупая баба, сидела бы дома, щи варила, а туда же лезет со своими дурацкими восторгами.

— Характер, сразу видно! Дайте-ка я у него мускулатуру пощупаю! — Кузьма сграбастал малыша и легонько подкинул в воздух.

«Хоть бы ты его уронил!» — зло подумала Ольга.

— Андрей Михайлович, не надо, раздавите! — смеясь, отнял сына Иван. Красавица-сестрица сияла, как стосвечовая люстра.

— Мне когда его на кормление несли, он так звонко кричал, его все по голосу узнавали: «Костика, Костика на кормление везут!»

Финальную точку, как всегда, поставила мама. Взяла лягушонка на руки и поцеловала:

— Сокровище мое! Как долго мы тебя ждали!

Ольга развернулась и вышла из комнаты. Быстро оделась, но не успела взяться за дверную ручку, как у нее на рукаве повисла Наташа:

— Оленька, нам надо поговорить! Прости меня, я все неправильно делала! Я, наверное, тогда просто с ума сошла! Я все время о тебе думаю, мне тебя очень не хватает!

Ольга, как отвратительную слизь, смахнула со своей руки тоненькие пальцы сестры и пристально глянула ей в глаза:

— А когда с моим мужем спала, тебе тоже меня не хватало?

Наташа в ужасе отшатнулась.

— На твоего ублюдка только посмотришь, сразу все ясно, генетической экспертизы не нужно! — Выплюнув эти слова, Ольга выскочила за дверь и бегом кинулась вниз.

Она бежала по улице, задыхалась, толкала прохожих, точно так же, как год назад, когда хотела спасти мужа. Потому что чувствовала, надвигается страшное, непоправимое, разрушительное. Но тогда все было по-другому, Женя был живой, а она, глупая и счастливая, надеялась, что все изменится и исправится...

Ватага парней, разгоряченных баночками алкогольных коктейлей, преградила ей дорогу. Они по достоинству оценили ее сегодняшние старания в салоне красоты.

— Какая девушка! Давай познакомимся!

— Пошли с нами, киска!

— Девушка, вашей маме зять-пьяница не нужен?

Сильным порывом ветра взметнуло спокойно возлежавшие на асфальте мокрые листья и закружило вихревым полетом вдоль тротуара. Длинные полы Ольгиного плаща тоже взметнулись, поднялись и превратились в темные крылья. Кончики волос зашевелились, как ядовитые гады на голове у мифической Медузы Горгоны. Парни затихли и молча расступились. Она прошла между ними, как сквозь строй презренных смердов, даже головы не повернув.

Ольга торопилась к госпоже Ванде. Вот и знакомая уже зеленая дерматиновая дверь. Она рванула ее на себя и оказалась в приемной. За стойкой восседал худой мальчишка в черном балахоне. На голове у него красовалась корона, склеенная из куриных косточек, под глазом синел огромный «фингал».

После марафона по улицам Ольга тяжело дышала. Она резко шагнула вперед, зацепила полой плаща журнальный столик, тот упал. Следом за ним, непонятно почему, со стены сорвался и рухнул демонический плакат, со стойки наверхнулась икебана с черепами из пластилина.

— Круто, вот это энергетика! — восхитился Алик и бросился подбирать с пола разлетевшиеся в разные стороны журналы и наводить порядок в приемной. — А госпожи Ванды сейчас нет! Ее в один дом пригласили привидение изгнать, — вежливо предупредил он. Эта нарядная тетенька ему очень нравилась. Сразу видно, из другого мира ее к ним занесло. Туфельки золотые со стразами, как у Золушки, сумочка из каких-то диковинных перышек болтается на длинной узенькой цепочке. Сама она такая душистая, ароматная, а лицо грустное, и глаза плачут.

— Я в другой раз найду, — повернулась к двери Ольга.

— Нет, нет, не уходите, присядьте, журналы посмотрите! Есть очень интересные о загробном мире и зомби, — быстро проговорил гостеприимный подросток.

Она села в кресло и стала листать разноцветные периодические издания темного мира. На ярких картинках безобразные монстры рвали на части души заблудших грешников, практикующая ведьма советовала, как приготовить приворотное зелье, маститый астролог обещал скорую гибель Америке и столетнее процветание России. Все это было достаточно глупо и скучно, куда забавнее выглядел мальчишка, который восстанавливал разрушенную икебану и что-то там бормотал, поочередно целуя каждый пластилиновый череп.

— Алик, а ты в школу вообще не ходишь или просто прогуливаешь? — поинтересовалась Ольга.

Мальчишка задумчиво почесал кончик носа и болезненно ойкнул. Видимо, нос тоже был недавно бит, как и глаз.

— Хожу иногда. Но мне там не нравится, одноклассники — придурки, учителя — темные неандертальцы. Вот вырасту, стану колдуном и превращу их всех в каких-нибудь злых чудовищ!

Ольга рассмеялась, порылась в сумочке и протянула мальчику малюсенький тюбик с кремом.

— Помажь вокруг глаза, синяк сойдет. С собой ношу, все время на что-нибудь натыкаюсь. А ты тоже, как Ванда?..

Алик жирно намазал на лицо чудодейственный крем. Он был темно-зеленого цвета и пах болотным илом, отчего колдунишка стал похож на молодого, слегка влюбленного жабика.

— У меня такого таланта нет. Но я учусь! И вообще, если кого-нибудь сильно ненавидеть, многое можно сотворить, — горестно вздохнул Алик.

— Я одного человека по-настоящему ненавижу!

Он метнулся за перегородку, почти сразу же вернулся со стопкой разломаченных книжек и тетрадок. Видно было, литература у него без дела не пылится, а все время в употреблении находится.

— Это магические книги. Нужно порыться, заклинания специальные найти! Только тете Ванде не говорите, она против черной магии.

Он снова убежал к себе в комнату и вскоре вернулся, гордо неся на подносе одинокую кружку. На боку у емкости красовался розовый мишка с воздушными шариками.

Ольга совсем чуть-чуть пригубила из нее и скривилась:

— Это же кофе, только холодный и без сахара!

— Что вы, это не просто кофе, это настоящий эликсир молодости! — возмутился Алик.

Пока она через силу глотала терпкий кофе, а он перелистывал свои фолианты, с жаром объясняя, какими дозволенными и недозволенными средствами можно извести своего неприятеля, по лестнице застучали легкие каблучки. Пожаловала госпожа Ванда. Строгий, серенький костюмчик, волосы убраны, очки — ни дать ни взять, учительница средней школы после с уроков домой вернулась.

— Чаевничаете? — коротко проговорила она и сразу ушла в свою комнату.

Оля глотком допила бурю жидкость, что обещала ей вечную молодость, и стремглав кинулась за Вандой.

Они опять сидели напротив, на низеньком столике между ними потрескивала одинокая черная свеча.

— Сестра родила мальчика. Он — сын Жени? — сходу начала Ольга с вопроса, который волновал ее больше всего.

— Возможно.

— Я хочу точно знать!

— Зачем?

— Затем, что я ее ненавижу! И если это так, то пусть она и ее щенки сдохнут!

— Этого не будет.

— Но ты обещала помочь!

— Наказать убийцу, да! Но месть ради мести — это совсем другое.

Ольга вскочила, не помня себя от ярости, заорала и затопала ногами:

— Ты такая же, как и все! Ты все врешь! А еще говорила, понимаешь, что значит любить и терять!

Лицо у нее вдруг покраснело, из носа медленно потекла тонкая струйка крови, она вскрикнула, схватилась за грудь и навзничь упала на пол.

Ванда подбежала к ней, приподняла ее голову, заглянула в лицо:

— Ты что-то принимаешь, транквилизаторы, наркотики?

— Нет, ничего, только кофе с Аликом пила, — слабым голосом проговорила Оля.

В голове у нее гудело, сердце екало так сильно и часто, что казалось, сейчас выскочит и убежит, перед глазами стаяй роились мелкие серые мушки.

В дверь заглянул любопытный Алик, и Ванда ловко изловила малолетнего злодея-отравителя и схватила его за ухо:

— Все экспериментируешь! Высеку тебя когда-нибудь! В ежа превращу или домой отправлю!

Алик громко вопил от боли, вертелся и пытался освободиться:

— Тетя Ванда, лучше в ежа, только не к родителям!

Вместе они подняли бездыханную Ольгу и перенесли на диван. Ванда взяла женщину за запястье посчитала пульсирующие удары, померила тонометром давление. 170/130 — настоящий гипертонический криз!

— Чего ты там намешал?

Алик страдальчески потирал распухшее и покрасневшее ухо.

— Да ничего особенного, наверное, корня арники многовато сыпанул. Но я ведь как лучше хотел!

— Уйди с глаз моих! — приказала Ванда.

Она открыла стеклянный шкафчик, достала шприцы и ампулы. Организм молодой, инъекция 2 миллилитров папаверина внутримышечно давление понизит, ситуацию стабилизирует.

Ольга с трудом открыла глаза, хрипло вздохнула, видимо, вновь собиралась заплакать.

— Скажи, как же мне с этим жить?

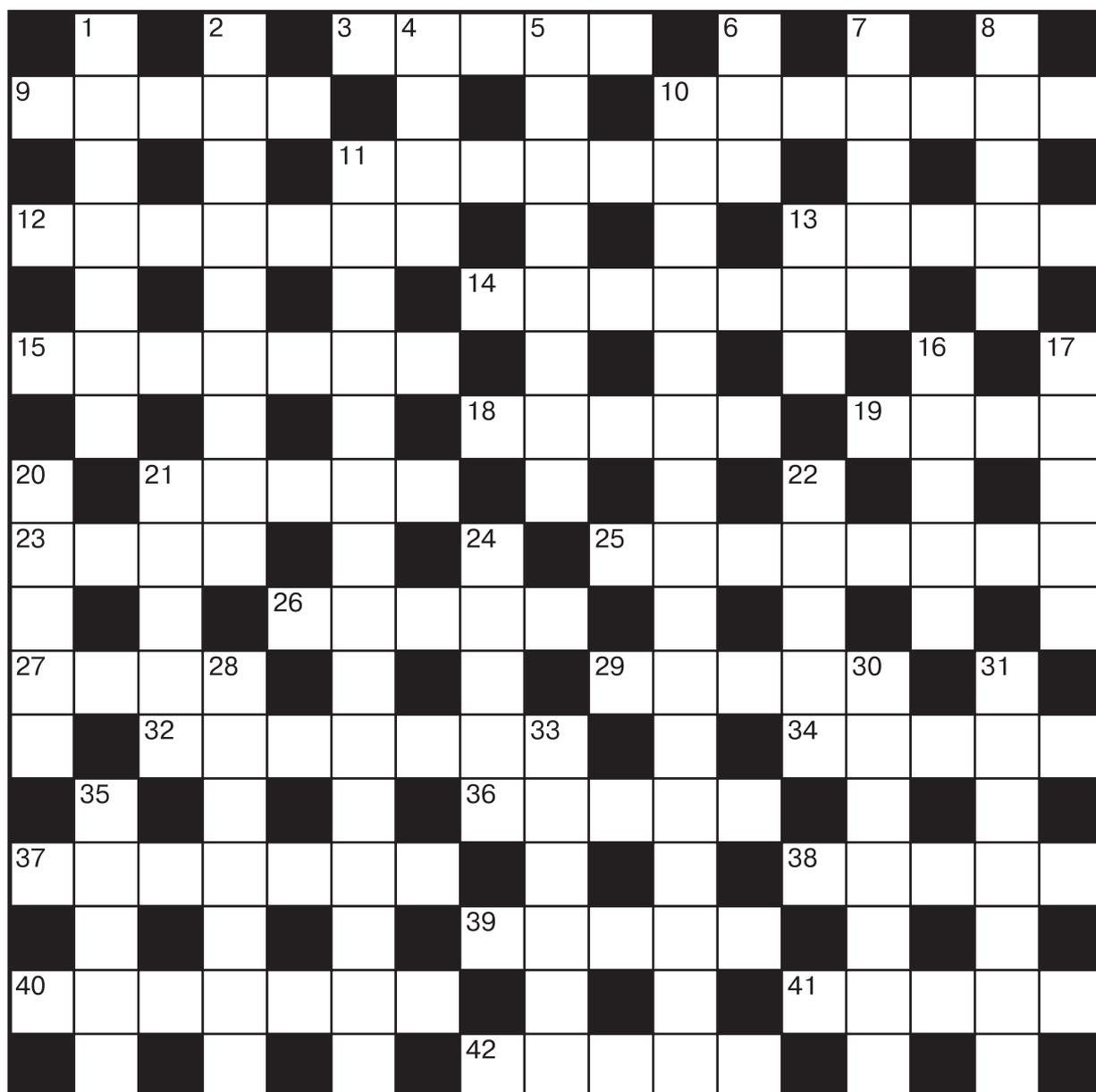
Ванда коротко потерла друг о друга ладони, осторожно опустила руки женщине на лоб. Лицо у Ольги моментально разгладилось и посветлело, стало спокойным, как у ребенка.

Тихий голос шелестел ей в самое ухо, казалось, начинается дивная и прекрасная сказка, где добро обязательно победит, будет пышная свадьба, и проживет старик со своею старухой 100 лет и 101 день на берегу лазурного, бескрайнего моря в счастье и радости.

— Когда-то меня звали Таня... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какую обувь Дэвида Бекхэма продали с аукциона за 148 000 тысяч долларов? **9.** Хранитель музыкального страдания. **10.** «Я просто выгляжу как лось, а в душе я ...» **11.** Пародист, дружелюбно настроенный ко Льву Лещенко. **12.** Гоголевский крохобор. **13.** Готовься к ней, если хочешь ми-

ра! **14.** «Искатель воздушных целей». **15.** Кого арабская пословица советует «испытывать войной»? **18.** Из чего папа Карло смастерил колпак для Буратино? **19.** Рыба, ударами которой лечили мигрень в Древнем Риме. **21.** Артемида «древнеримской сборки». **23.** Активатор слуха. **25.** Чувственная встреча. **26.** «Люб-

ви, надежды, тихой славы недолго нежил нас ...» **27.** «Сегодня ты играешь ..., а завтра родину продашь!» **29.** Троянский царь, имевший пятьдесят сыновей и дюжину дочерей. **32.** Какой головной убор пришит к куртке? **34.** Какой хлеб включен в список нематериального наследия ЮНЕСКО? **36.** Кого из клана Монтекки, благодаря Уильяму Шекспиру, знает весь мир? **37.** Мировой секс-символ, подрабатывавший рыбаком, пока учился на актера. **38.** Какой телеведущий попал в «Книгу рекордов Гиннеса» вместе с передачей «Угадай мелодию»? **39.** Что отрывает нас от обыденности, унося в облака наших фантазий? **40.** Домохозяйка в доме Скруджа Макдака из «Утиных историй». **41.** «Любовь способна погубить ..., убить чувство долга» (из «Игры престолов»). **42.** Один из городов, где снимали фильм «Старрики-разбойники».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Альпинист из Новой Зеландии, одним из первых покоровивший Эверест. **2.** Герой Олега Янковского из «Обыкновенного чуда».

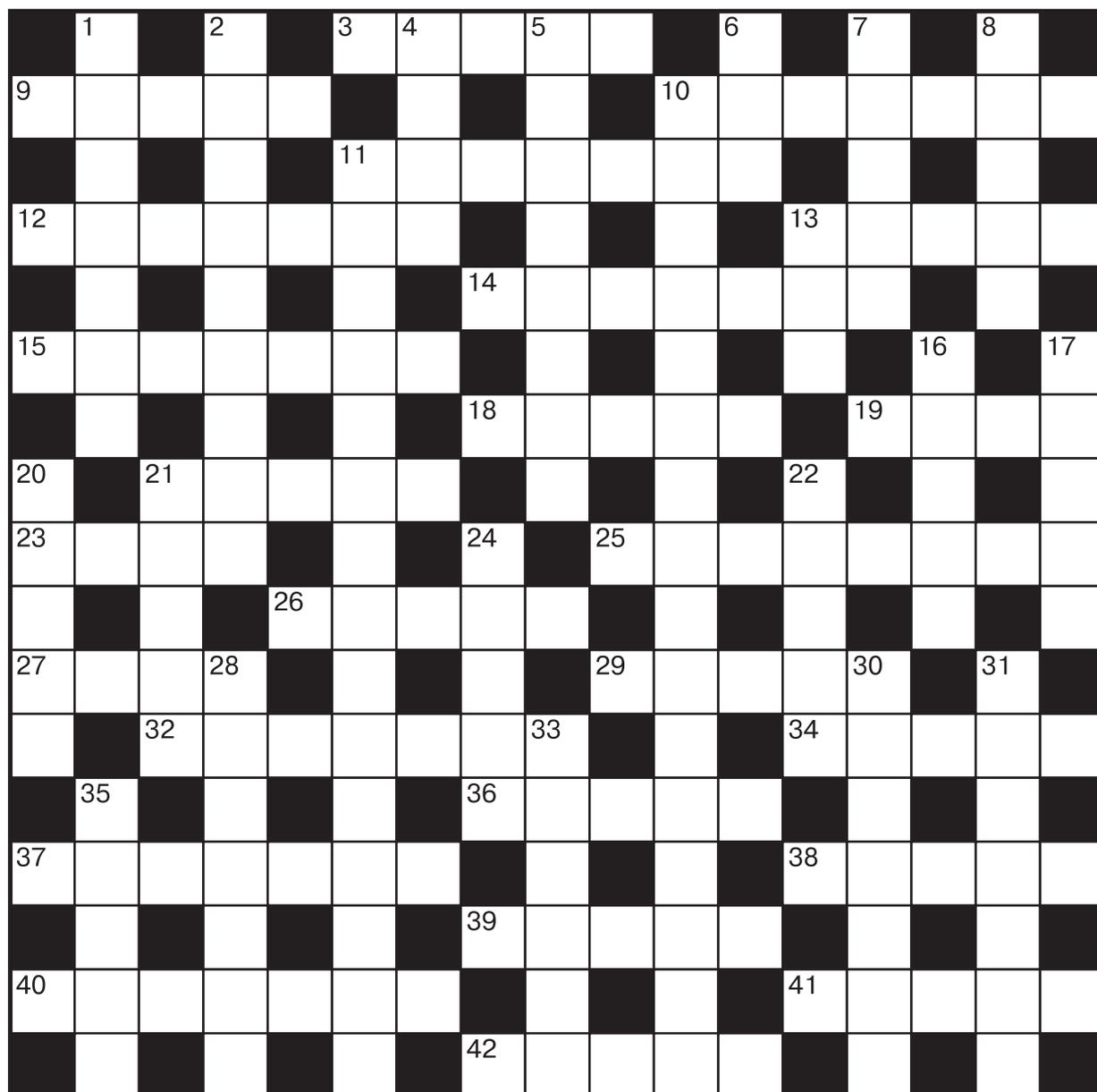
4. Трапеза из рассказа «После бала» Льва Толстого. **5.** Сказочный курьер. **6.** «... земной быстрее кружится от весенней кутерьмы». **7.** Фантастический триллер «Ночной ...» с Константином Хабенским в главной роли. **8.** Какому зверьку даже медведи предпочитают уступать добычу? **10.** Бюрократическая графомания. **11.** Охранные меры. **13.** «Если не был бы я поэтом, то, наверно, был мошенник и ...» **16.** Соединительная ... нашего организма. **17.** «Задавая правильный вопрос, получаешь искомым ...» **20.** Какое единоборство изучала в свое время Ангела Меркель? **21.** «... говорит не то, что он думает, а то, что хочет думать». **22.** К чему стремятся, хотя он и недостижим? **24.** Какое вино за «Христову кровь» выдают? **28.** Какое подразделение держит «границу на замке»? **30.** С какой куклой модельеры играют? **31.** Что Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите» обрисовал «по образу и подобию» театра Мейерхольда? **33.** Кто учредил премию имени себя из-за ошибочного некролога? **35.** Что китайцы окрестили «ящиком, кричащим, когда его бьют»?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Булат. **9.** Озноб. **10.** Пекарня. **11.** Калинов. **12.** Трактор. **13.** Вишня. **14.** Воробей. **17.** Порыв. **20.** Икар. **23.** Колесо. **24.** Перекресток. **25.** Глаз. **26.** Игра. **27.** Химик. **29.** Вокал. **31.** Чудак. **32.** Кайт. **33.** Успех. **34.** Летун. **35.** Ангел. **37.** Почта. **38.** Эскадра. **39.** Счеты. **40.** Старт. **41.** Каттани. **42.** Окунь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Азарт. **2.** Кошка. **4.** Удар. **5.** Авилов. **6.** Лев. **7.** Барий. **8.** Юнона. **10.** Посох. **11.** Королевич. **13.** Венок. **14.** Выдра. **15.** Динго. **16.** Запах. **18.** Бергман. **19.** Иоланта. **21.** Резидентура. **22.** Исток. **23.** Ковалевская. **28.** Кузнечик. **29.** Валентин. **30.** Ассорти. **32.** Куранты. **36.** Брань.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Титан, заточенный в пещере под школой Тибидохс. **9.** Кто из будущих американских президентов спекулировал русской нефтью еще в 1909 году? **10.** Национальные пирожки из Литвы. **11.** Кто испытывает ненависть к прекрасному полу? **12.** Коляска заодно с велосипедом. **13.** Лошадиные скачки с тотализатором у япон-

цев. **14.** Рачок, способный жить в рассоле. **15.** Итальянские ковбои. **18.** «Первый крестьянин» на византийском троне. **19.** Музыкальный инструмент, которому великий джазмен Дэйв Брубек посвятил одно из своих лучших произведений. **21.** Что в 1853 году называли «саратогскими стружками»? **23.** Дебютная роль в кино для Джонни Деппа. **25.** Самая по-

читаема фигура в буддийской школе Чистой земли. **26.** Этап последнего оледенения. **27.** Сектор ставок на рулетке. **29.** Миланская галерея с работами Рафаэля и Тинторетто. **32.** Французская одежда для путешествий в карете из XVII века. **34.** Неаполитанский театр, где 24 декабря 1895 года состоялся официальный дебют Энрико Карузо. **36.** С давних времен ... клали под подушку, чтобы оградить себя от ночных кошмаров. **37.** Какая из мировых эстрадных звезд приходится дальней родственницей культовому композитору Густаву Малеру? **38.** Златовласая фея у испанцев. **39.** Кому адресованы пушкинские строки: «Мой первый друг, мой друг бесценный»? **40.** «Практически регби» с летающей тарелкой. **41.** Берестяной колпак на удмуртке. **42.** Волчий след.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шелковый материал. **2.** Какое вещество из сои способно привести к бесплодию? **4.** Художник и декоратор среди близких друзей Коко Шанель. Он умер от переживаний сразу после теннисного

матча. **5.** Античный «отец ботаники». **6.** Образ жизни мусульман. **7.** Лес при экваторе. **8.** Наместник в Латинской Романии. **10.** Какое направление проповедует путь к бессмертию в виде оцифровки нервной системы человека? **11.** С какой улицы началась московская семейная жизнь писателя Василия Аксенова? **13.** Самая распространенная фамилия у корейцев. **16.** Бакалейщик в друзьях у маленького лорда Фаунтлероя. **17.** Как звали отца Вацлава Нижинского? **20.** «Охотничий чай» из Швейцарии. **21.** Материал для усиления поручней эскалаторов. **22.** Первая в СССР академик среди женщин. **24.** Скифы в сочинениях Иосифа Флавия. **28.** Австралийская коровка, спешно завезенная в Абхазию, когда туда по неосторожности попал цитрусовый червец, грозивший уничтожить все мандарины. **30.** Фланговый нападающий футбольной команды. **31.** Звезда «немного кино», партнерша Рудольфо Валентино по фильмам. **33.** «Терка» в глотке осьминога. **35.** «Царство войн и кровопролитий» в украинских мифах.

Ответы на эрудит, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Иоффе. **9.** Микки. **10.** Муласье. **11.** Белозор. **12.** Найфлор. **13.** Соксы. **14.** Винилин. **17.** Сокол. **20.** Кляг. **23.** Бусики. **24.** Тизенгаузен. **25.** Ицел. **26.** «Тьма». **27.** Львов. **29.** Капча. **31.** Ваган. **32.** Бако. **33.** Захер. **34.** Батис. **35.** Ретес. **37.** Тилак. **38.** Актимон. **39.** Хлена. **40.** Курду. **41.** Ингульф. **42.** Мокко.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Сивак. **2.** «Скифы». **4.** Овер. **5.** Феофил. **6.** Жур. **7.** Ладон. **8.** Пьюси. **10.** Мория. **11.** Боголепов. **13.** «Симун». **14.** Войгт. **15.** Сквиз. **16.** Дятел. **18.** Фильоас. **19.** Пикадор. **21.** Гильдегарда. **22.** Лудан. **23.** Бенчмаркинг. **28.** «Ватерлоо». **29.** Каженик. **30.** Вагитус. **32.** Бизитун. **36.** Хозье.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи. Журнал «Смена» участвует в акции «Всероссийская декада подписки», проводимой в период с 05 по 15 октября! Цены на этот период будут снижены.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Как вы все хорошо знаете, «смех продлевает жизнь». Действительно, в круговороте забот и проблем нас нередко спасает чувство юмора и легкой иронии. Мы надеемся, что оно присуще и вам, поэтому в 2017 году решили объявить среди подписчиков **новый литературный конкурс «Посмеемся вместе» — на лучший юмористический рассказ.**

Рассказы принимаются объемом 5–15 страниц (до 27 000 знаков), в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2017 года.

Вместе с рассказами присылайте по возможности и копию подписной квитанции или доставочной карточки. Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце 2017 года. Лучшие рассказы мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас смешных интересных историй. Удачи, друзья!

